

Annotation

Любящих супругов Лиз и Джона постигла страшная трагедия — умерла маленькая Энни, и все в семье Уиттейкеров пошло вкривь и вкось, до тех пор, пока в доме не появилась подруга их сына Томми. Юная Мэрибет тоже пережила горе — за единственное пылкое свидание с едва знакомым парнем ей пришлось расплачиваться по самой дорогой цене. Трогательная любовь-дружба между Томми и Мэрибет и забота о будущей юной маме захватили Лиз, заставив забыть свое горе. И когда на свет появилась девочка, Лиз приняла этот великий дар, который послала ей судьба!

- [Даниэла Стил](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
-

Даниэла Стил

Дар

Доставшимся
мне в жизни дарам
— моему мужу
Джону, всем моим
детям, всем
ангелам, которые
прошли через мою
жизнь быстрым
или медленным
шагом, и всем тем
благам, которые
они мне принесли.

*Со всей любовью,
Д. С.*

Глава 1

Энни Уиттейкер любила все, что было связано с Рождеством. Ей нравился сам воздух, атмосфера ожидаемого праздника, царящая повсюду, нравились ярко освещенные елки на газоне перед каждым домом и опоясанные гирляндами лампочек Санта-Клаусы на крышах. Она любила рождественские гимны, и ожидание прихода Санта-Клауса с подарками, и посещение катка, и неизменную чашку горячего шоколада.

Что может быть лучше, чем сидеть рядом с мамой, есть хрустящую кукурузу и во все глаза смотреть на рождественскую елку, увешанную разноцветными фонариками? На Рождество мама разрешала ей ложиться попозже, и уже в предрождественские дни сердце пятилетней девочки наполнялось восторгом и нетерпеливым ожиданием.

Когда Энни родилась, Элизабет Уиттейкер исполнился уже сорок один год, и эта беременность явилась для нее сюрпризом.

К тому времени она уже давно перестала мечтать о втором ребенке.

Их первенцу Томми исполнилось десять лет, и после многочисленных попыток супругов завести второго ребенка Уиттейкеры смирились с мыслью, что он будет их единственным сыном.

Томми рос замечательным мальчиком — у Джона с Элизабет никогда не возникало с ним проблем. Он играл в футбол и бейсбол в Малой лиге, каждую зиму подтверждая свой статус лучшего игрока в хоккейной команде. Он делал все, что от него требовалось, — хорошо учился в школе, любил родителей, и у них никогда не было повода заподозрить в нем какое-либо отклонение от нормы, мелкие недостатки у него были, и Томми вряд ли можно назвать образцовым ребенком, но он вполне заслуживал того, чтобы считаться хорошим мальчиком.

От Лиз он унаследовал светлые волосы, а от отца — ярко-голубые глаза. У Уиттейкера-младшего было здоровое чувство юмора и острый ум, и после естественного шока, вызванного сообщением родителей, он легко смирился с появлением на свет младшей сестренки.

И в течение пяти с половиной лет после ее рождения ему казалось, что в их семье поселилось маленькое солнышко. Энни была живой непоседливой девочкой, фонтанирующей самыми невероятными идеями, и всякий раз, когда она играла с Томми, по всему дому раздавались взрывы оглушительного смеха.

Каждый день девочка с нетерпением ждала его прихода из школы, а потом шла с братом на кухню, где их уже ожидали приготовленные заботливой рукой матери свежие булочки и молоко. После рождения Энни Лиз оставила преподавание и только изредка заменяла в школе заболевших учителей. Она говорила, что хочет проводить со своим ребенком каждую минуту, расти и познавать мир вместе с дочерью. Они все время были вместе.

Тем не менее Лиз находила время для того, чтобы в течение двух лет работать добровольцем в медицинском училище, а теперь она помогала вести художественные занятия в детском садике, который посещала в первой половине дня Энни. Вернувшись домой, они вместе пекли булочки, хлеб и бисквиты или Лиз часами читала дочери книжки, удобно устроившись на диване.

В их доме царила теплая атмосфера; каждый из четырех членов семьи чувствовал себя защищенным от всех невзгод, которые происходят с другими людьми. Джон хорошо обеспечивал своих домашних, возглавляя самую крупную в штате базу оптовой торговли, что позволяло им вести более чем достойный образ жизни. Он унаследовал семейное дело довольно рано и весьма преуспел в нем.

У Уиттейкеров был красивый дом в одном из лучших районов города. Их нельзя было назвать богатыми людьми, но положение Уиттейкера не могли поколебать ветры перемен, неизбежно затрагивающие фермеров, благополучие которых зависело от капризов природы и многих других людей, чей бизнес был связан с изменениями конъюнктуры. Вкусная еда нужна была всем, и Джон Уиттейкер был всегда готов снабдить ею своих клиентов. Он добился многого в своем бизнесе и справедливо надеялся, что рано или поздно Томми станет его преемником.

Но до этого Томми должен был поступить в колледж. И Энни тоже — Джон хотел, чтобы его дочь была такой же умной и образованной, как и жена. Энни, вслед за мамой, хотела стать учительницей, но Уиттейкер-старший мечтал о том, чтобы она

выучилась на врача или адвоката. Для 1952 года это была достаточно высокая планка, но Джон уже позаботился о том, чтобы отложить крупную сумму на образование дочери. Деньги на колледж для Томми он начал копить еще несколько лет назад, так что с финансовой точки зрения никаких проблем с образованием у них возникнуть не могло.

Джон был человеком, который привык верить в исполнение своих мечтаний. Он всегда говорил, что всего можно добиться, если очень сильно захотеть и если приложить к этому усилия. А уж в трудолюбии ему нельзя было отказать.

Лиз всегда ему помогала, но теперь он был очень рад тому, что она сидела дома. Джон любил, приходя домой под вечер, заставить жену в детской, где мать и дочь самозабвенно играли в куклы. Его сердце наполнялось теплом при виде этих идиллических сцен. Это был счастливый сорокадевятилетний человек, у которого была очаровательная жена и двое потрясающих детей.

— Куда вы все подевались? — крикнул Джон из холла, стряхивая снег со своей шляпы и пальто и отмахиваясь от собаки, которая встречала хозяина, радостно виляя хвостом и оскальзываясь в лужицах, оставленных его ботинками.

Эта породистая собака — большой ирландский сеттер — носила имя Бесс, в честь жены президента. Сначала Лиз протестовала, считая, что это неуважение к миссис Трумэн, однако имя настолько подходило собаке и настолько прилипло к ней, что никто не помнил, как ей, собственно, его дали.

— Мы здесь, — откликнулась Лиз, и Джон прошел в гостиную, где его жена и дочь вешали на елку фигурные имбирные пряники.

Они пекли и украшали их разноцветной глазурью целый день, а пока пряники сидели в духовке, Энни вырезала бумажные цепи.

— Привет, папа! Тебе нравится?

— Очень.

Он улыбнулся ей и, подхватив на руки, легко поднял девочку вверх.

Джон был сильным мужчиной — недаром в его жилах текла ирландская кровь. У него были черные волосы, ничуть не поседевшие к пятидесяти годам, и ясные голубые глаза, которые он передал обоим своим детям. У Лиз при светлых волосах глаза были светло-карими,

почти ореховыми. А прелестные волосы Энни были пшенично-золотистыми, что делало ее похожей на ангела.

Улыбаясь друг другу, отец и дочь шутливо потерлись в знак приветствия носами. Потом он усадил Энни рядом с собой и потянулся поцеловать жену. Прожив много лет рядом, они смогли сохранить свежесть чувств.

— Как прошел день? — ласково спросила Лиз.

Они были женаты уже двадцать два года, сыграв свадьбу через два года после того, как Лиз окончила колледж, и" за исключением тех редких случаев, когда жизненные невзгоды донимали их, они казались страстно влюбленными друг в друга.

К моменту их женитьбы Лиз уже работала учительницей, а Джон взял на себя управление семейным делом.

Их долгожданный первенец появился на свет только через семь лет супружества, когда Лиз и Джон успели распрощаться с надеждой иметь ребенка. Старый доктор Томпсон так и не смог установить, почему она не способна забеременеть или выносить дитя. До рождения Томми у Лиз было три выкидыша, поэтому долгожданное событие было воспринято супругами как настоящее чудо. И еще большим чудом и благословением было последовавшее через десять лет рождение Энни. Дети давали им такую радость, которую нельзя было сравнить ни с чем.

— Я получил сегодня партию хороших апельсинов из Флориды, — сказал Джон, сев в кресло и взяв в руки трубку. В камине уютно горел огонь, и в доме вкусно пахло имбирем и ванилью. — Завтра я принесу немного домой.

— Здорово! Я так люблю апельсины!

Энни захлопала в ладоши и забралась к отцу на колени. Бесс тоже попыталась к ним присоединиться, положив передние лапы на ноги своего хозяина. Однако собаку пришлось отогнать — сверху спустилась Лиз, чтобы наградить мужа еще одним поцелуем и предложить стакан горячего сидра.

— Пожалуй, я не откажусь.

Джон улыбнулся и последовал за ней в кухню, задержав шаг, чтобы в который раз полюбоваться ее по-прежнему стройной фигурой.

Энни держала его за руку, а через минуту входная дверь хлопнула, и на пороге появился Томми с замерзшим носом, красными щеками и

коньками в руках.

— М-м-м... Как хорошо пахнет... Привет, мама, привет, папа... эй, малявка, а ты что сегодня делала? Ела мамины пряники?

Он взъерошил сестренке волосы и стал растирать замерзшие щеки и уши. На улице крепчал мороз, а снегопад все усиливался.

— Я пекла пряники вместе с мамой... и съела только четыре, — с достоинством ответила Энни, и все остальные рассмеялись.

Девочка была настолько очаровательна, что никто — ни боготворившие ее родители, ни даже старший брат, до недавних пор скептически относившийся к девчонкам, — не мог противостоять ее обаянию. Однако Энни вовсе не была испорчена, просто ее не покидало ощущение того, что она всеми любима. Это, в свою очередь, проявлялось в ее отношении к миру и к жизни вообще. Она любила каждого, кто встречался ей на пути, обожала смеяться, играть и бегать так, чтобы ее волосы развевал ветер. Она любила возиться с Бесс, но еще больше со своим старшим братом. И сейчас Энни с обожанием посмотрела на него, взяв у него из рук изрядно заезженные коньки.

— А мы пойдем завтра кататься? — спросила она.

Неподалеку от дома был пруд, и Томми часто брал сестренку с собой по субботам.

— Только если прекратится снегопад. Снегу навалило столько, что ты и катка не найдешь, — невнятно пробормотал Томми, рот которого был набит воздушным, восхитительным печеньем, которое, наверное, могла печь только его мать.

Лиз сняла фартук и осталась в опрятной блузке и серой юбке. Джон никогда не отказывал себе в удовольствии отметить про себя, что фигура жены ничуть не изменилась с того момента, когда он в первый раз встретил ее в старших классах школы. Она была значительно младше его, и он некоторое время стеснялся признаться кому бы то ни было в том, что влюблен в такую юную девочку. Однако одноклассники быстро поняли, что к чему. Сначала они смеялись над ними, но вскоре привыкли.

На следующий год Джон оставил школу и пошел работать к своему отцу, а она сдала выпускные экзамены и поступила в колледж.

Учеба заняла семь лет, и еще два года Лиз проработала учительницей. Он терпеливо ждал ее, ни на минуту не сомневаясь, однако, что результат стоит ожидания. Все, чего им обоим хотелось,

приходило к ним не сразу — как их дети. Теперь же супруги Уиттейкеры были счастливы. У них было все, о чем они только могли мечтать.

— У меня завтра днем будет игра, — мимоходом обронил Томми, вытащив из вазочки еще два печенья.

— Накануне елки? — удивленно спросила Лиз. — У нас, между прочим, перед Рождеством полно других дел.

Обычно они всегда посещали игры Томми, если только им не мешало что-нибудь серьезное. Джон тоже играл в хоккей и футбол и любил это занятие. Лиз относилась к увлечению сына спортом менее восторженно, опасаясь всевозможных травм. Несколько мальчиков из школьной команды уже оставили свои зубы на хоккейной площадке, однако Томми был осторожен, и ему везло. Ни переломов, ни серьезных повреждений ему переносить не приходилось — лишь несколько растяжений и ушибов, которые, по словам его отца, были необходимой частью мужского занятия.

«В конце концов, он мальчик, и его нельзя всю жизнь держать в тепличных условиях», — говорил Джон. Но Лиз тайно признавалась себе, что она была бы не прочь построить такую теплицу. Она очень дорожила своими детьми и не хотела, чтобы что-нибудь случилось с ними или с Джоном. Лиз умела ценить дарованное ей счастье.

— У тебя уже начались каникулы? — с интересом спросила Энни.

Том кивнул с важным видом. На каникулы у него было намечено множество планов; немаловажную роль в них играла некая девочка по имени Эмили, на которую он положил глаз еще в День Благодарения. Она совсем недавно переехала в Гриннелл из Чикаго. Мама ее работала медсестрой, а отец был врачом. Она была очень хорошенькая — настолько, что Томми несколько раз приглашал ее на свои хоккейные игры. Однако пойти дальше он пока не решался. В праздники Томми намеревался пригласить ее в кино и, может быть, даже отпраздновать с ней Новый год — если у него, конечно, хватит смелости.

Зоркой Энни было прекрасно известно, что ему нравится Эмили. Как-то раз на катке, где Эмили каталась с подружками и одной из своих сестер, она видела, какими глазами Томми уставился на предмет своей страсти и как стремительно он покатился ей навстречу. Энни в общем-то не возражала против этой привязанности, однако она не

понимала, почему ее брат так сходит с ума по этой девочке, лично она не находила в ней ничего примечательного. У Эмили были длинные и блестящие черные волосы, и она неплохо каталась на коньках. Она мало говорила с братом, только стреляла в него глазками, но при этом изо всех сил старалась показать, как ей нравится малышка Энни.

— Это потому, что она в тебя влюбилась, — знающим тоном объяснила ему Энни на обратном пути.

— С чего ты взяла? — спросил Томми как можно более спокойным голосом, пытаясь скрыть свое смущение.

— Она строила тебе глазки все время, пока мы катались, — сказала Энни, привычным жестом забрасывая непослушную прядь за плечо.

— Что значит «строила глазки»?

— Ты сам прекрасно это знаешь, так что не притворяйся. По-моему, она от тебя без ума.

Поэтому-то Эмили так вокруг меня и увивается. У нее тоже есть младшая сестра, но с ней она обращается совсем по-другому. Говорю тебе, ты ей нравишься.

— Что-то вы много стали понимать в жизни, Энни Уиттейкер. Не пора ли вам вернуться к вашим куклам? — насмешливо спросил сестренку Томми.

Пытаясь сделать вид, что его совершенно не занимают ее слова, он напомнил себе о том, что ему абсолютно не важно, как он выглядит в глазах этой пятилетней малышки.

— А ведь тебе она тоже нравится, правда? — продолжала подтрунивать Энни.

— Слушай, какое тебе дело? Не суй нос куда не надо! — огрызнулся Томми.

Это был тот редкий случай, когда он говорил с ней резко, однако Энни не обратила никакого внимания на его тон.

— По-моему, ее старшая сестра гораздо симпатичнее, — глубокомысленно изрекла она.

— Я буду иметь это в виду, если вздумаю поухаживать за старшеклассницей.

— А чем тебе не нравятся старшеклассницы? — удивилась Энни, поставленная в тупик этим возрастным разграничением, пока не доступным ее пониманию.

— Да ничем. Просто им всем по семнадцать лет, — объяснил он, и Энни машинально кивнула, хотя слова брата мало проясняли ситуацию.

— Тебе виднее, — вздохнула она. — Тогда ухаживай за Эмили.

— Спасибо за разрешение.

— Не за что, — серьезно сказала Энни.

Они уже подходили к дому, где их ждал горячий шоколад и огонь в камине. Несмотря на замечания сестры о том, что ее не касалось, Томми любил проводить с ней время. В ее обществе он всегда чувствовал себя горячо любимым и очень значительным человеком. Она боготворила его и была невероятно ему преданна. Энни восхищалась им, а он отвечал ей искренней любовью.

Перед сном она устроилась у него на коленях, чтобы послушать свои любимые сказки.

После того как Томми дважды прочитал ей самую короткую из них, мама отвела малышку в детскую. Когда они остались вдвоем, Томми завел с отцом мужской разговор. Сначала они говорили о состоявшемся месяц назад избрании президентом США Эйзенхауэра и о тех изменениях, которые это может за собой повлечь. А потом разговор сам собой перескочил на бизнес, как это обычно и случалось. Отец хотел, чтобы Томми получил научную степень в сельском хозяйстве и в экономике. Они оба верили в немудреные, но важные вещи: семью, детей, святость брачных уз, честность и идеалы дружбы. Горожане любили и уважали семейство Уиттейкеров, а про Джона всегда говорили, что он хороший семьянин, прекрасный человек и замечательный работник. Оставшись довольными разговором, отец и сын пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам.

Этот вечер Томми провел с одним из своих друзей. Погода была настолько неприятной, что он даже не стал просить у отца машину, дойдя до дома приятеля пешком и вернувшись в половине двенадцатого.

Родителям не приходило в голову беспокоиться о Томми. В пятнадцать лет он приобщился к взрослой жизни, и это кончилось тем, что на пути домой его рвало в отцовской машине от чрезмерного количества выпитого пива. Конечно, Лиз и Джона это не обрадовало,

но у них хватило ума не делать из этого трагедии. Он был хорошим парнем, и они знали, что каждый ребенок рано или поздно пройдет через подобные приключения.

Джон в свое время грешил этим гораздо больше, особенно когда Лиз училась в колледже. Иногда она подтрунивала на эту тему, на что он неизменно говорил, что является образцом добродетели; в ответ на это жена обычно скептически поднимала бровь, и дело кончалось нежным поцелуем.

Этим вечером они легли спать рано, а утром за окном их ждала настоящая рождественская открытка, белая и прекрасная.

Уже в половине девятого Энни и Томми помогали маме лепить во дворе снеговика.

После того как Энни водрузила ему на голову любимую хоккейную каску Томми, брат предупредил ее, что ему придется одолжить ее на время игры.

— Если снеговик разрешит тебе ее взять, я дам знать, — ответила Энни и немедленно оказалась в снегу.

Потом они возились в сугробе до тех пор, пока одежда на них не промокла.

Днем они все отправились посмотреть, как Томми играет в хоккей. Его команда проиграла, но он все равно был в приподнятом настроении. Эмили тоже пришла, правда, в окружении нескольких подруг, к которым она якобы случайно присоединилась. На ней была юбка из шотландки и высокие ботинки на шнуровке. Ее длинные черные волосы были собраны в конский хвост, а Энни заметила, что она была накрашена.

— Что ты в этом понимаешь? — недоверчиво спросил Томми.

Родители подождали, пока он занесет хоккейное снаряжение в школу, и теперь они возвращались домой все вместе. Эмили со свитой хихикающих подружек уже удалилась.

— Я иногда пользуюсь маминой косметикой, — как ни в чем не бывало ответила Энни.

Отец и сын понимающе переглянулись, ласково глядя на важно шествующую впереди всезнайку.

— Не болтай ерунды, Энни, мама не красится, — убежденно сказал Томми.

— Нет, красится. Она пудрится, румянится и иногда красит губы.

— Правда? — Томми был поражен до глубины души.

Он считал свою маму красивой, но никогда не догадывался о том, что эта красота была отчасти искусственной.

— Иногда мама красит ресницы тушью, но мне она всегда попадает в глаза, и я плачу от этой туши, — добавила Энни, и Лиз рассмеялась.

— Я тоже от нее плачу, поэтому так редко ею пользуюсь.

Потом они поговорили о закончившейся игре и о всякой всячине, после чего Томми снова отправился к кому-то из своих друзей, а его одноклассница пришла посидеть с Энни, чтобы родители могли пойти на рождественскую вечеринку к соседям.

Они вернулись домой к десяти часам, когда их дочь уже мирно посапывала в кроватке. На рассвете родителей разбудила нетерпеливая Энни. Девочка поднялась чуть свет, вся трепещущая в преддверии Рождества. Сегодня наряжали рождественскую елку, и она могла думать только о своих просьбах к Санта-Клаусу.

Ей очень хотелось куклу от мадам Александр, но она не была уверена, получит ли ее. Кроме того, ей нужны были новые санки и велосипед, однако велосипед она решила попросить на день рождения, поближе к весне.

Казалось, что в этот день надо переделать тысячу вещей, чтобы как следует подготовиться к Рождеству. Завтра они ждали гостей, и мама спешно допекала свои вкусные булочки и печенье. А вечером семейство Уиттейкеров собиралось идти в церковь на рождественскую мессу.

Энни очень любила этот ритуал, хотя и не понимала его до конца. Но ей нравилось идти к церкви по празднично украшенным вечерним улицам, а потом сидеть в тепле между родителями, слушать песнопения и вдыхать запах ладана. В храме к празднику устанавливались красивые ясли с фигурками Иосифа, Марии и окружавших их животных. А в полночь служители клали в ясли младенца. Энни всегда протискивалась в первый ряд зрителей и с любопытством смотрела на маленького Иисуса.

— Совсем как мы с тобой, правда, мама? — спрашивала она, крепко прижимаясь к маминому боку, и Лиз, нагнувшись, целовала ее.

— Совсем как мы, — эхом отзывалась Лиз, в который раз думая о том, как она счастлива. — Я тебя очень люблю, Энни!

— Я тоже тебя люблю, — шептала в ответ девочка.

Этим вечером она снова отправилась на службу вместе с родителями и, сидя между ними, уснула сладким сном. Здесь было так хорошо и уютно — воздух в храме был напоен ароматом хвои, торжественная музыка убаюкивала ее. Она не проснулась даже тогда, когда началась процессия.

Но на обратном пути Энни все же проверила, на месте ли младенец Иисус. Увидев маленькую фигурку, Энни улыбнулась, посмотрела на мать и крепко сжала ее руку. Лиз почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Дочка была для них особым даром, посланным им для того, чтобы приносить в дом радость, тепло и смех.

Они вернулись домой во втором часу ночи.

Энни совсем засыпала, и мама немедленно отнесла ее в детскую. Когда Томми зашел поцеловать сестренку на ночь, она уже крепко спала, тихо посапывая. Ее лоб показался ему горячим, но он не придавал этому значения и не стал беспокоить родителей. Энни выглядела настолько умиротворенной и счастливой, что заподозрить что-либо неладное было невозможно.

Но в рождественское утро малышка проснулась позже обычного и выглядела несколько утомленной. Накануне вечером девочка была настолько сонной, что Лиз сама поставила на крыльцо тарелку с морковью и солью для северного оленя и печенье для Санта-Клауса.

Проснувшись, Энни первым делом проверила, съедены ли их подарки. Она казалась несколько заторможенной и жаловалась на головную боль, но признаков простуды у нее не было, и Лиз подумала, что дочка скорее всего подхватила грипп в слабой форме. В последние дни было настолько холодно, что она вполне могла простыть, играя с Томми на улице.

Но к тому времени, когда был подан ленч, Энни выглядела совершенно здоровой. Кукла от мадам Александр, которую принес ей Санта-Клаус, привела девочку в полный восторг; среди подарков были и другие игрушки, и новые санки. Вместе с Томми она отправилась на улицу и гуляла целый час, и, когда вернулась домой, чтобы выпить горячего шоколада, на ее щеках горел яркий румянец и девочка выглядела совершенно здоровой.

— Ну что, принцесса, — сказал ей отец, улыбаясь и набивая новую трубку, которую Лиз выписала ему из Голландии вместе с

резной подставкой для трубок ручной работы, — Санта-Клаус был щедр?

— О да! — радостно ответила девочка. — Мне так нравится моя новая кукла, папа.

Энни улыбнулась отцу так, как будто понимала, кто на самом деле подарил ей куклу, хотя, конечно же, она об этом еще не догадывалась. Все домашние тщательно поддерживали миф о том, что подарки приносит щедрый Санта-Клаус, хотя многие ее подружки уже разобрались, в чем дело. Но Лиз настаивала на том, что Санта-Клаус приходит ко всем хорошим детям и даже к некоторой не вполне хорошим, в надежде, что они станут лучше. А Энни, безусловно, была славной девочкой — ее любили не только родные, но и все, кто ее знал.

Днем к Уиттейкерам пришли гости: три семьи, живущие неподалеку, и двое менеджеров Джона с женами и детьми. И вскоре воздух в доме зазвенел от детского смеха. Среди гостей были и ровесники Томми, и он хвастался перед ними своей новой удочкой. Теперь он не мог дождаться весны, чтобы ею воспользоваться.

День прошел прекрасно, а вечером, перед сном, они снова собрались за столом. К праздничному столу Лиз наготовила столько вкусного, что казалось, им не осилить это и за неделю.

— По-моему, я теперь месяц не смогу есть, — сказал Джон, потягиваясь.

Его жена улыбнулась и вдруг заметила, что Энни выглядит очень болезненной. В глазах девочки появился нездоровый блеск, а на щеках атели два ярких пятна, как будто она намазалась мамиными румянами.

— Ты что, опять лазила в мою косметичку, маленькая кокетка? — спросила Лиз, не сумев скрыть беспокойства за шутливым вопросом.

— Нет... но падал снег... и потом я...

Энни выглядела смущенной. Она посмотрела на Лиз с удивлением, так, словно сама не знала, что говорит, и это испугало ее.

— Ты плохо себя чувствуешь, киска?

Наклонившись к дочери, Лиз потрогала ее лоб и обнаружила, что девочка вся горит.

А ведь весь день она казалась такой счастливой. Она играла со своей новой куклой и носилась с подружками по всему дому, как всегда становясь заводилой в новых забавах.

— Не знаю, наверное, — пожала плечами Энни, вдруг показавшись всем очень маленькой и беззащитной.

Лиз взяла ее на руки и убедилась, что у девочки высокая температура. Она прижала к себе ее пылающее тельце и подумала о том, что надо вызвать врача.

— В рождественский вечер как-то неудобно тревожить людей, — не слишком уверенно произнесла она.

И, кроме того, на улице так похолодало.

С севера надвигался циклон, и в метеосводке по радио сообщили, что снегопад будет продолжаться до утра.

— Малышка просто перевозбудилась. Она выспится как следует, и все будет в порядке, — уверенно сказал Джон. По природе своей он был менее беспокойным человеком, чем Лиз. — Просто слишком много впечатлений для одного маленького человечка..

Да и все они в общем-то были слегка возбуждены событиями последних дней — встречи с друзьями, игра Томми, елка и приготовления к Рождеству подействовали на всех. Лиз решила, что скорее всего муж прав. Для такой маленькой девочки это было слишком.

— Как насчет того, чтобы проехаться до кровати на папиных плечах?

Энни обрадованно согласилась, но, когда Джон попытался поднять ее, резко вскрикнула и сказала, что у нее болит шея.

— Что это может быть, как ты думаешь? — спросила Лиз, когда он вернулся из детской.

— Ничего страшного — обычная простуда.

Такое состояние иногда длится неделями, а в школе вообще все дети болеют, я уверен. Она скоро придет в себя, — заверил он жену, ласково похлопав ее по плечу.

И Лиз понимала, что он скорее всего прав, однако страх перед полиомиелитом, туберкулезом и другими страшными болезнями сидел в ней достаточно глубоко.

— Не бойся, все будет в порядке, — повторил Джон, зная, как склонна Лиз к чрезмерному беспокойству. — Я тебе обещаю.

Лиз поднялась из-за стола и пошла поцеловать Энни на ночь. Увидев дочку, она немного успокоилась. Несмотря на то что глаза малышки ярко блестели, лоб был по-прежнему горячим, а лицо —

бледным, Лиз решила, что ее состояние не требует срочного обращения к врачу. Возможно, Энни действительно просто устала и перевозбудилась. Джон был прав. Она простудилась или подхватила легкий грипп.

— Спи крепко, а если тебе будет плохо, разбуди нас, — сказала Лиз, укладывая девочку и целуя ее в лоб. — Я тебя очень, очень люблю, солнышко мое... и спасибо тебе за картинку, которую ты мне нарисовала на Рождество. Она мне очень нравится, и я повешу ее в спальне.

Для Джона Энни сделала в подарок пепельницу, раскрасив ее в свой самый любимый ярко-зеленый цвет.

Казалось, что девочка уснула еще до того, как Лиз вышла из комнаты. Помыв посуду, Лиз пришла ее проведать. Температура поднялась еще выше, Энни металась и постанывала во сне, но не проснулась, когда Лиз дотронулась до нее.

Было десять часов вечера, и обеспокоенная Лиз решила, что стоит хотя бы позвонить врачу, чтобы проконсультироваться с ним.

Он оказался дома, и Лиз описала доктору состояние дочери. Она не рискнула разбудить девочку, чтобы поставить ей градусник, но, когда она ложилась спать, у нее было тридцать семь и восемь, что в общем-то не внушало серьезных опасений. Она упомянула о боли в шее, и доктор сказал, что при гриппе подобных болей обычно не бывает. Однако он согласился с Джоном, сказав, что малышка скорее всего просто переутомилась и подхватила простуду в эти морозные дни.

— Если завтра утром температура спадет, вы все-таки привезите ее ко мне, Лиз. А если состояние останется прежним, я сам приеду к вам. Позвоните мне, когда она проснется. Но я уверен, с ней все будет в порядке. У меня за последнюю неделю было несколько десятков случаев простуды с резким повышением температуры. Они обычно проходят без всяких серьезных последствий, но болеть ими крайне неприятно. Держите девочку в тепле и следите за температурой. В случае нужды звоните мне, не стесняйтесь.

— Спасибо вам, Уолт.

Уолтер Стоун был их домашним врачом с момента рождения Томми и успел стать им хорошим другом. Как всегда после разговора с

ним, Лиз почувствовала себя уверенней. Он, конечно же, был прав. Это была простая простуда, ничего серьезного.

В этот вечер они с Джоном долго сидели в гостиной и разговаривали о друзьях, о жизни, о детях и о том, как они счастливы, как много лет прошло с тех пор, когда они впервые встретились, и какими наполненными были эти годы. Настало время, когда они могли поблагодарить судьбу.

Перед тем как лечь спать, Лиз еще раз зашла к Энни. Температура больше не поднималась, и девочка выглядела менее беспокойной.

Она лежала очень тихо и размеренно дышала.

В ногах у нее, как обычно, спала собака.

И ни Бесс, ни Энни даже не пошевелились, когда Лиз тихонько притворила дверь и вышла из комнаты.

— Ну как она? — спросил Джон, залезая под одеяло.

— Кажется, лучше, — улыбнулась Лиз. — Я знаю, что это обычное детское недомогание, но все равно слишком волнуюсь и ничего не могу с собой поделать.

— Поэтому-то я тебя и люблю. Ты так хорошо заботишься о каждом из нас. Я даже не знаю, чем я заслужил такое счастье.

— Тебе просто посчастливилось разглядеть во мне свою половину, когда мне было только четырнадцать.

Джон был ее первой любовью и первым и единственным мужчиной. И за долгие годы их знакомства ее любовь к нему превратилась в подлинно глубокое чувство.

— Ты знаешь, ты и сейчас выглядишь ненамного старше четырнадцати лет, — сказал он и мягко притянул ее к себе.

Лиз с готовностью наклонилась к мужу и, пока он медленно расстегивал пуговицы на ее блузке, выскользнула из праздничной бархатной юбки.

— Я люблю тебя, Лиз, — прошептал Джон, уткнувшись в ее шею, и она почувствовала, как в ней поднимается трепетная волна желания. Его руки скользнули к ее напряженной груди, а губы властно нашли ее рот.

Они наслаждались близостью друг друга, а потом наконец уснули, удовлетворенные и усталые. Их жизнь была наполнена счастьем, которое они строили в течение многих лет. Они научились ценить и беречь свою взаимную любовь.

Засыпая в его объятиях, Лиз думала о своем супруге. Он крепко прижал ее к себе, обхватив за талию, переплеться с ней ногами и уткнувшись лицом в ее чудесные светлые волосы.

Так, мирно и спокойно, они проспали до утра.

Проснувшись, Лиз накинула халат и первым делом направилась в комнату Энни.

Девочка еще спала. Она лежала в спокойной позе, однако, подойдя ближе, Лиз заметила, что лицо Энни залила смертельная бледность и она дышит с трудом.

Она легонько потрясла ее за плечо, но девочка лишь слабо застонала и не открыла глаз.

Сердце Лиз ухнуло куда-то вниз, она снова принялась теревить дочь и громко звать ее по имени.

Томми услышал ее голос раньше, чем Джон, и прибежал взглянуть, в чем дело.

— Что случилось, мама? — встревоженно спросил он, мгновенно уловив ее смятение.

Полусонный, взлохмаченный, он стоял на пороге детской в пижаме и ежился от холода.

— Я не знаю, сынок. Скажи папе, чтобы он немедленно позвонил доктору Стоуну. Я не могу разбудить Энни.

После этих слов у нее потекли слезы. Нагнувшись к лицу дочери, она ощутила слабое, почти неуловимое дыхание Энни, но девочка была без сознания, и Лиз сразу определила, что температура резко подскочила по сравнению со вчерашним вечером. Боясь оставить Энни одну хоть на минуту, она даже не решилась сбегать в ванную комнату за градусником.

— Скорее! — поторопила она Томми и попыталась приподнять дочь.

При ее прикосновении Энни дернулась и приглушенно крикнула, однако не сказала ни слова и даже не открыла глаз. Казалось, она не понимала, что происходит вокруг.

Лиз в полной растерянности сидела на кровати, обняв девочку. Она не знала, как помочь своему ребенку, и сердце ее разрывалось от горя и тревоги.

— Пожалуйста, детка... Пожалуйста, проснись... ну же... я так тебя люблю... Энни, пожалуйста...

Вбежавший в комнату Джон застал жену в слезах.

— Уолтер сказал, что сейчас приедет. Что случилось?

Он тоже выглядел обеспокоенным, хотя и не хотел выдавать жене свое волнение. А Томми выглядывал из-за плеча отца, испуганный и растерянный.

— Я не знаю... У нее очень высокая температура... я не могу разбудить ее... О Господи...

Джон... пожалуйста... сделай что-нибудь...

Всхлипывая, Лиз сжала пылающее тельце дочки в объятиях. На этот раз Энни даже не застонала. Совершенно безжизненная, она обмякла на руках своей матери, и все трое молча смотрели на нее.

— Все будет в порядке. У детей часто такое бывает. Только что им было плохо, а через два часа смотришь — и они уже играют, как ни в чем не бывало. Ты же сама знаешь... — Джон изо всех сил пытался скрыть охватившую его смертельную тревогу.

— Не говори мне, что я знаю! Что я знаю, так это то, что наша девочка очень больна! — резко вскинулась в ответ Лиз.

— Уолт сказал, что, если понадобится, он отвезет ее в больницу.

Все они понимали, что без таких серьезных мер не обойтись.

— Пойди оденься, — мягко сказал Джон. — Я присмотрю за ней.

— Я ее не оставлю, — твердо ответила Лиз.

Она снова уложила Энни на кровать и нежно погладила ее слипшиеся от пота волосы.

Томми смотрел на свою сестренку полными ужаса глазами. Она была такой белой, что могло показаться, будто она умерла, и, только пристально присмотревшись, можно было заметить, что она слабо дышит. Невозможно было поверить в то, что она может проснуться, засмеяться и задать какой-нибудь каверзный вопрос, но ему хотелось верить, что это произойдет.

— Как она могла так быстро разболеться?

Вчера вечером Энни была молодцом, — тихо сказал Томми.

— С ней вчера не все было в порядке, но я решила, что это несерьезно.

Лиз с неожиданным упреком посмотрела на Джона, как будто это он был виноват в том, что она не позвала врача накануне. Теперь она с отвращением вспоминала о том, что они занимались любовью как раз

в тот момент, когда Энни в своей комнате металась в жару и нуждалась в их помощи.

— Надо было вызвать Уолта вчера.

— Ты же не знала, что она будет в таком состоянии, — успокаивающе сказал Джон, понимая, как жена казнит себя, но Лиз ничего не ответила.

Они услышали, как к дому подъехала машина, и вскоре доктор уже звонил в дверь.

Джон кинулся открывать.

На улице было очень холодно, и уже начался обещанный буран. Валил густой снег, и мир снаружи выглядел таким же унылым, как комната Энни.

— Что случилось? Девочке стало хуже? — спросил доктор Джона, пока они поднимались по лестнице в детскую.

— Я не знаю. Лиз говорит, что температура у Энни резко подскочила, и мы не можем ее разбудить.

Оказавшись в комнате Энни, доктор торопливо кивнул Лиз и Томми и сразу занялся маленькой пациенткой. Он потрогал ее лоб, пощупал пульс и посмотрел зрачки. Послушав девочку стетоскопом и проверив некоторые из ее рефлексов, Уолтер с встревоженным видом повернулся к близким девочки, с тревогой наблюдающим за его манипуляциями.

— Я должен немедленно отвезти ее в больницу и сделать анализ спинномозговой жидкости. Я опасюсь, что это менингит.

— О Боже!

Лиз не знала точно, что это за болезнь, но предчувствовала, что такой диагноз ничего хорошего им не сулит. О серьезности положения свидетельствовал не только вид Энни, но и беспокойство врача.

— Она выздоровеет? — еле слышно шепнула Лиз, сжав руку Джона.

Стоявший в дверях Томми не сводил со взрослых испуганных глаз. Ожидая ответа доктора, Лиз чувствовала, как глухо бьется ее сердце. Уолтер так давно был их другом, но сейчас, когда от его ответа зависела судьба Энни, он казался ей врагом.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Девочка серьезно больна. Я немедленно отвезу ее в больницу. Кто-нибудь из вас поедет со мной?

— Мы поедem оба, — твердо сказал Джон. — Через минуту мы будем готовы. Томми, побудь пока с доктором и Энни.

— Я... папа... — Казалось, слова застревали у мальчика в горле, а слезы катились по лицу так быстро, что он не успевал вытирать их, — я тоже хочу поехать, и... я должен там быть.

Джон хотел было возразить, но потом кивнул. Он понял, как тяжело будет сыну оставаться в неведении в опустевшем доме. Он знал, что Энни значила для старшего брата, как и для всех них. Они не могли позволить себе потерять ее.

— Иди одевайся. — Он повернулся к доктору:

— Мы будем готовы через минуту.

Войдя в спальню, Джон застал Лиз уже почти готовой. Наспех одевшись в первые попавшиеся под руку вещи и торопливо причесав волосы, Лиз схватила сумку и пальто и поспешно вернулась в комнату Энни.

— Как она? — с трепетом спросила она с порога, словно надеясь, что за время ее отсутствия произошло чудо.

— Никаких изменений, — тихо сказал врач.

Он постоянно проверял ее дыхание, пульс и прочие важные параметры. Кровяное давление девочки снижалось, пульс был слабым, и она все глубже погружалась в кому. Уолтер понимал, что в больницу нужно попасть как можно скорее, но он знал также и то, что даже в больнице врачи мало что смогут сделать с менингитом.

Через секунду в дверях появился Джон, а в следующее мгновение — Томми в хоккейной форме: это было первое, что попало ему на глаза в его шкафу.

— Поехали, — сказал Джон, беря дочку на руки.

Лиз завернула ее в два теплых одеяла. Энни пылала от жара, личико осунулось и было невероятно бледным. Лоб был сухой, губы посинели. Подойдя к машине доктора, Джон с Энни на руках сел на заднее сиденье. Лиз устроилась рядом с ним, а Томми расположился спереди. В этот момент Энни слабо пошевелилась и снова затихла, и на всем пути в больницу она больше не подавала признаков жизни.

В машине царило напряженное молчание.

Лиз неотрывно смотрела на свою дочь, ощущая собственное бессилие. Она несколько раз коснулась лба дочери, и исходивший от него жар привел ее в ужас.

Джон донес дочь до приемного покоя «Скорой помощи», где уже ждали предупрежденные Уолтером по телефону медсестры. Когда у девочки брали пункцию спинного мозга, Лиз стояла рядом с операционным столом, словно ее присутствие могло облегчить страдания дочери. Врачи просили ее удалиться, но она отказалась наотрез.

— Я останусь здесь, с ней, — с яростью в голосе сказала она. Медсестры переглянулись, и доктор кивнул.

Ожидание казалось им бесконечным.

К трем часам дня они получили подтверждение предварительного диагноза. У Энни был менингит.

За это время температура поднялась еще выше. Теперь у нее было сорок один и шесть, и все попытки хоть как-то сбить температуру ни к чему не приводили.

Энни лежала в детской палате, на высокой кровати, окруженной многочисленными приборами, а родители и брат молча стояли рядом, не сводя с нее глаз. Изредка она тихо постанывала, но не просыпалась и не шевелилась. Врач тщательно осмотрел ее. Состояние Энни его беспокоило, и он не стал обнадеживать встревоженных родителей. Он понимал, что, если в ближайшее время температура не спадет и девочка не придет в сознание, помочь ей будет практически невозможно. Вернуть ее к жизни или вылечить было не в его силах. Все было в руках судьбы.

Пять с половиной лет назад девочка стала для родителей подарком судьбы, неся им любовь и радость, а теперь этот дар ускользал от них, и никто не мог этому воспрепятствовать.

Оставалось только молиться, надеяться на чудо и просить ее не покидать их. Но она, казалось, ничего не слышала.

Стоя рядом с кроватью, Лиз всматривалась в неузнаваемо изменившееся лицо своей дочурки и сжимала ее пылающую маленькую ручку. Она безотлучно находилась при девочке. Джон и Томми поочередно держали малышку за другую руку, а потом выходили в коридор, не в силах смотреть на ее мучения. Никогда раньше ни отец, ни сын не чувствовали себя настолько беспомощными. Мужчины, казалось, смирились с ее судьбой, но Лиз,

которая категорически отказывалась отойти от кровати дочери, была исполнена упрямой и мрачной решимости.

У нее было чувство, что, если она покинет Энни хотя бы на минуту, битва за ее жизнь будет проиграна. Нет, она не отпустит ее во тьму без борьбы — она вцепится в нее, удержит и отобьет ее у смерти.

— Мы любим тебя, детка... мы все так тебя любим... папа, и Томми, и я... ты должна проснуться... ты должна открыть свои глазки... давай, мое солнышко... давай... я знаю, что ты можешь. Ты обязательно выздоровеешь... Это просто коварный вирус... но ведь ты его победишь, правда? Давай, Энни... давай, котенок... пожалуйста...

Она часами без усталости разговаривала с находящейся в беспмятстве дочерью и даже к вечеру отказалась выйти из палаты. В конце концов Лиз все же села на предложенный стул, по-прежнему держа Энни за руку.

Лиз то молчала, сгорбившись у постели девочки, то снова начинала говорить с ней, и Джон все чаще и чаще выходил в коридор, не в силах вынести этот кошмар.

Вечером медсестры увели из палаты Томми, потому что мальчик был не в себе — видеть, как мама умоляет сестру вернуться к жизни, а та остается безмолвной и безжизненной, было выше его сил. Видя, что происходит с отцом и матерью, он не мог справиться со своим отчаянием. Томми стоял рядом с кроватью и всхлипывал, а у Лиз не хватало сил успокоить его. Минуту они постояли обнявшись, а потом он дал себя увести. Энни мать была нужнее. Оставить девочку она боялась даже на минуту, а с Томми она поговорит позже.

Следующий час казался вечностью. Энни вдруг издала слабый стон, и ее ресницы вздрогнули. Лиз показалось, что она вот-вот откроет глаза, но этого не произошло. Вместо этого девочка снова застонала и слабо сжала руку матери.

Затем она разлепила веки, как будто просто проснулась дома от обычного сна, и посмотрела на маму ясным взглядом.

— Энни? — прошептала Лиз, потрясенная и взволнованная. В ее сердце затеплилась надежда на лучшее.

Знаком она подозвала Джона, который вернулся в палату и стоял у дверей.

— Здравствуй, моя дорогая девочка... Папа и я здесь, и мы очень тебя любим.

Джон подошел к кровати, и теперь они стояли по обе ее стороны. Малышка не могла повернуть голову, но было ясно, что она видит родителей и узнает их. Она выглядела сонной и слабой, на мгновение девочка снова закрыла глаза, а затем медленно открыла их и улыбнулась.

— Я вас тоже люблю, — еле слышно произнесла она. — А где Томми?

— Он тоже здесь.

По щекам Лиз текли слезы. Она поцеловала девочку в лоб, понимая, что, может быть, это последняя возможность показать дочери свою любовь. Джон тоже не мог удержаться от слез. Они слишком сильно ее любили, и он готов был отдать все, только бы спасти свою малышку.

— Люблю Томми... — едва слышно сказала Энни, — и вас очень люблю...

Лицо ее, такое милое и нежное, осветила ясная улыбка. С разметавшимися по подушке светлыми волосами, большими голубыми глазами, казавшимися неестественно огромными, Энни выглядела такой хорошенькой, такой родной! Она улыбалась родителям так, будто знала какую-то неведомую им тайну.

В палату вошел Томми и сразу же увидел, что сестренка пришла в себя. Она взглянула в изножье кровати и улыбнулась брату. Он подумал, что это признак выздоровления, и вздохнул с облегчением.

А Энни, словно бы почувствовав, что уже сказала самое важное, почти беззвучно выдохнула:

— Спасибо... всем вам...

Она закрыла глаза и снова провалилась в сон, измученная разговором.

Томми вышел из палаты радостным, но Лиз с трепетом чувствовала, что тут что-то не так, что это не признак улучшения. Она смотрела на дочь и с ужасом сознавала, что та ускользает от них в неведомый мрак.

Подаренный им судьбой ребенок безвозвратно уходил от них. Ее у них забирали. Энни пробыла с ними так недолго, что теперь Лиз казалось, будто эти пять с половиной лет пролетели, как один миг.

Она держала Энни за руку и не отрываясь смотрела на нее, а Джон в волнении мерил шагами палату. Томми задремал на стуле в

коридоре, обессиленный событиями этого бесконечного дня.

И около полуночи Энни покинула их навсегда. Она больше не открывала глаз. Она больше не просыпалась. Энни сказала им все, что нужно было сказать... сказала каждому, как она любит его... и даже поблагодарила их...

Им только оставалось в ответ поблагодарить ее. Спасибо тебе... за пять чудесных лет... пять коротких, незаметно пролетевших лет... спасибо тебе за яркую маленькую жизнь, подаренную нам так ненадолго.

Лиз и Джон были рядом с дочерью, когда она умерла; они держали ее за руки — не для того, чтобы не пустить ее во тьму смерти, но чтобы поблагодарить за все, что она дала им.

Они знали, что не могут помешать ей уйти из жизни, — они просто хотели быть с ней до самой ее смерти.

— Я люблю тебя, — прошептала Лиз в последний раз, когда дыхание девочки остановилось. — Я люблю тебя, — эхом повторила она.

Энни покинула их, улетела на крыльях ангелов. Небеса забрали свой дар обратно. Энни Уиттейкер стала духом.

А ее брат, ни о чем еще не зная, спал в коридоре, вспоминая ее и думая о ней, и сердце его переполнялось любовью, как и у его родителей. Ему снился день накануне Рождества, когда они с сестрой, лежа в снегу, изображали ангелов — и теперь она действительно стала одним из них.

Глава 2

Смесью боли, чувства безвозвратной потери и тихой скорби стали для них похороны любимой Энни.

До Нового года оставалось два дня. Пришли все их друзья и друзья Энни, их родители, школьные учителя и воспитатели из детского сада, помощники и служащие Джона, однокурсники Лиз.

Уолтер Стоун тоже пришел. Он сказал безутешным родителям, что не может простить себе того, что не приехал в тот рождественский вечер, что позволил уверить себя в том, что это только простое детское недомогание, — а он не должен был этого делать.

Впрочем, он признался, что вряд ли смог бы чем-нибудь помочь даже накануне рокового дня. Большинство заболевших менингитом маленьких детей умирали.

Лиз и Джон просили его не упрекать себя, однако сама Лиз простить себе не могла, что не позвала доктора сразу же, как только заметила у дочери первые признаки недомогания.

Джон точно так же корил себя за свои слова о том, что не стоит беспокоиться по пустякам.

Они оба с тяжелым чувством вспоминали о своей ночи любви. Они получали удовольствие в объятиях друг друга, в то время как их малышка металась в своей кроватке в жару.

И Томми, которому было не в чем упрекать себя, тоже чувствовал свою ответственность за ее смерть, хотя в этом не было его вины, так же, как и вины его родителей.

Как сказал в тот печальный день священник, Энни на короткое время стала даром для каждого из них — маленьким ангелом, которого послал к ним Бог, нежным другом, научившим их любви и сделавшим их ближе друг к другу.

И это действительно было так. Каждый пришедший вспоминал озорной смех Энни, огромные голубые глаза, сияющее личико, при взгляде на которое любой человек начинал улыбаться и навсегда проникался к этой девочке любовью. Никто не сомневался в том, что это был дар любви для каждого из столкнувшихся с нею.

Теперь надо было свыкнуться с потерей и понять, как жить без нее. Им всем казалось, что смерть ребенка — это напоминание о

грехах взрослых, предостережение о том, какие утраты подстерегают нас на каждом шагу. Это потеря всего — надежды, жизни, будущего, потеря тепла, потеря самого дорогого, что может быть у человека.

Этим холодным декабрьским утром на свете не было трех более одиноких людей, чем Лиз, Джон и Томми Уиттейкеры. Поеживаясь, стояли они на краю могилы, в окружении друзей, не находя в себе сил оторваться от нее на-, всегда, бросить любимую Энни одну в белом, маленьком, усыпанном цветами гробу.

— Я не могу... — чужим голосом сказала Лиз Джону после окончания службы.

Он мгновенно понял, о чем она говорит, и крепко сжал ей руку, боясь, что она забьется в истерике. Каждый из них в эти дни находился на грани нервного срыва, и сейчас Лиз было совсем плохо.

— Я не могу оставить мою девочку здесь... я не могу...

Она захлебывалась рыданиями, и Джон, несмотря на ее сопротивление, крепче прижал жену к себе.

— Ее здесь нет, Лиз, она ушла... ей сейчас хорошо.

— Ей плохо. Она моя... Я хочу, чтобы она вернулась... Я хочу, чтобы она вернулась, — повторяла она, всхлипывая.

Друзья начали постепенно расходиться, не зная, чем можно помочь безутешным родителям. Невозможно было найти нужные слова, облегчить боль или утешить их. Томми стоял рядом с ними и смотрел на родителей. Боль и тоска по Энни переполняли его.

— Как ты, сынок? — обратился к Томми, который уже не пытался скрыть текущие по щекам слезы, его хоккейный тренер.

«Ничего», — хотел было ответить мальчик, но слова застряли у него в горле, он только покачал головой и в порыве отчаяния припал к широкой груди своего наставника.

— Я знаю, я знаю... Я потерял сестру, когда мне был двадцать один год, а ей было пятнадцать... это ужасно... это действительно ужасно.

Помни о ней всегда... Энни была такой милой крошкой, — говорил он, успокаивающе похлопывая Томми по плечу. — Помни ее, сынок. Всю твою жизнь она будет сопровождать тебя... дарить тебе свои маленькие подарки.

Ангелы всегда дарят подарки... ты просто не всегда это замечаешь. Но они не оставляют тебя. Она здесь, близко. Говори с ней,

когда остаешься в одиночестве... она услышит тебя... и ты услышишь ее... ты никогда ее не потеряешь.

С минуту Томми смотрел на него недоверчивым взглядом, не ожидая услышать подобные слова от тренера, а затем кивнул.

Джону наконец удалось увести жену от могилы. Когда Лиз шла к машине, ноги у нее подкашивались и она буквально висла на нем.

Лицо Джона посерело, и на обратном пути никто из них не произнес ни слова.

Люди шли к ним весь день, принося цветы.

Некоторые оставляли цветы на крыльце, боясь потревожить несчастных родителей или взглянуть им в глаза.

Но тем не менее в доме все время был кто-нибудь из посторонних. Были и такие люди, кто старался остаться в стороне, словно боясь, что и с ними произойдет нечто подобное — как будто трагедия может быть заразной.

Лиз и Джон сидели в гостиной, опустошенные и безжизненные, пытаясь сказать каждому пришедшему хоть несколько вежливых слов; и когда наконец стемнело и настала пора запирать входную дверь и можно было уже не брать телефонную трубку, они с облегчением вздохнули.

Томми весь день сидел в своей комнате, не желая никого видеть. Пару раз он заходил в комнату сестренки, но у него не было сил смотреть на эту привычную обстановку, в которой уже не прозвучит залиvistый смех Энни, не раздадутся ее легкие шаги. В конце концов он захлопнул дверь, чтобы не видеть всего этого.

Перед глазами у него стояло ее лицо в то последнее утро, когда до ее ухода из жизни оставались лишь считанные часы, — такое болезненное, безжизненное и бледное. Ему трудно было вспомнить, как она выглядела, когда была здоровой и смеялась или играла вместе с ним. Внезапно Томми с поразительной четкостью увидел лицо сестренки на больничной подушке, эти последние минуты, когда она поблагодарила их всех и покинула навсегда. Ее нежные слова, ее ясный взгляд, прощальная улыбка преследовали его.

Почему она умерла? Почему это произошло? Почему Бог вместо Энни не забрал его?

Но Томми никому не говорил о своих чувствах. Ни он, ни его родители до конца недели почти не разговаривали друг с другом. Лиз и

Джону иногда приходилось беседовать с друзьями, а Томми замкнулся в себе и вообще ни с кем не общался.

На этот раз Новый год в семье Уиттейкеров ничем не отличался от других будничных дней и прошел незамеченным. Через два дня Томми вернулся в школу. Никто из ровесников не говорил с ним о постигшем его семью несчастье.

Его хоккейный тренер обращался с ним очень доброжелательно, но больше не упоминал ни своей умершей сестры, ни Энни.

Друзья боялись растревожить его рану и молчали, и в результате ему некуда было податься со своим горем. Даже Эмили, которая нравилась ему уже несколько месяцев, показалась ему совсем чужой. Все напоминало ему о том, что он утратил, и он не мог этого вынести.

Томми возненавидел эту постоянную, подобную ноющему суставу боль и то, что окружающие смотрели на него с сочувствием. Может быть, его друзья считали его странным.

Они ничего не говорили ему и в итоге оставили его одного.

Его родители тоже внезапно стали очень одинокими. После того как иссяк поток соблезнующих посетителей, они перестали с кем-либо видаться. Они и друг с другом-то почти не виделись.

Томми больше не обедал с ними. Он просто не мог сидеть за столом без Энни, каждый раз вспоминая, как они торопились на кухню, чтобы перекусить вместе молоком и булочками. Он не выдерживал самого вида вдруг опустевшего дома.

Поэтому Томми болтался в школе или на улице как можно дольше, а затем съедал обед, который мама оставляла ему на кухне. В большинстве случаев он ел стоя, прямо над плитой, и выкидывал половину своей обычной порции в мусорное ведро, не потому что Лиз стала плохо готовить — просто кусок не лез ему в горло. А иногда он уединялся в своей комнате со стаканом молока и печеньем и совсем не обедал. Его мать, казалось, вообще ничего не ела, а отец приходил с работы все позже и позже и тоже старался уединиться.

Настоящие семейные обеды ушли в далекое прошлое.

Лиз, Джон и Томми боялись сходиться вместе и всячески избегали этого. Они понимали, что, если соберутся все втроем, отсутствие четвертого члена семьи станет невыносимым. Поэтому они прятались друг от друга и от себя самих.

Все напоминало им об утрате, все бередило свежую рану. Бывали мгновения, когда боль словно бы утихала, но чаще всего для каждого из них она была почти невыносимой.

Тренер по хоккею видел, что с Томми происходит что-то неладное; перед зимними каникулами это заметила и одна из учительниц.

В первый раз за все время учебы в школе он совершенно не думал о своих отметках — без Энни эта сторона жизни, подобно всем прочим, потеряла для него значение.

— Уиттейкер совсем выбит из колеи смертью своей сестренки, — как-то раз сказала классная руководительница Томми учительнице математики. Они сидели в школьном кафетерии и пили кофе. — Я собиралась на прошлой неделе позвонить его матери, а потом встретила ее в торговом центре. Она выглядит еще хуже, чем он. По-моему, они слишком тяжело переживают смерть своей чудной деточки.

— А кто это переживает легко? — сочувственно откликнулась учительница математики.

Она сама была матерью и не могла представить себе, как бы вынесла такое. — Что, у Томми совсем плохи дела? Он завалил какой-нибудь предмет?

— Пока нет, но все идет к этому, — честно ответила классная руководительница. — Он всегда был одним из лучших моих учеников.

Я знаю, как высоко ценят образование его родители. Его отец даже как-то обмолвился, что собирается отправить его в колледж Айви Лиг, если Томми захочет и сможет туда поступить.

Теперь у него это вряд ли получится.

— Я уверена, что он может выправиться.

Ведь прошло совсем немного. Со временем боль утихнет. Дай мальчику шанс. Я думаю, что мы должны оставить его и его родителей в покое и посмотреть, как он закончит год. Мы всегда можем позвонить им, если Томми действительно не сдаст экзамена или запустит какой-нибудь предмет.

— Я просто смотреть не могу на то, как он мучается.

— Может быть, у него сейчас просто нет выбора. Может быть, в нем происходит что-то серьезное, какая-то внутренняя борьба за выживание. Наверное, это для него сейчас главнее. Может быть, я не должна этого говорить, но в жизни есть более важные вещи, чем

история или тригонометрия. Пусть мальчик переведет дыхание и восстановит душевное равновесие, мы должны помочь ему чем только можем.

— Уже три месяца прошло, — напомнила классная руководительница. — Пора бы уже примириться с потерей...

Был поздний март. Эйзенхауэр уже два месяца жил в Белом доме, вакцина Салка против полиомиелита успешно прошла испытания, Люсиль Болл наконец-то родила своего широко разрекламированного ребенка. Жизнь стремительно шла вперед — но только не для Томми Уиттейкера. Его жизнь остановилась вместе со смертью Энни.

— Знаешь, если бы это был мой ребенок, я бы за всю жизнь с этим не смирилась, — мягко сказала более добросердечная учительница.

— Я понимаю.

Обе помолчали, думая о своих семьях, и к концу ленча решили оставить Томми в покое на некоторое время.

Но его угнетенное состояние заметили все.

Казалось, что его вообще ничего не интересует. Этой весной Томми даже не играл в баскетбол и бейсбол, несмотря на увещевания тренера. Он перестал прибираться в комнате и делать уроки; в первый раз за всю жизнь перестал ладить со своими родителями.

Да и они сами совершенно не ладили друг с другом. Мама и папа постоянно спорили, и не было момента, чтобы один из них не выговаривал какие-нибудь претензии другому. Супруги Уиттейкер перестали мыть машину, выкидывать мусор, выгуливать собаку, оплачивать счета, отправлять чеки, покупать кофе, отвечать на письма. Это все потеряло для них смысл — казалось, что единственным занятием для них стали постоянные споры. Отца никогда не бывало дома. Мама никогда не улыбалась.

И никто не говорил друг другу ни одного доброго слова. Они выглядели не печальными, а скорее озлобленными. Они словно были смертельно обижены друг на друга, на весь мир, на жизнь, на судьбу, которая так жестоко забрала у них Энни. Но об этом они никогда не говорили — лишь вздыхали и жаловались по любому поводу, например из-за непомерно большого счета за электричество.

Томми избрал для себя самый легкий выход и просто перестал с ними общаться. Большую часть свободного времени он проводил в

саду, сидя на ступеньках заднего крыльца и размышляя. Он начал курить. Иногда даже пил пиво.

Весь месяц шли дожди, и один вечер плавно перетекал для Томми в другой — все те же " ступени, все то же пиво, все тот же «Кэмел».

Он чувствовал себя ужасно повзрослевшим и однажды даже улыбнулся мысли о том, что, если бы Энни сейчас его увидела, она бы его не узнала. Но сестренка не могла его увидеть, а его родителей больше не волновало, что с ним происходит и что он делает. И потом, ему уже исполнилось шестнадцать. Томми вырос.

— Меня мало волнует, что тебе уже шестнадцать, Мэрибет Робертсон, — сказал одним мартовским вечером отец своей шестнадцатилетней дочери.

Дело было в Онаве, штат Айова, в двухстах пятидесяти милях от того места, где Томми с банкой пива сидел на заднем крыльце своего дома, рассеянно наблюдая за тем, как ветер пригибает к земле когда-то посаженные его матерью цветы, теперь заросшие сорняками.

— Я не разрешу тебе надеть это легкомысленное платье. И потом, что это за боевая раскраска? Немедленно смой косметику и переоденься.

— Но, папа, это весенний бал, — запротестовала Мэрибет. — И все девочки красятся и надевают короткие выпускные платья.

Подружка ее брата два года назад, то есть как раз в ее возрасте, выглядела гораздо более вульгарно, чем она, и даже отец не мог с этим поспорить. Но она была девушкой Райана, а Райану было позволено все. В отличие от Мэрибет он был мальчиком.

— Если ты вообще хочешь сегодня выйти из дома, ты должна надеть скромное платье.

В противном случае ты останешься здесь и будешь вместе со своей матерью слушать радио, — пригрозил строгий отец.

С одной стороны, Мэрибет не особенно тянуло на вечер, но, с другой, среднюю школу оканчивают только раз в жизни. Лучше уж остаться дома, чем идти на выпускной бал в платье, которое сделает ее похожей на монашку; но и сидеть с родителями у радиоприемника ей совсем не хотелось.

Мэрибет одолжила платье у старшей сестры своей подруги, и оно было ей немного велико, но все равно казалось прекрасным.

Сшитое из переливчатой голубой тафты, с заниженной талией и коротким жакетом-болеро сверху, оно прекрасно подчеркивало ее формы, которыми она отнюдь не была обделена, и именно против этого, вне всяких сомнений, папа и возражал.

Вдобавок Мэрибет надела туфли на шпильках, которые, будучи на размер меньше, сильно жали ей, но она готова была это стерпеть, лишь бы выглядеть красивой и взрослой.

— Папа, я не буду снимать жакет, — попыталась найти она компромисс. — Я тебе обещаю;

— С жакетом или без ты можешь носить это платье дома, с матерью. Если же ты идешь танцевать, надень лучше что-нибудь другое или забудь про всякие танцы. И, честно говоря, я был бы рад, если бы ты осталась дома.

В этих модных платьях все девочки выглядят как... продажные девки. Тебе не надо демонстрировать свое тело мальчикам, Мэрибет.

Чем раньше ты это поймешь, тем лучше, иначе ты приведешь домой какое-нибудь отродье, помани мое слово, — жестко произнес отец, и сестра Мэрибет, Ноэль, отвела глаза.

Ей было только тринадцать, и у нее был такой бунтарский характер, о котором Мэрибет могла только мечтать. Они обе были послушными девочками, но Ноэль хотела получить от жизни больше, чем Мэрибет. Уже в тринадцать лет младшая сестра стреляла глазками в каждого мальчика, который обращал на нее внимание.

Шестнадцатилетняя Мэрибет была куда застенчивее и гораздо больше беспокоилась о том, чтобы не противоречить отцу.

В конце концов Мэрибет отправилась в свою комнату и с плачем повалилась на кровать.

Прибежавшая к ней мама помогла дочери найти в платяном шкафу что-нибудь подходящее. Маргарет Робертсон не баловала своих девочек обилием нарядов, но у Мэрибет было вполне приличное темно-синее платье с белым воротником и длинными рукавами, к которому отец не должен был придраться.

Но лишь при одном виде этого наряда Мэрибет зашла от нового приступа рыданий.

Он был слишком угрюмым.

— Мама, я буду выглядеть как монашка.

Надо мной просто будут смеяться.

Ей казалось, что сердце ее вот-вот разорвется от горя. Это платье Мэрибет всегда ненавидела.

— Ты будешь выглядеть в нем оригинально именно потому, что мало кто такое носит, — сказала мама, протягивая дочери злополучное платье.

Его можно было даже назвать красивым, но и оно немного пугало миссис Робертсон.

Мэрибет в этом скромном на вид платье выглядела совсем зрелой женщиной. В шестнадцать лет она была счастливой — или несчастной — обладательницей великолепной груди, узких бедер, тонкой талии и красивых длинных ног. Даже самая скромная одежда не могла этого скрыть. Она была выше большинства своих подруг и вообще очень рано развилась.

На то, чтобы уговорить дочь надеть это платье, ушел целый час.

Отец в это время сидел в гостиной, немилосердно пытая зашедшего за Мэрибет Дэвида О'Коннора. Молодой человек в первый раз был у них дома и очень нервничал, когда мистер Робертсон начал интересоваться тем, какой работой ему хотелось бы заниматься после окончания школы. Юноша ответил, что еще не решил, и тогда Берт Робертсон разразился длинной тирадой: любому парню не помешает немного поработать да и армейскую выучку тоже очень полезно получить, чтобы понять в жизни толк.

Дэвид О'Коннор вежливо кивал в ответ на его разглагольствования, но, когда Мэрибет в ненавистном синем платье и с ниткой жемчуга на шее, которую мать дала ей в утешение, наконец-то вошла в комнату, взгляд ее кавалера был полон отчаяния.

Вместо ярко-голубых шпилек на ней были темно-синие туфли на низком каблуке, но даже в них она была выше Дэвида. У Мэрибет совсем испортилось настроение, хотя она попыталась уверить себя, что это не имеет никакого значения. Она прекрасно понимала, что выглядит ужасно. Темное платье резко контрастировало с ярким пламенем ее рыжих волос, заставляя ее еще больше стесняться своего вида.

Поздоровавшись с Дэвидом, она поняла, что никогда не чувствовала себя более неловко.

— Ты прекрасно выглядишь, — неубедительно сказал Дэвид.

На нем был слишком большой для него темный костюм его старшего брата. Дэвид протянул ей букетик, но его руки слишком дрожали, и тогда мама Мэрибет пришла ему на помощь и приколола цветы к поясу платья.

— Ну, счастливого вечера, — мягко сказала мать, чувствуя свою вину перед дочерью.

Будь на то ее воля, она бы позволила девочке надеть ярко-голубое платье. Оно так шло ей, и она выглядела в нем такой красивой!

Но если Берт принял решение, спорить с ним было бесполезно. Она прекрасно знала, как он пекся о своих дочках.

Много лет назад две его сестры забеременели, будучи совсем молоденькими, и были вынуждены спешно выскочить замуж, и он всегда говорил Маргарет, что не допустит, чтобы подобное произошло с его дочерьми, чего бы ему это ни стоило. Они должны были вырасти скромными, послушными девочками и выйти замуж за достойных молодых людей. Он всегда говорил, что в его доме нет места разврату, внебрачному сексу и прочим гадостям.

Только любимчику родителей Райану разрешалось делать что угодно. В конце концов, он был мальчиком. Ему исполнилось восемнадцать, и он работал в принадлежащей отцу мастерской авторемонта, самой крупной в Онаве. Дела у Берта Робертсона шли прекрасно, и он очень гордился этим.

Райану нравилось работать у него, и сын хвастался, что он почти такой же хороший механик, как его отец. Они ладили между собой и по выходным часто отправлялись на рыбалку или охоту, а Маргарет, оставаясь с девочками дома, шла с ними в кино или занималась шитьем.

Она ни одного дня в жизни не работала, и Берт очень этим гордился. Богатым человеком назвать его было нельзя, но он вполне мог ходить по городу с гордо поднятой головой.

Его дочь — не какая-нибудь нищенка, чтобы одалживать платье у подруги, и не шлюха, чтобы отправляться на школьную вечеринку разодетой, что твой павлин. Мэрибет была красивой девочкой, но именно поэтому ее надо было держать взаперти, чтобы ее не постигла участь легкомысленных, пустоголовых теток.

Сам он женился на очень скромной девушке — до знакомства с ним Маргарет О'Брайен мечтала стать монахиней. И вот уже почти

двадцать лет она была для него прекрасной женой. Но он никогда бы не повел ее под венец, если бы она была такой расфуфыренной штучкой, которую из себя пыталась строить Мэрибет, или пробовала бы спорить с ним, как Ноэль.

Несмотря на то что особых проблем с Мэрибет у него никогда не возникало, Робертсон-старший еще несколько лет назад пришел к выводу, что с сыном сладить гораздо проще, чем с дочерью, у которой возникали странные идеи о том, что можно и что нельзя делать женщинам, о дальнейшем образовании и даже колледже.

Школьные учителя совсем вскружили девочке голову, постоянно повторяя ей, как она умна. Берт считал, что в женском образовании нет ничего плохого, если только вовремя остановиться и правильно его использовать. Он часто говорил, что для того, чтобы менять пеленки и жарить бифштексы, не нужно оканчивать колледж.

В принципе он не имел ничего против элементарного образования и был бы только рад, если бы Мэрибет изучила бухгалтерский учет и помогала ему в работе. Но по большей части сумасшедшие идеи дочери были совсем из ряда вон выходящими. Женщины-врачи, инженеры, адвокаты, даже медсестры — такой судьбы Берт не пожелал бы своей девочке. О чем она, черт побери, толкует?

Иногда он удивлялся своей старшей дочери. У него были твердые понятия о том, как девочки должны вести себя, чтобы не исковеркать свою жизнь или жизнь других людей. Они должны выходить замуж за достойных молодых людей, быть покладистыми женами и рожать детей — столько, сколько даст им Господь или сколько захотят их мужья. А потом они должны заботиться о своих мужьях и детях и о своем доме, да так, чтобы все было пристойно.

Райана он тоже воспитывал в строгости, предупредив сына о том, что он не должен жениться на первой попавшейся девчонке и не должен допускать того, чтобы девушка, на которой он жениться не собирается, забеременела от него.

Но девочки — это совсем другое дело. Они должны вести себя как следует... а не ходить на танцы полуголыми или нервировать родителей идиотскими идеями о высоком предназначении современных женщин. Иногда Берт думал, что во всем виноваты фильмы, на которые его дочери ходили вместе с матерью. Сама Маргарет ничего подобного внушить им не могла. Она была тихоней,

которая никогда не доставляла ему никаких неприятностей. Но Мэрибет... Она была послушной девочкой, однако Берт был твердо убежден, что эти новомодные идеи рано или поздно доведут ее до большой беды.

Мэрибет и Дэвид добрались до школы примерно через час. Похоже, по ним никто из одноклассников не скучал. Несмотря на то что пить на танцах не разрешалось, некоторые мальчики и даже девочки из их класса уже были навеселе. В припаркованных машинах сидели парочки, но Мэрибет старалась этого не замечать, стесняясь Дэвида.

Она почти не знала этого тихого мальчика из параллельного класса и никогда не была его подружкой, но до него никто не приглашал ее на танцы, а ей очень хотелось пойти — хотя бы для того, чтобы иметь представление, что это такое.

Мэрибет уже устала быть вечной одиночкой и белой вороной. Уже несколько лет она была первой ученицей в классе; некоторые из ее одноклассников ненавидели ее за это, а остальные просто не замечали.

Кроме того, Мэрибет всегда стеснялась своих родителей, когда те приходили в школу.

Мать вела себя тихо, как мышь, а отец, наоборот, разговаривал очень громко и учил жить всех окружающих, и в первую очередь мать, которая никогда не осмеливалась противоречить ему. Она соглашалась с каждым его словом, даже если он заведомо был не прав.

А отец никогда не стеснялся высказывать свое мнение, даже если оно никого не интересовало, в особенности о предназначении женщин, их роли в жизни, о приоритете мужчин и никчемности образования. В качестве примера Берт Робертсон всегда приводил самого себя.

Он был сиротой из Буффало и вместо того, чтобы окончить шесть классов, пошел работать. Берт считал, что дальше начальной школы учиться не нужно никому, и то, что брат Мэрибет окончил-таки среднюю школу, иногда казалось ей чудом.

Правда, учился Райан ужасно, его постоянно наказывали за дурное поведение, но, поскольку это был его собственный сын, а не девочка, отец считал это всего лишь забавным.

Если бы не плоскостопие и не поврежденное во время игры в футбол колено, Райан мог бы стать моряком и отправиться в Корею.

Мэрибет не о чем было говорить с братом.

Ей всегда казалось, что два таких разных человека не могут быть детьми одних родителей и вообще появиться на свет на одной планете.

Райан был смазливый, высокомерным и довольно-таки недалеким парнем. Трудно было предположить, что они близкие родственники.

— А что вообще тебя интересует? — однажды спросила она брата, пытаясь разобраться, кто он такой и какое отношение имеет к ней.

Райан посмотрел на нее с удивлением, не понимая, зачем она об этом спрашивает.

— Машины, девочки... пиво... удовольствия... Папа говорит, что я должен как следует изучить механику. Это хорошо... потому что я вряд ли буду работать в банке или в страховой компании. На самом деле мне очень повезло, что я работаю у папы.

— Ну да, — тихо кивнула Мэрибет, глядя на него большими зелеными глазами и изо всех сил пытаясь почувствовать к старшему брату уважение. — Но неужели тебе никогда не хотелось добиться чего-то большего?

— Чего-то большего? О чем это ты, сестренка? — недоумевая, переспросил он.

— Да чего угодно. Большого, чем просто работать в мастерской у папы. Например, поехать в Чикаго, или в Нью-Йорк, или найти работу получше... или поступить в колледж...

Это были ее мечты. Это ей хотелось большего, но Мэрибет не с кем было поделиться своими желаниями. Даже ее одноклассницы отличались от нее. Никто не мог понять, почему Мэрибет так серьезно относится к урокам и к своим отметкам, когда вокруг столько всего интересного, веселого и заманчивого? Какое это имеет значение? Для чего все это?

Она точно знала, для чего. Но в результате друзей у нее не было, и Мэрибет вынуждена была ходить на танцы с мальчиками вроде Дэвида О'Коннора.

Но мечты у нее отнять не мог никто — даже отец. Мэрибет хотелось сделать приличную карьеру, переехать в какой-нибудь крупный город, найти интересную работу и получить хорошее образование, если она сможет себе это позволить.

А еще — когда-нибудь выйти замуж за человека, которого она будет любить и уважать.

Она не могла представить себе жизни с женщиной, недостойным ее восхищения.

Повторить судьбу своей матери, связавшей себя с человеком, который не обращал на нее никакого внимания, никогда не прислушивался к ее мнению и даже не интересовался ее мыслями и внутренним миром, ей совершенно не хотелось. Она мечтала и верила, что всего достигнет.

У нее было так много устремлений и идей, что окружающие считали ее сумасшедшей — все, кроме школьных учителей, которые видели способности девочки, ее высокий потенциал и, как могли, помогали ей избавиться от связывающих ее уз. В школе многие преподаватели знали о том, как важно для Мэрибет Робертсон продолжить образование.

Но единственной возможностью выплеснуть свои самые сокровенные мысли, выпустить свою душу из клетки были для нее школьные сочинения на вольную тему. Учителя хвалили Мэрибет за обилие мыслей и идей... но через минуту переходили к скучной школьной программе. Она никогда ни с кем не обсуждала своих планов на будущее и становилась все более замкнутой и одинокой.

— Хочешь пунша? — спросил Дэвид.

— Что? — переспросила Мэрибет, возвращаясь из прекрасного далека своих мечтаний. — Извини... Я думала о другом... Прости, что мой папа тебя сегодня так долго мучил.

Понимаешь, мы поссорились из-за платья, в котором я хотела пойти на вечер, и мне пришлось переодеться.

Эти сорвавшиеся с губ слова заставили ее еще больше смутиться.

— У тебя очень красивое платье, — совершенно неискренне ответил Дэвид.

Мэрибет прекрасно понимала, что он лжет.

Синее платье было настолько старомодным и строгим, совершенно не подходящим к атмосфере школьного выпускного бала, что требовалась немалая смелость, чтобы появиться в нем.

Но она привыкла быть смешной и отличаться от других. Или должна была привыкнуть. Ее всегда считали не такой, как все.

Именно поэтому Дэвид О'Коннор чувствовал себя так уверенно, приглашая Мэрибет Робертсон на танцы. Он знал, что никто другой из одноклассников и не подумает это сделать.

Она была красивой, но очень странной — так говорили все вокруг. У нее были ярко-рыжие волосы, великолепная фигура и развитые формы, но, кроме школы, ее ничто не интересовало, и с мальчиками она никогда не гуляла.

За Мэрибет никто не ухаживал, слишком серьезной и неприступной она выглядела.

Дэвид решил, что она ему не откажет, и оказался прав. Он был из тех мальчиков, которые не увлекаются спортом и сильно страдают из-за своего маленького роста и щуплого сложения. Кого еще он мог пригласить, кроме Мэрибет Робертсон? Разве что совсем некрасивых девочек, с которыми даже в люди выйти стыдно. Да и Мэрибет ему на самом деле нравилась.

Дэвид даже не слишком испугался ее отца.

Пока он ждал ее, папаша, конечно, заставил его попотеть, и он уже начал думать, что ему придется весь вечер провести в его обществе, но тут она наконец появилась в этом своем темно-синем платье с белым воротником.

И выглядела она в нем вполне нормально. Даже этот угрюмый наряд не мог скрыть ее прекрасную фигуру. Так что какая разница?

Дэвид мечтал о том, как Мэрибет будет танцевать с ним, касаясь его своим телом. Одна мысль об этом приводила его в возбуждение.

— Пунша хочешь? — повторил Дэвид, и она кивнула.

Ей совсем не хотелось никакого пунша, но Мэрибет не знала, что еще ему сказать. Она уже пожалела о том, что пришла сюда. Надо же было случиться так, что именно этот размазня пригласил ее сюда, да еще это платье...

Лучше бы она осталась дома и слушала радио вместе с мамой, как ей и грозил отец.

— Я сейчас приду, — сказал между тем Дэвид и исчез, оставив ее смотреть на танцующие пары. Большинство девочек казались Мэрибет просто красавицами, их платья были самых ярких расцветок, с широкими юбками и короткими жакетами, совсем как то, которое ей не позволили надеть.

Казалось, что прошла целая вечность, когда сияющий Дэвид возник перед ней снова.

Он выглядел так загадочно, будто владел какой-то невероятной тайной, и, как только Мэрибет попробовала пунш, она сразу поняла, в

чем дело: у пунша был странный вкус, потому что в него явно что-то добавили.

— Что в нем такое? — недоверчиво спросила она, приняв ее и отпив небольшой глоток, только подтвердивший ее подозрения.

Мэрибет пробовала спиртное только несколько раз в жизни, но сразу поняла, что кто-то поработал над пуншем.

— Немножко такого особого сока, — ухмыльнулся ее кавалер, сразу став еще более фамильярным и неприятным, чем до своего исчезновения. Этот сопляк, смотревший на нее с таким вождением, был ей отвратителен.

— Я не собираюсь напиваться, — спокойно ответила Мэрибет, сожалея о том, что вообще пришла сюда, да еще в его обществе.

Как обычно, она чувствовала себя среди шумных, веселящихся ровесников белой вороной.

— Перестань, Мэрибет, чего ты боишься? — приставал Дэвид. — Не волнуйся, от этого не опьянеешь. Сделай несколько глотков, и тебе сразу будет хорошо.

Приглядевшись к нему, Мэрибет поняла, что он уже успел выпить, когда бегал за пуншем.

— И много ты выпил?

— Ребята из младших классов пьют ром за спортзалом, а у Каннингэма есть целая пинта водки, — похвастался своими сведениями Дэвид.

— Замечательно! Просто потрясающе! — иронически усмехнулась Мэрибет.

— Правда? — Дэвид довольно улыбнулся, радуясь тому, что она не возражает, и совершенно не замечая сарказма в ее тоне.

Мэрибет смотрела на него со все возрастающим презрением, но он словно бы не видел этого.

— Я сейчас вернусь, — холодно сказала она, чувствуя себя рядом с этим хорохорящимся юнцом слишком взрослой.

Ее рост, женственные формы и манера вести себя постоянно заставляли ее казаться старше своих лет, и по сравнению с ним она выглядела великаншей: хотя в ней был всего метр шестьдесят два, Дэвид был на добрых десять сантиметров ниже.

— А куда это ты? — с беспокойством спросил он.

Они не успели даже потанцевать, а он так на это рассчитывал.

— В туалет, — ледяным тоном ответила Мэрибет, свысока глядя на своего кавалера.

— Я слышал, что там тоже пьют водку.

— Я тебе принесу, — сказала Мэрибет и исчезла в толпе.

Музыканты играли «Холодный вечер», парни и девчонки танцевали, прижавшись друг к другу щеками, и, пробираясь к выходу из спортзала, Мэрибет вдруг почувствовала, как к сердцу подступает печаль. Она прошла мимо группы мальчиков, которые, завидев ее, явно попытались спрятать бутылку. Однако скрывать свое занятие было бесполезно — двоих из них уже рвало у стены. Жизнь в одном доме с братом приучила Мэрибет к этому зрелищу.

Стараясь держаться от них как можно дальше, она завернула за угол и села на скамейку у стены спортзала, чтобы собраться с мыслями и потянуть время до неизбежного возвращения к Дэвиду.

Было ясно, что он собирается выпить, а ей вовсе не хотелось иметь дело с пьяным парнем. Наверное, ей надо просто поскорее пойти домой и забыть об этом неудачном вечере. Она была уверена, что еще несколько стаканов — и Дэвид даже не сможет вспомнить, с кем сюда пришел.

Мэрибет сидела на скамейке довольно долго, успев как следует замерзнуть. Вечер был холодным, но это ее мало беспокоило. Ей было хорошо здесь, вдали от всех — от Дэвида, от ее одноклассников и незнакомых ей ребят, от тех, кто пил, и тех, кого рвало. И от родителей тоже.

Мэрибет вдруг подумала, что хотела бы сидеть здесь вечно. Откинув голову, она закрыла глаза и вытянула ноги. Теперь она словно парила в холодном воздухе, погруженная в свои мысли.

— Что, слишком много выпила? — спросил чей-то голос совсем рядом с ней, заставив ее испуганно вздрогнуть.

Мэрибет открыла глаза и увидела знакомое лицо. Перед ней стоял старшеклассник, звезда школьной футбольной команды, который и понятия не имел о том, кто она такая. Она не могла сообразить, что он тут делает и почему снизошел до того, чтобы с ней поговорить.

Может быть, он обознался.

Она выпрямилась и встряхнула головой, думая, что он сейчас уйдет.

— Нет. Просто слишком много народу.

И всего остального.

— Да, мне тоже все это изрядно надоело, — ответил парень и уселся рядом с ней, не дожидаясь приглашения.

Даже в неярком свете луны нельзя было не заметить, как он хорош собой.

— Ненавижу толпу.

— В это трудно поверить, — сказала Мэрибет, не скрывая своего удивления.

Она почему-то чувствовала себя странно комфортно рядом с ним — притчей во языцех для всей школы. Впрочем, вся окружающая обстановка — скамейка, тьма, луна — казалась ей нереальной.

— Вокруг тебя всегда крутятся какие-то люди, — продолжила она свою мысль.

— Откуда ты меня знаешь? — Молодой человек выглядел заинтригованным и польщенным. — Кто ты?

— Я Золушка. Мой «Бьюик» только что превратился в тыкву, а мой кавалер только что напился, и я пришла сюда, чтобы поискать свалившийся с ноги хрустальный башмачок.

Вы его не видели, любезный господин?

— Может быть, и видел, — подхватил он игру. — Опишите его. А то откуда же я узнаю, что вы действительно Золушка?

Эта странная девушка рассмешила его, и он спрашивал себя, почему раньше ее не замечал. На ней было какое-то нелепое, старомодное платье, но лицо и фигура у нее были очень красивыми, кроме того, она обладала чувством юмора, не спешила виснуть у него на шее, как другие девчонки.

— Ты в выпускном классе?

Он внезапно заинтересовался ею, хотя — и об этом знали все в школе — он еще с младших классов гулял с Дебби Флауэрс. Поговаривали даже, что они собираются пожениться после выпускного бала.

— Еще нет, — ответила Мэрибет с усмешкой, не осмеливаясь солгать своему Прекрасному Принцу.

— Наверное, поэтому я тебя не замечал в школе, — искренне ответил он. — Но выглядишь ты старше.

— Спасибо, — улыбнулась Мэрибет, думая о том, что должна либо вернуться к Дэвиду, либо отправиться домой.

Сидеть здесь наедине со старшеклассником было нехорошо, хотя в его обществе она чувствовала себя очень спокойно.

— Меня зовут Пол Браун, — представился он. — А тебя. Золушка?

— Мэрибет Робертсон. — Она улыбнулась и встала.

— Ты куда?

Пол тоже поднялся с разочарованным видом. Он был высоким, атлетически сложенным и черноволосым.

— Домой.

— Одна?

Она кивнула.

— Проводить тебя?

— Не надо, спасибо.

Мэрибет поверить не могла, что отказывается от общества Пола Брауна, самого известного парня в школе. Кто бы мог предположить такое? Она усмехнулась, подумав о том, какое это достижение и как бы завидовали ей одноклассницы, если бы увидели ее сейчас.

— Слушай, дай я тебя хотя бы до спортзала провожу, — предложил Пол. — Разве ты не хочешь сказать своему спутнику о том, что ты уходишь?

— Да надо бы.

Они вместе подошли к главному входу в спортзал, словно старые друзья. Мэрибет сразу же заметила Дэвида, едва держащегося на ногах, в компании не менее пьяных приятелей. В зале было несколько преподавателей, но никто, казалось, не обращал на них никакого внимания, и все делали что хотели.

— По-моему, моему кавалеру уже ничего не надо говорить, — сдержанно сказала Мэрибет и, остановившись, посмотрела на Пола с улыбкой. В ярком освещении зала его внешность ничуть не проиграла, и она невольно отметила это. — Спасибо за компанию. Я пошла домой.

Вечер пропал. За исключением непродолжительного разговора с Полом Брауном, это было бездарно потерянное время.

— Я тебя так не отпускаю, Мэрибет. Давай я отвезу тебя домой, или ты думаешь, что мой «Шевроле» тоже превратился в тыкву?

— Не думаю. Разве ты не Прекрасный Принц? — спросила она насмешливо, но затем внезапно смутилась.

Пол Браун действительно был прекрасным принцем, и она знала, что не должна была этого говорить.

— А разве нет? — усмехнулся он в ответ, такой красивый и утонченный.

Они покинули шумный спортзал, подошли к парковке, и Пол открыл перед ней дверцу машины — безусловно чистого «Белэйра» 1951 года выпуска, с новыми хромовыми ручками и обитыми красной кожей сиденьями.

— Мне нравится твоя тыква. Пол, — поддразнила его Мэрибет, и он засмеялся в ответ.

Она сказала ему, где живет, но Пол предложил ей ненадолго заехать в кафе и взять по гамбургеру и по коктейлю.

— Тебе, похоже, было не слишком-то весело на этой вечеринке. Твой спутник скоро свалится с ног... прости, я, наверное, не должен был этого говорить... но он сегодня плохо за тобой ухаживал. Я уверен, что ты даже не потанцевала. Нельзя же так заканчивать и без того не слишком удачный вечер. Так что ты вполне можешь позволить себе развлечься на пути домой. Ну как, согласна? Еще совсем рано.

Было действительно рано, а она обещала родителям вернуться домой только к полуночи.

— Хорошо, — нерешительно согласилась Мэрибет, потому что ей очень хотелось побыть с ним.

Пол произвел на нее сильное впечатление, хотя она стеснялась признаться в этом. Да иначе и быть не могло, он был классным парнем, не чета Дэвиду О'Коннору.

— Ты что, на танцы пришел без девушки? — спросила она, недоумевая, что могло случиться с его подружкой Дебби.

— Да, я теперь опять вольная птица.

По ее тону он догадался, что Мэрибет знает о Дебби. Впрочем, все в школе об этом знали.

Но два дня назад они поссорились, потому что Дебби узнала о том, что в рождественские каникулы он гулял с кем-то еще.

Однако Мэрибет он не стал об этом рассказывать.

— Похоже, что я не зря пришел сегодня один, а, Мэрибет?

Он обезоруживающе улыбнулся и забросал ее вопросами, желая узнать о своей новой знакомой буквально все. Они ехали в «Уилли», где проводила все свое свободное время золотая молодежь Оनावы.

В кафе на полную громкость играл музыкальный автомат, и от скопления народа яблоку негде было упасть. Казалось, что здесь было еще больше ребят, чем на школьном балу, и внезапно Мэрибет опять застеснялась своего уродливого платья и вообще себя.

Она вдруг почувствовала, что ей только-только исполнилось шестнадцать. А Полу было уже почти восемнадцать. Но он как будто понял ее состояние, ободряюще сжал руку и представил ее всем своим друзьям. Некоторые из них вопросительно подняли брови, словно спрашивая себя, кто она такая, но никто не возражал против ее общества. Поскольку она была гостьей Пола, все обращались с ней очень дружелюбно, и так, за забавными разговорами время пролетело незаметно.

Они съели по чизбургеру и выпили молочный коктейль, а потом несколько раз танцевали под музыкальный автомат. Среди танцев была и пара медленных, когда Пол так тесно прижимал ее к себе, что она касалась его грудью и у нее захватывало дух. Внезапно Мэрибет почувствовала его возбуждение и смутилась, но он не дал ей отстраниться и, прижав к себе еще крепче, посмотрел на нее сверху вниз и нежно улыбнулся.

— Где ты скрывалась последние четыре года, милая Золушка? — шепнул ей на ухо Пол, и она улыбнулась в ответ.

— Ты был слишком занят, чтобы заметить такую скромную особу, как я, — честно ответила Мэрибет, и ему понравился ее ответ.

— Похоже, ты права. А я был дураком. Сегодня самый счастливый вечер в моей жизни.

Он снова прижал ее к себе и скользнул губами по ее волосам. В ней было что-то восхитительное — не просто ее гибкое тело или потрясающая грудь, которую он вполне оценил во время танца. Она как-то особенно смотрела на него, особенно отвечала ему. В этой девочке было что-то яркое, дерзкое и смелое — как будто она ничего не боялась.

Пол знал, что она еще совсем юная, что восьмиклассница должна неловко чувствовать себя в обществе такого взрослого многоопытного парня, как он, но она вела себя с ним вполне естественно. Мэрибет совершенно не терялась перед ним, смело говорила то, что думает, и это ему очень нравилось.

Ссора с Дебби больно задела его самолюбие, и Мэрибет была как раз тем бальзамом, который мог успокоить боль его сердечных ран.

Сев в машину. Пол повернулся и посмотрел на свою новую знакомую. Ему не хотелось везти ее домой — слишком уж хорошо было с ней. Мэрибет определенно нравилась ему. Судя по всему, она тоже не слишком рвалась домой.

— Может, покатаемся? — предложил он. — Сейчас только одиннадцать, еще детское время.

Они ушли с танцев так рано, что даже после вечера в «Уилли» у них оставалось в запасе около часа.

— Вообще-то мне пора домой, — неуверенно ответила она.

Пол завел машину и поехал — но не к ее дому, а к парку. Ее это несколько не напугало, она просто не хотела возвращаться домой слишком поздно, чтобы не выслушивать нотаций родителей. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Весь вечер он вел себя с ней как настоящий джентльмен — не в пример Дэвиду.

— Всего один кружок по парку, а потом я отвезу тебя домой, обещаю. Я просто не хочу, чтобы этот вечер кончился. Он стал для меня совершенно особенным, — сказал он со значением, и Мэрибет почувствовала поднимающуюся в ней волну восторга.

Неужели это говорит ей Пол Браун? А что, если это окажется серьезным? Что, если он теперь будет гулять с ней, а не с Дебби Флауэрс?

Она не могла верить в подобное чудо.

— Мне с тобой очень хорошо, Мэрибет, — проникновенно произнес Пол.

— Мне тоже. Гораздо лучше, чем на танцах, — засмеялась она.

Еще несколько минут они болтали о всякой всячине, пока он не завез ее в уединенный уголок около озера, где остановил машину и повернулся к ней.

— Ты — особенная девушка, — сказал Пол, и Мэрибет несколько не сомневалась, что он действительно так считает. Открыв ящичек для перчаток, он достал оттуда бутылку джина и протянул ей.

— Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Я не пью.

— Ты что, серьезно? — удивленно спросил Пол.

— Мне не нравится спиртное.

Он подумал, что это весьма странно, но все же продолжал настаивать на том, чтобы она выпила.

Сначала Мэрибет отказывалась, но потом, не желая обидеть его, сделала несколько глотков. Жидкость обожгла ей горло, слезы выступили на глазах, а во рту возникло ощущение сухости. Она почувствовала, как запылала ее щеки, а Пол тем временем обнял ее и поцеловал.

— Может быть, это тебе нравится больше, чем джин? — театральным тоном спросил он ее после второго поцелуя, и она с улыбкой кивнула в ответ, чувствуя себя искушенной, возбужденной и немножко грешницей.

Пол был невероятно обходительным и невыносимо красивым.

— И мне тоже, — прошептал он и, поцеловав ее снова, начал расстегивать пуговицы на ее платье.

Мэрибет пыталась помешать ему, однако его пальцы были проворнее и опытнее, и не успела она оглянуться, как он уже ласкал ее грудь, продолжая целовать ее в губы, и она не знала, как остановить его.

— Пол, не надо... пожалуйста, — тихо произнесла она, своим неуверенным тоном выдавая, что на самом деле ей хочется продолжения.

Мэрибет знала, что должна прервать его, понимала, что позволяет ему перейти границы дозволенного, но была не в силах отказаться от этой сладостной муки.

Пол наклонился и стал целовать ее грудь; не прошло и секунды, как ее бюстгальтер отлетел в сторону, а руки выскользнули из рукавов платья. И снова он целовал ее в губы, а пальцы его тем временем теребили ее соски.

Поражаясь самой себе, она застонала; рука Пола скользнула ей под юбку, раздвинув ее инстинктивно сжатые ноги, и быстро и уверенно нашла святая святых.

Мэрибет понимала, что совершает непростительную глупость, что не должна уступать напористому Полу. Но от его прикосновений собственное тело становилось непослушным, от его ласк она испытывала самое настоящее наслаждение, хотя разум ее приказывал ей немедленно остановиться.

Наконец она отпрянула от него, сдерживая дыхание и пытаясь обрести контроль над собой. Посмотрев на Пола с сожалением, она покачала головой, и он понял ее движение.

— Я не могу. Прости меня, Пол.

Она была потрясена тем, что он заставил ее почувствовать. Голова у нее кружилась, по телу пробегали волны дрожи.

— Ничего, — мягко ответил он, — я знаю...

Я не должен был этого делать... прости...

Не успев договорить, он поцеловал ее снова все повторилось сначала.

На этот раз остановиться было еще труднее, и, когда она наконец оторвалась от него, оба они выглядели весьма растрепанными; одежда была в полном беспорядке, в этот момент Мэрибет в ужасе заметила, что он успел расстегнуть «молнию» на брюках.

Пол взял ее руку и направил к расстегнутой ширинке; она пыталась умерить разгорающийся в ней пыл, но не могла, словно зачарованная его действиями.

Именно об этом ее все предупреждали, именно этого она никогда не должна была делать, но это было настолько захватывающим, что Мэрибет не могла остановить ни себя, ни его.

Внезапно она обнаружила, что неумело ласкает его член; Пол поцеловал ее снова и уложил на сиденье, содрогаясь от желания и возбуждения.

— О Господи... я так хочу тебя, Мэрибет... детка... я люблю тебя...

Он задрал ее юбку и спустил свои брюки — как ей показалось, одним движением, — и она почувствовала тяжесть его тела, которое искало ее и отчаянно нуждалось в ней. Она ощутила, как возрастает ее собственное желание, и в этот момент он вошел в нее волной наслаждения и боли. Не успев сделать и нескольких толчков. Пол содрогнулся всем телом и через секунду уже уткнулся лицом в ее волосы в полном изнеможении.

— Боже мой... Господи... Мэрибет... — шептал он, постепенно возвращаясь на землю и глядя в ее лицо.

Она смотрела на него с ужасом, не веря в то, что они совершили. Пол мягко прикоснулся к ее лицу.

— Господи, Мэрибет, прости меня... Ты была девочкой... но я ничего не мог поделать с собой... Ты такая красивая, и я так тебя хотел... прости, детка... — покаянно бормотал он.

— Ничего, — ответила она с неожиданным спокойствием. Пол осторожно извлек орудие своей страсти, чувствуя новую волну возбуждения, но не решаясь просить ее о повторении.

Потом он, подобно фокуснику, вытащил откуда-то из-под сиденья полотенце и помог ей привести себя в порядок, невзирая на ее смущение, которое она тщетно пыталась скрыть.

Затем он основательно приложился к бутылке джина и снова предложил ей выпить; на этот раз Мэрибет не отказывалась, мысленно задавая себе вопрос за вопросом. Не первый ли глоток спиртного заставил ее уступить? Влюблена ли она в него? Или он в нее?

И что — она теперь будет его настоящей подружкой?

— Ты просто потрясающая, — сказал Пол, снова целуя ее и крепче прижимая к себе. — Прости, что это произошло здесь, в такой неподходящей обстановке. В следующий раз будет лучше, обещаю тебе. Мои родители на пару недель уедут к родственникам, и ты сможешь приходить ко мне домой.

Полу совершенно не приходило в голову, что Мэрибет может не захотеть продолжения этого вечера. Он не сомневался, что ей хотелось еще, и он был отчасти прав, однако Мэрибет была совсем не уверена в своих чувствах.

Всего за несколько минут мир для нее перевернулся.

— А у вас с Дебби... тоже было?

Еще не договорив, она поняла, что это был глупый вопрос. Он посмотрел на нее с улыбкой, как умудренный опытом старший брат.

— Ты ведь еще совсем девочка? Кстати, сколько тебе лет?

— Две недели назад мне исполнилось шестнадцать.

— Ну что ж, теперь ты совсем большая.

Увидев, что она дрожит, он снял пиджак и накинул ей на плечи. Только сейчас до нее дошел весь смысл происшедшего. И она рискнула задать ему страшно важный вопрос:

— А я могу забеременеть?

Одна мысль об этом привела Мэрибет в ужас. Она совершенно не подозревала о том, как сильно рискует.

Правда, его уверенный вид немного успокоил ее.

— Не думаю, — пожал плечами Пол. — С первого раза это бывает редко. То есть, конечно, может случиться всякое... но ты не забеременеешь, Мэрибет. А в следующий раз я буду осторожен.

Она не знала, что значит быть осторожным, но прекрасно понимала, что должна быть осторожной сама, если за сегодняшним вечером последует какое-то продолжение. А это вполне могло случиться — ведь теперь она станет его подружкой, а если он занимался этим с Дебби Флауэрс, то будет ждать этого и от нее.

Значит, она должна подумать о том, как обезопасить себя.

Чего Мэрибет совершенно сейчас не хотелось, так это ребенка. Даже само предположение о возможной беременности заставляло ее содрогаться от ужаса. И ее совершенно не привлекала перспектива поспешного брака, прикрывающего грех, как у двух ее теток. Она вдруг вспомнила все истории, которые рассказывал ее отец.

— А если я беременна, как я узнаю об этом? — бесхитростно спросила она, пока Пол заводил машину. Он посмотрел на нее с нескрываемым удивлением, поражаясь ее невинности. Весь вечер она казалась ему весьма взрослой.

— А разве ты не знаешь? — ошеломленно спросил он, и Мэрибет, как всегда, честно покачала головой. — У тебя месячные не наступят.

Мэрибет кивнула, смутившись оттого, что говорит с мальчиком на такие темы. Правда, его слова все равно ничего не прояснили, но дальше расспрашивать она не решилась, подумав, что он сочтет ее совсем глупой.

На обратном пути Пол не проронил ни слова; остановившись перед ее домом, он быстро огляделся по сторонам и поцеловал ее.

— Спасибо тебе, Мэрибет. У меня был замечательный вечер.

Мэрибет больно кольнуло то, как легко потеря невинности в его устах превратилась в «замечательный вечер». Впрочем, она понимала, что не имеет права ожидать от него большего. Она виновата во всем сама, она не должна была допускать близость в первый же вечер; и если их отношения продолжатся, это будет означать, что ей повезло. В конце концов, он же сказал ей, что любит ее.

— У меня тоже был замечательный вечер, — немного настороженно ответила она и с надеждой продолжила:

— Увидимся в школе.

Протянув Полу его пиджак, она заспешила к дому. Дверь была открыта. До полуночи оставалось две минуты. Мэрибет была рада тому, что все уже спали — ей не нужно было ничего объяснить и отвечать на вопросы.

Никогда в жизни она не мылась столь тщательно. Потом, еле сдерживая слезы, она застирала испачканный подол платья и повесила его сушиться. Она уже придумала, как объяснит матери случившееся — мол, на юбку пролили пунш или кого-то вырвало.

Вся дрожа, Мэрибет быстро надела ночную рубашку и проскользнула в спальню, которую делила со своей сестрой. Лежа в полной темноте, Мэрибет раздумывала о том, что произошло.

Может быть, успокаивала она себя, это начало серьезных отношений. Но она отнюдь не была уверена в том, так ли это и насколько серьезно относится к ней Пол Браун. Честно говоря, Мэрибет не склонна была принимать на веру все его слова. Она надеялась на это, но слишком уж часто ей приходилось слышать про девочек, которых ребята заставляли переспать с ними и после этого сразу же бросали.

Но Пол-то ее не принуждал к этому, и это удивляло Мэрибет больше всего. Ей самой хотелось заниматься с ним любовью. Она начала желать этого после первого же его прикосновения. И она не жалела о случившемся — просто была напугана своим первым опытом.

Этой ночью она почти не спала, холодея от ужаса и молясь о том, чтобы не забеременеть.

Утром, за завтраком, мама спросила ее, хорошо ли она провела время на школьном балу, и она сказала, что было весело. Мэрибет несколько удивляло, что никто из ее домашних ничего не заподозрил, не заметил в ней больших перемен, хотя ей казалось, что она после вчерашнего вечера стала совсем другим человеком.

Она выросла, стала женщиной, она сделала это, занималась сексом с самым видным парнем во всей школе. То, что ее нового состояния никто не замечал, было просто невероятно.

У Райана в это утро было плохое настроение, Ноэль поссорилась с матерью из-за какой-то мелочи. Отец, несмотря на субботний день, уехал в свою мастерскую, а мама сказала, что у нее болит голова.

Каждый из ее домочадцев жил своей жизнью, и никто не видел, что Мэрибет из куколки превратилась в бабочку, став Золушкой для своего Прекрасного Принца.

Она парила, как на крыльях, до понедельника, когда ей пришлось резко спуститься с небес на землю — по дороге в школу она увидела Пола в обнимку с Дебби Флауэрс.

А на переменах все уже сплетничали об этой парочке. Они с Дебби поссорились и решили расстаться, потому что кто-то сказал Дебби о том, что Пола видели с какой-то другой, никому не известной девочкой. Дебби устроила сцену, но в воскресенье они благополучно помирились.

Мэрибет чувствовала, что в груди у нее что-то оборвалось; до среды она не общалась с Полом, да и видела его только издалека. Когда он сам остановился около нее и ласково заговорил с ней, Мэрибет отвернулась, делая вид, что кладет что-то в свой шкафчик. Она надеялась на то, что ее соблазнитель уйдет, но он сказал, что разыскивает ее уже несколько дней.

— Можно с тобой поговорить, Мэрибет? — спросил он своим низким, очень сексуальным и чувственным голосом.

— Извини, но не сейчас... Я опаздываю на историю. Может быть, потом?

— Подожди. — Он мягко взял ее за руку. — Знаешь... прости меня за то, что произошло...

То есть... я хочу сказать, что... ну, в общем, надо было сначала подумать, а потом делать...

Прости меня... Дебби, конечно, сумасшедшая, но мы уже столько времени вместе... Я не хотел сделать тебе больно.

Когда до нее дошел смысл его сбивчивых объяснений, Мэрибет с трудом сдержала слезы. Зачем же он в тот вечер вел себя с ней так обходительно? Впрочем, если бы он вел себя иначе, было бы еще хуже.

— Не беспокойся обо мне, — гордо выпрямилась она. — У меня все в порядке.

— Ничего у тебя не в порядке, — вздохнул Пол, еще острее почувствовав свою вину.

— Нет, я действительно на тебя не сержусь, — ответила Мэрибет, но тут слезы потекли у нее из глаз, и ей вдруг захотелось, чтобы все было иначе. — Забудь обо мне.

— Помни, что, если я тебе понадобится, я всегда рядом.

«Зачем он сказал это?» — подумала Мэрибет.

Весь следующий месяц она пыталась вычеркнуть его из сердца и памяти. Но Пол, как нарочно, попадался ей повсюду — в буфете, на переменах, около спортзала. Ей казалось, что она просто не может избежать этих встреч.

А в начале мая, через шесть недель после той самой, памятной для Мэрибет, ночи. Пол и Дебби объявили о своей помолвке и о свадьбе, которая должна была состояться в июле, после окончания школы. И в тот же самый день Мэрибет поняла, что она беременна.

Всего через две недели у нее начался сильный токсикоз. Ее часто рвало, грудь увеличилась в размерах и стала очень чувствительной, она начала как-то сразу полнеть, и тошнота подкатывала к горлу буквально каждую минуту.

Мэрибет не могла поверить в то, что в ее организме могли произойти такие стремительные изменения. Каждое утро, скорчившись на полу в ванной после приступа рвоты и молясь о том, чтобы ее никто не услышал, она повторяла себе, что вечно скрывать свое состояние не сможет.

Она не знала, что делать, кому сказать о том, что с ней случилось, к кому обратиться.

Полу Мэрибет решила об этом не сообщать.

Подождав еще пару недель, она наконец отправилась к гинекологу своей матери, попросив его не говорить ничего ее родителям.

Она так безутешно плакала в его кабинете, что он пообещал не выдавать ее — правда, весьма неохотно, — и подтвердил ее беременность.

К этому моменту у нее было уже около двух месяцев.

Пол ошибался — она забеременела «с первого раза». Мэрибет спрашивала себя, лгал он ей или просто не знал, что такое возможно.

Может быть, и то, и другое. Но в любом случае ей страшно не повезло, и, одеваясь за занавеской, она тихо всхлипывала, а врач тем временем спросил ее, что она собирается делать.

— Ты знаешь, кто отец ребенка? — спросил он. Ошеломленная Мэрибет застыла, еще более униженная этим вопросом. Какого же он был о ней мнения, если задавал такой вопрос?

— Конечно, — ответила она подавленно.

Легкого выхода из этого положения не было.

— Он собирается жениться на тебе? — поинтересовался доктор.

Мэрибет в ответ покачала головой с огненной гривой. Глаза ее, подобно двум зеленым озерам, были печальны. Она еще не до конца понимала смысл происходящего, не представляла, что ее ожидает. Хотя перспектива выйти замуж за Пола была очень соблазнительна, Мэрибет не собиралась обольщаться понапрасну.

— Он помолвлен с другой, — глухо сказала она, и доктор сочувственно кивнул.

— Это обстоятельство может заставить его изменить планы. Мужчины часто делают это в подобной ситуации. — Гинеколог сочувственно вздохнул. Ему было жаль эту милую девочку, и он понимал, что случившееся неизбежно и навсегда изменит ее жизнь.

— Он не изменит своих планов, — почти беззвучно промолвила Мэрибет.

Это был классический случай подружки на вечер. Пол ведь почти не знал ее, хоть и сказал, что будет рядом, если понадобится. Ну что ж, теперь он был ей нужен. Но она не сомневалась в том, что Пол не женится на ней только потому, что она случайно забеременела.

— А что ты собираешься сказать своим родителям, Мэрибет? — раздался отрезвляющий голос врача, и, только подумав о том, что произойдет, когда об этом узнает отец, она зажмурилась от ужаса.

— Я еще не знаю.

— Хочешь, я буду присутствовать при твоём разговоре с ними? Может быть, тебе это поможет?

Это было великодушное предложение, но она представить себе не могла, что вместо нее ужасную новость родителям сообщит врач.

Мэрибет понимала, что рано или поздно ей придется это сделать самой.

— А что, если... избавиться от этого? — набравшись смелости, спросила она.

Она толком не знала, как это делается, но слышала, что некоторые женщины «избавляются» от детей. Однажды ее мать при ней обсуждала это со своей сестрой, шепотом произнося слово «аборт». Мама говорила, что иногда женщины от этого умирают, но Мэрибет предпочла бы умереть, нежели предстать перед своим разгневанным отцом.

Доктор, впрочем, немедленно развеял ее надежды:

— Это дорого, опасно и запрещено законом. И я не желаю больше слышать об этом из ваших уст, юная особа. В твоём возрасте самым разумным будет родить и отдать ребенка на усыновление. В подобных случаях так поступает большинство твоих ровесниц. Ребенок должен родиться в декабре. Когда беременность станет заметной, ты можешь отправиться в монастырь Сестер Милосердия и оставаться там до появления ребенка на свет.

— То есть до того, как я его отдам?

Доктор сказал «появление», но Мэрибет каким-то особым образом почувствовала, что весь процесс не укладывается в это простое слово и врач многого не договаривает.

— Да, — с сочувствием вздохнул он.

Эта девочка была такой молоденькой, такой наивной. Но у нее было тело взрослой женщины, из-за чего она и попала в такую переделку.

— Ты еще некоторое время можешь жить спокойно. Живот станет заметен только в июле, или августе, или даже позже. Но ты все равно должна во всем признаться родителям.

Поначалу они, конечно, пошумят, но потом примирятся с твоим положением.

Мэрибет машинально кивнула, понимая, что возражать бесполезно.

Что она могла сказать родителям? Что она переспала с едва знакомым парнем в его машине и что он на ней никогда не женится?

Она не могла представить себе ни свой разговор с родителями, ни его возможные последствия.

Одевшись, она вышла из кабинета гинеколога в совершенно подавленном состоянии.

Доктор обещал ничего не сообщать ее домашним, пока она сама этого не сделает, и она верила ему.

Днем Мэрибет отыскивала Пола в школе. Через две недели он заканчивал учебу, и она знала, что их пути окончательно разойдутся. У нее не было особых надежд на помощь Пола, и она ни в чем не винила его. «Я виновата в той же степени, что и он», — повторяла себе Мэрибет; но она все равно не могла забыть того, что он ей сказал.

Они медленно побрели прочь от школы и уселись на ту же скамейку около спортзала, на которой встретились в тот роковой вечер.

— Черт! Этого быть не может, — тяжело вздохнул Пол, когда она рассказала о своих неприятностях. Он выглядел очень несчастным.

— Но это случилось. Прости меня. Пол.

Я даже не знаю, зачем я сказала тебе. Я просто подумала, что ты должен знать.

Он кивнул, и некоторое время они сидели молча.

— Через шесть недель у меня свадьба, — наконец произнес он. — Дебби убьет меня, если узнает. Я сказал ей, что все, что она о тебе слышала, — это вранье и пустые слухи.

— А что она обо мне слышала? — удивленно спросила Мэрибет, заинтригованная тем, что Дебби вообще знала о ее существовании.

— Что в тот вечер я был с тобой. Ребята, которых мы видели в «Уилли», рассказали ей об этом. Мы поссорились, и она потребовала от меня объяснений. Но я сказал ей, что для меня это ровным счетом ничего не значило, — упавшим голосом признался Пол.

Сейчас он был похож на растерянного, нашкодившего мальчишку, а не на самоуверенного красавца чемпиона.

Мэрибет было больно слышать от него такие слова. Это Дебби для него что-то значила.

А не она.

— А для тебя то, что было между нами, правда ничего не значило? — спросила она в лоб.

Мэрибет хотела знать. Теперь она имела на это право — ведь она носила его ребенка.

Он задумчиво посмотрел на нее, а потом покачал головой:

— Конечно, значило. Может быть, меньше, чем должно было, но все-таки... Ты показалась мне просто потрясающей. Но Дебби в то воскресенье охотилась за мной целый день. Знаешь, она так плакала. Она сказала, что я обошелся с ней как с продажной девкой, и что обманул ее, и что после трех лет нашей дружбы она заслуживает лучшего отношения. И тогда я пообещал жениться на ней после выпуска.

— Ты действительно хочешь, чтобы она была твоей женой? — спросила Мэрибет, глядя на него во все глаза.

Она действительно хотела понять, каким был этот красивый парень и чего ему хотелось в жизни. Ей казалось, что Дебби не совсем ему подходит, и она спрашивала себя, понимает ли он это.

— Я не знаю, чего я хочу, — искренне признался Пол. — Но одно я знаю совершенно точно: я не хочу сейчас заводить ребенка.

— Я тоже не хочу.

В этом она нимало не сомневалась. Мэрибет вообще не была уверена, хочет ли она иметь детей, но то, что растить ребенка вместе с Полом невозможно, она понимала отчетливо. Ей вдруг стало окончательно ясно, что этот красавчик ее не любит и никогда не любил.

Даже если бы он согласился — а она была уверена в том, что он не пошел бы на это, — Мэрибет не хотела выходить за него замуж.

Она не смогла бы жить с человеком, который скрывал от других, что провел с ней вечер, и лгал об этом своей будущей жене. Ей нужен был другой — мужчина, который бы гордился ее любовью и ее ребенком, их ребенком. Брак только ради прикрытия греха с совершенно чужим человеком? Нет, только не это!

— А ты не хочешь избавиться от него? — нерешительно спросил Пол, и Мэрибет печально взглянула на него.

— Ты имеешь в виду — отдать его приемным родителям?

Именно это она и собиралась сделать, и именно это предложил ей мамин доктор.

— Нет. Я имею в виду аборт, — не глядя ей в глаза, пробормотал вконец смущенный Пол. — Я знаю одну девочку, которая в прошлом году... В общем, я могу поспрашивать.

Может, мне удастся наскрести немного денег.

Это вообще-то очень дорого.

— Нет, Пол, я на это не пойду.

Доктор лишил Мэрибет всякого желания прибегать к этому выходу из положения. Кроме того, несмотря на свою полную невежественность в этом вопросе, она все-таки понимала, что это будет не что иное, как убийство:

— Ты что, собираешься растить его? — в ужасе спросил Пол. Что скажет на это Дебби? Она его просто убьет.

— Нет. Я хочу отдать его на усыновление, — ответила она.

Мэрибет много думала об этом. И это казалось ей единственно возможным решением.

— Доктор говорит, что после того, как живот станет заметным, я могу пожить у монашек, а после родов отдать им ребенка. А уж они его пристроят в какую-нибудь семью. А ты захочешь его увидеть? — внезапно повернувшись, задала она странный вопрос.

Но Пол отрицательно покачал головой и отвернулся. Его раздражало, что она заставила его испытать страх, почувствовать себя негодяем и подлецом. Пол прекрасно понимал, что не должен был так себя вести с ней. Но у него не хватало мужества разделить это бремя со своей случайной подружкой. И кроме того, ему не хотелось терять Дебби.

— Прости меня, Мэрибет. Я чувствую себя последним мерзавцем.

Первым ее порывом было сказать Полу, что он и есть мерзавец, но у нее не повернулся язык. Потом Мэрибет чуть было не заявила, что понимает его, но промолчала, потому что ничего не понимала.

Что между ними произошло в тот вечер, зачем она это сделала, почему она забеременела, какого черта он женится на Дебби вместо того, чтобы жениться на ней, и почему она должна прятаться в монастыре и рожать его ребенка?

Все это было совершенно недоступно ее бедному рассудку.

Еще некоторое время они сидели в полном молчании, испытывая неловкость и неприязнь друг к другу, а затем он встал и ушел, и Мэрибет поняла, что говорила с ним в последний раз.

После этого она видела Пола лишь однажды, в день выпуска, и он ничего ей не сказал — просто посмотрел на нее и отвернулся, а Мэрибет со слезами на глазах побрела прочь через весь школьный городок.

Она не хотела рожать от него ребенка — это было так несправедливо. Почему именно она должна расплачиваться за то, что произошло на переднем сиденье его машины. Видимо, отец прав: мужчины — существа высшей категории, и им все сходит с рук. И кроме того, с каждым днем ей становилось все хуже.

В первую же неделю каникул, когда ее в очередной раз выворачивало наизнанку над унитазом, в ванную вошел ее брат — она впопыхах забыла запереть дверь.

— Ой, прости... Господи... тебе что, плохо?

Райан некоторое время смотрел на нее с неожиданным сочувствием, и вдруг, когда ее еще раз вырвало, его осенило:

— Черт возьми, ты беременна!

Это было утверждение, а не вопрос.

В изнеможении стоя на коленях на холодном кафельном полу, Мэрибет решила, что теперь никогда не выйдет из ванной.

В конце концов она все-таки подняла глаза. Брат грозно возвышался над ней, и в лице его не было жалости — одно обвинение:

— Отец тебя убьет.

— С чего ты взял, что я беременна? — Она пыталась сохранять спокойствие, но провести Райана было трудно.

— Кто он?

— Это не твое дело, — сказала Мэрибет, чувствуя приближение следующего приступа тошноты — теперь уже скорее от нервного напряжения и ужаса.

— Скажи ему, чтобы он готовил к свадьбе свой лучший костюм или мотал отсюда поскорее куда подальше. Отец устроит ему красивую жизнь, если негодяй, который обрюхатил тебя, не сделает все так, как надо.

— Спасибо за совет, — ответила Мэрибет и медленно вышла из ванной.

Но она не сомневалась, что теперь ее дни сочтены, — и была права.

Райан рассказал отцу о своем открытии в тот же день. Берт Робертсон вернулся домой в ярости и чуть не вышиб дверь комнаты.

Мэрибет лежала на кровати, а Ноэль слушала пластинки и делала маникюр. Отец силком вытащил Мэрибет в гостиную и громко позвал мать. Мэрибет часто обдумывала, как она скажет родителям о том, что с ней произошло, но теперь ей уже не надо было ничего говорить. Райан сделал это за нее.

Вскоре в гостиной появилась плачущая мама. Райан выглядел так, как будто сестра нанесла ему личное оскорбление. Отец велел Ноэль оставаться в ее комнате.

Шагая по гостиной взад-вперед, он был подобен урагану. Он кричал, что Мэрибет берет пример со своих теток, что она вела себя как последняя шлюха и опозорила их всех.

А потом он потребовал, чтобы она сказала, кто отец ребенка. Но к этому его дочь была готова. Ей уже было не важно, что они сделают с ней. Она не собиралась им ничего говорить.

Пол был красивым парнем и на самом деле очень нравился Мэрибет. Она бы мечтала гулять с ним; она бы хотела, чтобы он хотел ее.

Но он не любил ее и собирался жениться на другой. А она не собиралась в шестнадцать лет ломать себе жизнь браком с таким человеком.

Лучше уж она родит и откажется от ребенка.

Если ее жизнь загублена, зачем губить ее и Полу? Родители никогда не заставят ее признаться, кто отец ее будущего ребенка.

— Кто он?! — снова и снова рычал отец. — Я не выпущу тебя из комнаты, пока ты мне не скажешь.

— Тогда мы еще долго будем здесь сидеть, — тихо ответила Мэрибет.

После того как она обнаружила, что беременна, ей пришлось уже столько передумать о себе и своей будущей жизни, что даже крики отца не могли ее испугать. Кроме того, самое плохое уже было позади. Она была беременна.

Родители знали об этом. Что они теперь могли с ней сделать?

— Скажи, кто это! Учитель? Твой одноклассник? Женатый мужчина? Священник?

Кто-то из друзей Райана? Кто он?

— Это не имеет значения. Он на мне все равно не женится, — спокойно сказала Мэрибет, сама удивляясь своему бесстрашию перед бурным гневом отца.

— Почему? — с новой силой набросился он на нее.

— Потому что он меня не любит, и я его не люблю. Это просто как дважды два.

— Это совсем не просто! — загремел отец.

Мама не переставала плакать, закрыв лицо руками. Мэрибет внезапно ощутила к ней острую жалость. То, что она причинила ей такую боль, мучило ее больше всего.

— Значит, ты переспала с мальчишкой, которого ты даже не любишь? Ах ты дрянь испорченная! Даже твои вертихвостки-тетки любили тех парней, с которыми они спали! Они вышли замуж и

получили достойную жизнь и законных детей. А что ты собираешься делать с ребенком? — продолжал орать Берт Робертсон, все больше и больше распаляясь.

— Я не знаю, папа. Я думала отдать его на усыновление, если только...

— Если только что?! Или ты думаешь, что мы позволим тебе родить его здесь, чтобы ты опозорила себя и всех нас? Только через мой труп. И через труп твоей матери.

Мама смотрела на нее умоляюще, от всей души желая, чтобы все в ее семье снова стало хорошо. Но исправить прошлое было нельзя.

— Я не хочу растить ребенка, папа, — с болью в голосе сказала Мэрибет, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Мне только шестнадцать, я еще не в состоянии ему ничего дать, и потом, я тоже хочу жить. Я не собираюсь ломать свою жизнь из-за рождения этого ребенка, понимаешь? Мы оба заслуживаем большего, чем сможем иметь.

— Очень благородно с твоей стороны, — проворчал отец. — Было бы очень мило, если бы ты проявила немножко благородства до того, как раздвигать ноги. Посмотри на своего брата! У него была куча девочек, но ни одна от него не забеременела. А теперь посмотри на себя. Тебе всего шестнадцать, и ты можешь с полным правом сказать, что твою испоганенную жизнь можно спустить в унитаз.

— Это совсем не обязательно, папа. В монастыре я смогу заниматься, а в декабре, после родов, вернусь в школу. Я могу вернуться после рождественских каникул. Мы можем сказать, что я тяжело болела.

— Неужели ты это серьезно? А как ты думаешь, кто-нибудь в это поверит? Ты думаешь, никто об этом не узнает? Все будут знать.

И обсуждать. На тебя будут пальцем показывать — и на нас заодно. Ты опозорила всю семью.

— Тогда чего ты от меня хочешь, папа? — спросила она тихо. Слезы текли по ее щекам ручьями. Этот разговор оказался более тяжелым, чем Мэрибет могла предположить. Простого решения проблемы, устраивающего всех, она найти не могла. — Что я должна делать?

Я не могу исправить свою ошибку. Я не знаю, что делать дальше. Я не знаю, как выйти из этого положения.

Она жалобно всхлипывала, но отец даже не смотрел в ее сторону. Казалось, он превратился в айсберг.

— По крайней мере ты должна отказаться от ребенка, когда он родится.

— Я должна буду жить в монастыре? — спросила Мэрибет, в глубине души надеясь на то, что отец разрешит ей оставаться дома.

Перспектива жизни среди унылых монахинь, вдали от семьи, приводила ее в ужас. Но если он прикажет ей уехать, она не посмеет его послушаться.

— Ты не можешь оставаться дома, — жестко сказал отец, — и растить ребенка самой я тебе не позволю. Ты отправишься в монастырь Сестер Милосердия, родишь, отдашь им ребенка и только тогда вернешься домой.

И он нанес дочери последний удар:

— Чтоб ноги твоей не было в моем доме, пока ты не избавишься от этого убудка. И я не хочу, чтобы ты виделась с матерью и сестрой.

На мгновение Мэрибет показалось, что он хочет убить ее этими словами. Неужели родной человек может быть таким безжалостным?

— Ты оскорбила и нас всех, и саму себя. Ты нанесла удар своему достоинству и достоинству семьи. Ты не оправдала нашего доверия.

Ты опозорила и нас, и себя, Мэрибет. Помни об этом всегда.

— Почему ты считаешь, что то, что я сделала, — так ужасно? Я никогда не лгала тебе, я никогда не причиняла тебе боли, я не предавала тебя. Я просто поступила очень легкомысленно. Оступилась один раз. И ты видишь, что теперь со мной из-за этого происходит. Разве этого наказания недостаточно? Я не могу избавиться от того, что совершила. Теперь я должна как-то жить с этим. Я вынуждена буду отказаться от собственного ребенка. Разве этого мало? Разве я уже не наказана?

— Это твое дело — и Бога. Не я тебя наказываю, а он, — отрезал Берт Робертсон.

— Ты мой отец, и ты хочешь отослать меня отсюда. Ты говоришь, что не хочешь меня видеть до тех пор, пока я не вернусь сюда без ребенка... ты запрещаешь мне видеться с мамой и Ноэль. Разве это не жестоко?

Мэрибет знала, что мама не будет противоречить мужу. Она была слаба, не умела сама принимать решения и находилась полностью под

его властью. Все они выставляли ее за дверь — как это уже сделал Пол. Теперь она осталась совершенно одна лицом к лицу с ожидавшими ее тяжелыми испытаниями.

— Мама вольна делать то, что ей нравится, — неубедительно ответил отец.

— Ей нравится делать то, что устраивает тебя, — вызывающе сказала Мэрибет, разозлив отца еще больше, — и тебе это прекрасно известно, папа.

— Мне известно только то, что ты всех нас опозорила, негодная девчонка! И не думай, что я позволю тебе поступать, как тебе заблагорассудится, обесчестить всю семью и принести в наш дом своего ублюдка. Не жди от меня ничего, Мэрибет, пока ты не расплатишься за свои грехи и не разберешься со своим будущим сама. Если ты не хочешь выйти замуж за того, кто тебя совратил, а он не хочет на тебе жениться, то я не могу ничем тебе помочь.

Берт Робертсон вышел из гостиной, громко хлопнув дверью.

У Мэрибет даже не было сил, чтобы подняться в свою комнату.

В тот же вечер отец позвонил гинекологу, у которого Мэрибет была на приеме, и в монастырь. На кров, еду и карманные расходы в течение шести месяцев, а также на помощь при родах требовалось восемьсот долларов. Говорившая с мистером Робертсоном монахиня заверила его в том, что за его дочерью будет хороший уход, что роды будут приняты в монастырском лазарете акушеркой и врачом. Ребенка передадут в достойную семью, а его дочь вернется домой в целостности и сохранности через неделю после родов, если не будет никаких осложнений.

Отец дал свое согласие и с каменным лицом протянул Мэрибет конверт с хрустящими купюрами. Плачущая мама к тому моменту уже ретировалась в спальню.

— Видишь, как мать страдает из-за тебя, — с осуждением в голосе сказал отец, полностью исключая хотя бы малейшую свою роль в этих страданиях. — Я запрещаю тебе говорить об этом Ноэль. Ты уезжаешь — это все, что она должна знать. Ты вернешься через шесть месяцев. Завтра утром я сам отвезу тебя в монастырь. Собирайся, Мэрибет.

По его тону она поняла, что он не шутит, и похолодела. Несмотря на непростые отношения с отцом, это был ее дом, ее семья, ее

родители, а теперь она становилась для них изгоем.

Никто не поможет ей пережить этот невероятно трудный период.

Мэрибет подумала о том, что она могла бы быть более настойчивой с Полом, чтобы он хотя бы помог ей... или даже женился на ней, а не на Дебби. Но теперь было уже поздно. Отец приказал ей уехать, чтобы уже на следующее утро и ноги его дочери не было в доме.

— А как я объясню это Ноэль? — выдавила Мэрибет. Тяжелее всего ей было расставаться с младшей сестрой.

— Скажи ей, что ты едешь учиться в другую школу. Придумай что угодно, только не говори ей правду, — раздраженно бросил отец. — Она слишком мала для этого.

Совершенно оглушенная, Мэрибет в ответ только кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Потом она поднялась в комнату, которую делила с сестрой, и, стараясь не смотреть в глаза Ноэль, достала свой единственный чемодан. Она взяла с собой очень немного вещей — рубашки, брюки, несколько платьев, которые еще какое-то время она сможет носить. Мэрибет надеялась на то, что монахини дадут ей какую-нибудь одежду — ведь совсем скоро на нее перестанет налезать что бы то ни было.

— Что ты делаешь? — с явным беспокойством спросила Ноэль.

Она пыталась подслушать разговор родителей с сестрой, но никак не могла понять, о чем они так спорят. Когда Мэрибет повернулась лицом к своей младшей сестре, она выглядела так, будто кто-то умер.

— Я на некоторое время уезжаю, — печально ответила она, судорожно пытаясь придумать какую-нибудь убедительную ложь.

Но это было так трудно. Она никак не ожидала, что ее отправят в монастырь так внезапно. Мэрибет представить себе не могла сцену прощания, и от необходимости отвечать на многочисленные вопросы Ноэль ее охватывала нервная дрожь.

В конце концов она сказала сестре, что уезжает учиться в специальную школу, потому что в этом году ее успехи были хуже, чем обычно. Однако Ноэль с плачем кинулась обнимать свою единственную сестру, боясь расставания с ней.

— Пожалуйста, не уезжай... пусть они тебя никуда не отправляют... как бы ты ни провинилась, наказание не может быть

таким ужасным... Мэрибет, что бы ты ни сделала, я тебя прощаю... я так люблю тебя... не уезжай...

Мэрибет была единственным человеком, с которым Ноэль могла поговорить по душам.

Мама была слишком беспомощной и всего боялась, отец — слишком суровым, чтобы прислушиваться к ней, брат — слишком эгоистичным и недалеким. Только с Мэрибет девочка могла обсуждать свои проблемы, а теперь она покидала дом.

Бедные сестры проплакали всю ночь, лежа вдвоем на узкой кровати и прижавшись друг к Другу.

Очень скоро — скорее, чем обычно, — рассвело, и в девять часов отец положил чемодан дочери в багажник своего грузовичка. Мэрибет стояла у крыльца и смотрела на мать, страстно желая, чтобы у той достало сил запретить отцу прогнать дочь из дома. Но она прекрасно знала, что мама на это неспособна.

Они обнялись. Господи, как Маргарет Робертсон хотелось, чтобы ее дочь могла остаться дома, чтобы произошло чудо и оказалось, что все это было простым недоразумением.

— Я люблю тебя, мама, — глухо сказала Мэрибет, крепко прижавшись к матери.

— Я обязательно приеду к тебе, Мэрибет, я обещаю, — шепнула мать.

Подступившие слезы мешали Мэрибет говорить, и она только кивнула. Ноэль плакала в открытую, умоляя сестру не уезжать.

— Ну-ну, перестань, я скоро приеду. — Мэрибет пыталась храбриться, но в конце концов сама разрыдалась. — Я скоро вернусь.

К Рождеству. Вот увидишь!

— Я люблю тебя, Мэрибет! — крикнула Ноэль вслед отъезжающей машине.

В этот момент на крыльцо вышел и Райан, но ничего не сказал, а только помахал рукой.

Отец повез ее к пункту назначения кратчайшим путем, через центр города.

Монастырь показался Мэрибет зловещим и угрюмым. Отец даже не стал заходить внутрь, передав дочери ее небольшой чемодан прямо на ступеньках.

— Береги себя, Мэрибет.

У нее не поворачивался язык, чтобы сказать ему что-нибудь ласковое на прощание.

Отец мог бы обойтись с ней помягче, он мог бы попытаться понять ее и простить. Он мог бы вспомнить свою молодость и те ошибки — пусть не таких ужасные, — которые он совершал. Но ее отец не был на это способен. Он не мог подняться над самим собой и над своей чудовищной ограниченностью.

— Я буду писать тебе, папа, — сказала Мэрибет.

Отец долго не отвечал ей, потом молча кивнул.

— Сообщай матери о том, как ты себя чувствуешь. Она будет волноваться.

Мэрибет хотела спросить, будет ли он волноваться тоже, но не решалась задавать ему подобные вопросы.

— Я тебя люблю, — тихо сказала она, когда отец уже спускался по ступенькам, но он даже не повернулся к ней.

Когда машина тронулась, он поднял высунутую в окно руку, но не бросил на дочь прощального взгляда.

Мэрибет нажала на кнопку звонка.

Дверь долго не открывалась, так что ей даже захотелось бегом спуститься по ступенькам и отправиться домой, но дома у нее теперь не было. Она понимала, что родители не пустят ее обратно, пока все это не кончится.

Наконец показалась молодая монахиня.

Мэрибет назвала свое имя, монахиня кивнула, забрала у нее чемодан, впустила девочку внутрь, и тяжелая железная дверь монастырского приюта захлопнулась за ней.

Глава 3

Монастырь Сестер Милосердия был похож на темную, мрачную пещеру. В этом унылом месте Мэрибет в первый же день обнаружила еще двух подруг по несчастью. Обе они были из маленьких соседних городков, и истории всех трех девушек мало чем отличались друг от друга.

Они были уже на сносях; одна из них, нервная семнадцатилетняя девушка, уже на второй день пребывания Мэрибет в монастыре родила девочку, которую немедленно забрали, чтобы отдать сгорающим от нетерпения приемным родителям.

Молодая роженица даже не увидела своего ребенка.

Весь этот процесс показался Мэрибет варварским, как будто это была какая-то грязная тайна, которую надо было скрывать.

Другой будущей мамаше было всего пятнадцать, и она со дня на день ожидала начала схваток. Обе девушки ели и молились вместе с монашками, и разговаривать им разрешалось только в определенные часы. Мэрибет была потрясена, когда узнала, что будущего ребенка ее соседки по комнате должен усыновить дядя девушки; несчастная выглядела очень жалко и страшно боялась родов.

Вечером пятого дня пребывания в монастыре Мэрибет услышала ее дикие крики. Это продолжалось двое суток; монахини бегали по коридорам как угорелые, пока в конце концов юную роженицу не забрали в больницу, где ей сделали кесарево сечение. Мэрибет сказали, что девочка больше в монастырь не вернется, но ребенок — мальчик — родился здоровым.

Теперь, когда обе ее сверстницы исчезли, ей стало еще более одиноко. Мэрибет очень надеялась на прибытие других грешниц, потому что поговорить ей было совершенно не с кем.

При любой возможности она читала местную газету и через две недели после приезда обнаружила там объявление о свадьбе Пола и Дебби. От сознания того, что у счастливых новобрачных медовый месяц, а она сидит здесь, в этой тюрьме, расплачиваясь за единственный вечер на переднем сиденье машины, Мэрибет чуть было не впала в отчаяние.

То, что она должна нести это тяжкое бремя одна, казалось ей страшной несправедливостью, и чем больше она об этом думала, тем яснее осознавала, что долее оставаться в монастыре она не может.

Хотя ей некуда и не к кому было пойти, выносить давящее монастырское благочестие она не могла. Монахини обращались с ней довольно снисходительно, правда, не забывали брать с нее деньги, и она уже успела заплатить им сто долларов. У нее оставалось еще семьсот и шесть месяцев до появления на свет ребенка.

Мэрибет понятия не имела, куда податься, но это существование в монастырских стенах, откуда ее не выпускали, словно она была узницей, угнетало ее. Еще несколько месяцев беременности, родовые муки, расставание с ребенком и возвращение к родителям опустошенной и измученной — это была слишком чудовищная плата за ее глупость.

Она хотела куда-нибудь уехать, жить своей жизнью, работать, завести друзей. Да и нужно-то ей было совсем немного — чуть-чуть свежего воздуха, шума, голосов, вообще людей. А здесь Мэрибет находилась под постоянным гнетом и ощущала себя преступницей, чей грех неискупим. Даже если это действительно было так, ей все равно не должны были отказывать в солнечном свете и радости.

Мэрибет не знала, почему это с ней произошло; возможно, период ожидания ребенка должен стать для нее уроком, который она усвоит на всю жизнь, даром судьбы, который нельзя упускать, временем, которое не должно быть потеряно. Вопреки уверениям монашек, беременность не могла быть таким ужасным наказанием, и вскоре Мэрибет сказала настоятельнице, что уезжает.

Она соврала, что едет навестить захворавшую тетушку, в надежде, что ей поверят. Но даже если настоятельница и усомнилась в ее словах, Мэрибет знала, что ничто не удержит ее в этих мрачных стенах.

На следующий день на рассвете она покинула монастырь с оставшимися деньгами и чемоданом в руках и с переполняющим все ее существо долгожданным чувством свободы. Она не могла вернуться домой, но перед ней лежал весь мир — прекрасный и неизведанный. Мэрибет никогда не чувствовала себя такой свободной и сильной. Когда ей пришлось оставить свой дом, она испытала непереносимую

боль; сейчас же речь шла лишь о том, чтобы найти себе кров и переждать до рождения ребенка.

Это будет легче сделать за пределами городка, поэтому Мэрибет отправилась на автобусную станцию и купила билет до Чикаго в один конец. Маршрут пролегал через Омаху, но Чикаго был самым дальним пунктом, который способна была вообразить шестнадцатилетняя девочка; кроме того, она могла высадиться в любой точке маршрута, а потом восстановить свой билет. Единственное, чего ей хотелось, — это уехать куда-нибудь подальше и найти место, где она могла бы провести следующие полгода своей жизни.

Мэрибет заняла место у окна в первом же автобусе до Чикаго. И когда она увидела, как удаляется прочь ее родной городок, то не испытала никакого сожаления — лишь внезапный восторг перед безбрежным будущим.

В прошлом, как и в городке ее детства, не осталось ничего. Друзей у нее здесь не было.

Единственные люди, по которым она скучала, — это мама и сестра. Дожидаясь автобуса, Мэрибет отправила каждой из них по почтовой карточке, пообещав дать свой адрес, как только она обоснуется.

— В Чикаго едете, мисс? — спросил водитель, как только она заняла свое место, непривычно взрослая и независимая.

— Может быть, — ответила Мэрибет с улыбкой.

Она могла поехать куда угодно и делать все, что ей заблагорассудится. Она была свободна.

Теперь она отвечала за свои поступки только перед самой собой, скованная лишь растущим в ее чреве ребенком.

У нее было уже три с половиной месяца беременности; еще ничего не было заметно, но Мэрибет чувствовала, как постепенно раздается ее тело. Она стала думать о том, что говорить людям в том месте, где она решит остановиться.

Ей придется объяснять, что привело ее в этот город, а потом, когда нельзя будет скрывать беременность, — где ее муж и почему она одна. Ей придется искать работу — а ведь она не так много умеет делать. Убирать в доме, работать в библиотеке, быть няней или официанткой — она была готова на любой труд.

А до тех пор, пока она не найдет работу, она будет жить на те деньги, которые отец дал ей для оплаты пребывания в монастыре.

Днем автобус остановился в Гриннелле.

Несмотря на легкий ветерок, было жарко, и Мэрибет стало нехорошо после длинного переезда, но съеденный сэндвич улучшил ее самочувствие. Ее попутчики выходили на остановках, в автобус садились новые; похоже, большинство из них ехали из одного маленького города в другой.

Когда вечером этого дня они остановились в игрушечном маленьком городке, чистеньком и хорошеньком, она оставалась в салоне единственной пассажиркой, севшей в начальном пункте.

Это был университетский городок; в ресторане, куда дружной гурьбой отправились пассажиры автобуса, было много молодежи. Мэрибет он немного напомнил вагон-ресторан, однако все было очень вкусно, и у женщины, обслуживавшей ее, был учтивый и расторопный черный мальчик-помощник. Подав Мэрибет чизбургер и молочный коктейль, официантка широко ей улыбнулась. Бутерброд был огромным и очень дешевым; повсюду раздавались веселые голоса и раскаты хохота.

Мэрибет показалось, что это очень хорошее место; она так расслабилась здесь, что ей не хотелось уезжать, однако автобус уже должен был отправляться и следовать прямым путем до Чикаго.

Выходя из ресторана, Мэрибет вдруг увидела в его окне маленькое объявление, приглашающее на работу официантов и их помощников. С минуту она смотрела на него, погрузившись в размышления, а затем медленно отправилась назад, думая, что ее либо сочтут сумасшедшей, либо поверят в любую историю, которую она сочинит.

Та же официантка, которая обслуживала ее, посмотрела на нее с улыбкой и с немым вопросом, подумав, что клиентка забыла что-нибудь из вещей. Мэрибет, колеблясь и не решаясь начать разговор, переминалась с ноги на ногу.

— Скажите, а можно мне... я видела объявление... Мне нужна работа. То есть я...

— То есть ты хочешь работать, — все так же улыбаясь, подхватила женщина. — И нечего этого стыдиться. Два доллара в час.

Шесть дней в неделю, десять часов в день. У нас скользящий график, так что удастся выкраивать время на своих детей. Ты замужем?

— Нет, я... да... — заготовленная заранее ложь вдруг вылетела у Мэрибет из головы. — То есть я была замужем. Я вдова. Моего мужа убили в Корее.

— Мне очень жаль, — искренне ответила женщина, глядя Мэрибет в глаза.

Она видела, что девочка действительно хочет работать, и она ей нравилась. Она выглядела совсем юной, особенно для вдовы, но в этом ничего плохого не было, ведь и ходила в ресторан в основном молодежь.

— Спасибо... — кивнула Мэрибет. — С кем я могу поговорить о работе?

— Со мной. У тебя уже есть опыт?

Мэрибет, поколебавшись, решила не врать и покачала головой, размышляя над тем, стоит ли говорить собеседнице о будущем ребенке;

— Но мне очень нужна работа.

Она изо всех сил сжимала сумочку, чтобы унять дрожь в руках, и отчаянно надеялась, что ответ будет положительным.

Внезапно ей захотелось остаться здесь. Тут было так хорошо — этот уютный милый городок сразу понравился ей.

— Где ты живешь?

— Пока нигде. — Она совсем по-детски улыбнулась, и эта улыбка покорила сердце официантки. — Я только что сошла с автобуса.

Если вы меня возьмете, я заберу свой чемодан и пойду искать комнату. Я могу приступить к работе уже завтра.

Собеседница улыбнулась. Ее звали Джулия, и Мэрибет ей очень понравилась. В этой девочке чувствовалась какая-то внутренняя сила и достоинство, как будто у нее уже были свои твердые принципы и жизненный опыт.

Конечно, ее появление выглядело немного странным, но Джулия привыкла хорошо относиться к людям и верить своему первому впечатлению. А эта девушка ей сразу понравилась.

— Хорошо, иди за чемоданом, — наконец ответила она, тепло улыбнувшись. — Сегодня можешь переночевать у меня. Мой сын поехал к бабушке в Дулут. Если тебя не смущает беспорядок, поспи в

его комнате. Ему четырнадцать, и он настоящий неряха. А дочке моей двенадцать. Я разведена. А тебе сколько лет?

Все это Джулия выпалила без пауз на одном дыхании.

Мэрибет, бросив на ходу через плечо, что ей восемнадцать, побежала к автобусу за вещами. Уже через две минуты она вернулась, задыхающаяся и счастливая.

— А вас это точно не стеснит, если я у вас переночую?

— Да нет, — усмехнулась Джулия, протягивая ей фартук. — Давай-ка за работу. Ты можешь убирать за мной столы, пока в двенадцать я не уйду.

До двенадцати оставалось только полтора часа, но таскать огромные подносы и тяжелые кувшины с водой было очень трудно.

Когда в двенадцать ресторан наконец закрылся, Мэрибет не чувствовала под собой ног. В ресторане работали еще четыре женщины, а также несколько мальчишек — явных школьников, — которые так же, как и Мэрибет, убирали столы. Они были ее ровесниками, а женщинам было от тридцати до сорока.

В этот же вечер она узнала, что владелец после сердечного приступа заходит в ресторан только по утрам и иногда днем. Однако он все равно много работает, а готовит в основном его сын;

Джулия сказала, что несколько раз гуляла с ним, и он показался ей хорошим парнем, но из этого так ничего и не вышло. На ней лежало слишком много ответственности, чтобы тратить время на романы и еще находить в этом удовольствие.

У нее было двое детей, а бывший муж умер пять лет назад, оставив ее без поддержки. По ее словам, чтобы одевать и кормить детей, платить за их обучение и медицинское обслуживание, не говоря уж о других вещах, в которых они нуждались, ей приходилось экономить каждый цент.

— Воспитывать детей в одиночку — это не шутка, — серьезно сказала она Мэрибет по дороге домой. — По идее, следует объяснять это каждой женщине, которая подает на развод.

Дети не должны расти без отца, скажу я тебе. У тебя может голова болеть, ты можешь плохо себя чувствовать или очень устать — а им и дела нет, потому что ты — все, что у них есть.

Все ложится на твои плечи. У меня тут и родственников никаких нет... но зато девочки в ресторане мне очень помогают. Они и за

детьми моими присмотрят, если надо, и разрешают их к себе подкинуть, когда у меня вдруг свидание.

Тут есть один хороший мужчина — муж Марты, — так он при любой возможности берет моего парня с собой на рыбалку. Знаешь, это многого стоит. Одной трудно справиться с детьми. Видит Бог, я стараюсь. Иногда мне кажется, что я вот сейчас лягу и помру от усталости.

Мэрибет слушала очень внимательно, и житейская мудрость, таившаяся в этих словах, не укрылась от нее. Ей еще раз захотелось сказать Джулии о ребенке, но она не сделала этого.

— Плохо, что у вас с мужем детей не было, — мягко сказала Джулия, словно читая ее мысли. — Но ты, Мэрибет, еще так молода. Ты найдешь себе другого. Кстати, сколько тебе было, когда вы поженились?

— Семнадцать. Мы только что окончили школу и были женаты всего год.

— Да, тогда тебе не повезло, детка.

Джулия коснулась руки Мэрибет и припарковала машину около дома. Ее квартира была в задней его части. Когда они с Джулией вошли, ее дочка уже спала.

— Не люблю оставлять ее одну — обычно старший мой тоже дома. Соседи за ней присматривают, а то она больно независимая.

Иногда, если уже совсем припирает, она приходит со мной в ресторан, но начальство этого не любит, — продолжала объяснять словоохотливая Джулия.

Мэрибет получила наглядный урок того, каково одной растить детей, и особо привлекательным это не выглядело. Джулия уже десять лет жила одна, с того момента, когда детям исполнилось четыре и два года. Ей пришлось помотаться по свету, прежде чем она осела здесь, но этот городок ей нравился.

— Тебе тоже должно здесь понравиться, Мэрибет. Маленький, ухоженный, много достойных молодых людей и преподавателей колледжей. Они частенько приходят в «Джимми Ди». Я думаю, они сразу положат на тебя глаз.

Она показала Мэрибет ванную и комнату ее сына Джеффри, который уехал на две недели. Джулия сказала, что Мэрибет может жить с ней, пока не найдет комнату. Если понадобится, она после

возвращения Джефа уступит ей комнату Джессики, а девочка будет спать с ней, но вообще-то в студенческом городке проблем с жильем возникнуть не должно.

И Джулия оказалась права. Уже на следующий день Мэрибет нашла симпатичную маленькую комнатку. Она была оклеена розовыми в цветочек обоями, и хотя была совсем крошечной, но вполне уютной и солнечной, да и цена была невелика. Кроме того, она находилась всего в шести кварталах от «Джимми Ди», места ее работы.

Мэрибет казалось, что удача сопутствует ей, что все само собой встает на свои места.

Она приехала в этот городок всего несколько часов назад, но ей было тут хорошо — как будто это место просто создано специально для нее.

По дороге на работу она бросила в ящик открытку для родителей, где сообщала свой адрес; в этот момент она подумала о Поле, тут же одернула себя, решив, что не стоит о нем вспоминать. Интересно, когда она сможет совсем его забыть. Будет ли Пол счастлив с Дебби и как сложится судьба их с Полом ребенка?

В «Джимми Ди» Мэрибет выдали розовое форменное платье с белыми манжетами и чистый белый фартук. И в этот же день она начала принимать заказы.

Молодые ребята, в том числе и повар, разглядывали новенькую во все глаза, но никто не сказал ничего неподобающего. Все были с ней дружелюбны и вежливы, и она слышала, как другие женщины сочувственно шепчутся за ее спиной о том, что она вдова. Они все ей поверили, им и в голову не могло прийти, что она их обманывает.

— Ну, как дела, детка? — спросила Джулия днем.

Ей было приятно слышать хорошие отзывы о работе своей подопечной. Мэрибет не жалела себя, была приветлива со всеми, и было нетрудно заметить, что всем посетителям она понравилась. Кое-кто спрашивал, как ее зовут, а молодежь начинала заигрывать с молоденькой официанткой.

И Джимми новенькая тоже явно пришлась по душе, когда в этот день он пришел посмотреть, как идут дела в ресторане. Мэрибет была сообразительна, опрятна и, как ему показалось, честна. Кроме того, она была хорошенькой, а это он всегда приветствовал. Кто захочет смотреть на унылую старую кошелку, которая равнодушно шлепает

перед посетителем чашку с кофе на столик, мечтая только о том, чтобы поскорее закончить работу и сесть у телевизора, вытянув натруженные за день ноги.

Джимми стремился к тому, чтобы все его официантки — и молодые, и средних лет — всегда выглядели приветливыми и улыбались.

Он хотел, чтобы при взгляде на них настроение у клиентов повышалось. И Джулия, и все остальные его устраивали. А теперь еще появилась и Мэрибет. Новенькая очень старалась, и, судя по всему, работать ей действительно было приятно.

Но когда вечером, после окончания первого трудового дня, Мэрибет доплелась до своей комнаты, она была совершенно измучена и только напоминала себе о том, как ей повезло, что она сразу нашла и работу, и кров. Теперь она могла продолжать полноценную жизнь.

Она даже собиралась брать книги из библиотеки и продолжать заниматься.

Мэрибет уже решила, что не позволит судьбе сломать свою жизнь. Оставшиеся до рождения ребенка месяцы — вынужденная задержка на ее пути, но с нужного направления она не собьется.

На следующий вечер в ресторан пришел серьезный молодой парень и заказал бифштекс.

Джулия сказала, что он часто приходит обедать.

— Не знаю почему, — с таинственным видом сказала она, — но у меня такое чувство, что домой идти ему не хочется. Он никогда не заговаривает с нами и не улыбается, но всегда очень вежливый. И вообще он милый молодой человек. Мне всегда хочется его спросить, что он тут делает и почему не идет обедать домой. Может быть, у него нет матери. — Сердобольная Джулия была готова любому поспешить на помощь. — Короче, у него явно что-то произошло. Печальнее глаз я никогда не видела.

Слушай, давай-ка ты пойди его обслужи. — И она подтолкнула Мэрибет в его направлении.

Молодой человек быстро пробежал глазами строчки меню. Он уже успел перепробовать всю их кухню, и у него было несколько любимых блюд, которые он обычно заказывал.

— Добрый вечер. Что вы желаете заказать? — застенчиво спросила Мэрибет.

Юноша посмотрел на нее с нескрываемым интересом. Джулия была права, глаза у него действительно оказались печальные.

— Номер два, если можно. Бифштекс и картофельное пюре, — сказал молодой человек, покраснев.

Ему понравились рыжие волосы новой официантки, и он изо всех сил старался не пялиться на ее фигуру.

— Салат, кукуруза, шпинат? — как положено, уточнила она.

— Кукурузу, пожалуйста, — ответил молодой человек, разглядывая ее.

Раньше он ее тут не видел, а ведь он часто ходил сюда обедать — три или четыре раза в неделю, иногда даже по выходным. У них кормили вкусно, обильно и дешево. А когда его мать перестала готовить обеды, «Джимми Ди» превратился в единственное место, где он мог прилично поесть.

— Кофе?

— Нет, молоко. А на десерт — фирменный яблочный пирог, — добавил он поспешно, словно боясь, что пирог ему не достанется, и Мэрибет улыбнулась.

— А вы уверены, что справитесь со всем этим? У нас достаточно большие порции.

— Уверен, — улыбнулся он в ответ. — Я все время здесь обедаю. А вы новенькая?

Мэрибет кивнула, чувствуя смущение в первый раз за все время работы. Он произвел на нее приятное впечатление. Скорее всего юноша был ее ровесник, и она вдруг подумала, что они могли бы найти много общих интересов.

— Да, я совсем недавно приехала сюда и работаю только второй день.

— А как вас зовут?

Он был очень искренним и бесхитростным.

Но Джулия была права — в его глазах словно поселилось страдание. Смотреть в них было страшно. Что-то подталкивало Мэрибет к нему — ей почему-то казалось, что она знает, кто он и какой он.

— Меня зовут Мэрибет.

— А меня Том. Рад познакомиться.

— Я тоже.

Она пошла на кухню с его заказом, а потом вернулась к его столику со стаканом молока.

Джулия успела заметить, как они разговаривали, и теперь поддразнивала ее. Она сказала, что этот загадочный юноша еще ни с кем в ресторане так долго не общался, как с Мэрибет.

— Откуда ты приехала? — спросил он, когда она снова возникла перед его столиком, и, получив ответ, добавил:

— А почему ты приехала сюда, или я не должен об этом спрашивать?

— Да сразу на этот вопрос и не ответишь, — искренне сказала Мэрибет. — Мне тут нравится. Люди хорошие, и ресторан замечательный.

Я тут нашла неподалеку уютную комнату. Да и вообще все катится как по маслу, как будто здесь меня ждали.

Она улыбнулась, удивившись про себя тому, как легко ей с ним разговаривать. А когда она принесла Тому обед, он, казалось, гораздо больше интересовался ею, чем едой.

Он долго ковырял свой пирог, а потом заказал еще один кусок и еще стакан молока, чего раньше никогда не делал. Потом, когда она принесла ему добавку. Том стал рассказывать ей о своем увлечении рыбалкой и спросил, пробовала ли она когда-нибудь удить рыбу.

Мэрибет ответила, что несколько лет назад ездила на рыбалку с отцом и братом, но поймать ей так ничего не удалось. Но ей нравилось просто сидеть рядом с ними на берегу, глядя на воду, читая или размышляя о своем.

— Ты можешь как-нибудь поехать на рыбалку со мной, — предложил Том и покраснел, удивляясь самому себе.

И почему его так тянет болтать с этой новенькой рыжеволосой официанткой? Он признался себе, что с того момента, как он вошел в ресторан и увидел ее, он уже не мог оторвать от нее глаз.

Том дал ей большие чаевые и еще некоторое время толкался у стойки, выжидая момент, когда она освободится, чтобы попрощаться с ней.

— Ну, спасибо за все. Скоро увидимся!

И с этими словами он вышел. Мэрибет заметила, какой он долговязый и худой. Это был очень симпатичный юноша, который сам, казалось, не осознавал своей привлекательности.

И он показался ей очень юным — скорее братом, чем молодым человеком, которым она могла бы заинтересоваться. Кто бы он ни был и кем бы ни казался, даже если она его больше никогда не увидит, все равно поговорить с ним было приятно.

Назавтра Том снова пришел в ресторан и на следующий день тоже. У нее был выходной, и он очень расстроился, что не повидал ее.

Тогда он появился в понедельник задолго до своего обычного часа.

— В прошлый раз я тебя не застал, — сказал Том, заказывая жареную курицу.

У него был хороший аппетит, и он всегда просил целый обед. Похоже, он тратил на еду большую часть своих карманных денег и так много ел, что Мэрибет решила, что он не живет с родителями. В конце концов она рискнула выяснить это.

— Ты живешь один? — осторожно спросила она, ставя перед ним тарелки и наполняя молоком его стакан.

«В счет я его не внесу, — подумала она. — В конце концов, вторую чашечку кофе они наливают клиентам бесплатно, и Джимми не разорится, если оплатит стакан молока для постоянного клиента, каким является Томми»

— Нет, я живу с родителями. Но они... в общем, каждый из них живет своей жизнью.

И мама последнее время перестала готовить.

Осенью она собирается снова начать работать.

Моя мать учительница. Долгое время она только заменяла заболевших учителей, но теперь она будет работать в старших классах по полному графику.

— А что она преподает? — заинтересовалась Мэрибет.

— Английский, обществоведение, литературу. Она хороший учитель, и мне частенько от нее достается, — сказал Том, закатывая глаза в притворном ужасе.

— Счастливый! Мне пришлось на некоторое время оставить учебу, и мне этого очень не хватает, — невольно призналась Мэрибет.

— Колледж или старшие классы? — спросил Томми с интересом.

Он все еще пытался вычислить ее возраст.

Мэрибет выглядела старше своих лет, но иногда ему казалось, что она его ровесница.

— Старшие классы, — поколебавшись, ответила она.

«Значит, она уже в выпускном классе», — подумал Томми.

— Я пока вынуждена заниматься сама, но после Рождества я обязательно вернусь в школу.

В ее голосе чувствовалась горечь, и он не мог понять, почему она так резко оборвала себя, однако решил ее не спрашивать.

— Если хочешь, я могу дать тебе учебники, — предложил он. — А мама даст тебе другие материалы — я знаю, ей это будет приятно.

Она считает, что все в мире должны заниматься по индивидуальным программам. А ты любишь учиться?

Мэрибет кивнула, и по ее глазам он понял, что она говорит совершенно искренне. Эта странная девушка все больше привлекала его.

В выходной Мэрибет действительно ходила в библиотеку, где взяла необходимые ей для занятий книжки.

— А что ты больше всего любишь из предметов? — спросила она, забирая у него тарелки.

На десерт он заказал фирменный пирог с черникой, особенно удававшийся их повару, и Томми очень его любил.

— Английский, — ответил он.

Мэрибет с удовольствием обслуживала этого вежливого, серьезного посетителя. Она старалась лишний раз подойти к его столику, чтобы поболтать с ним. У них явно было много общего.

— А еще я люблю литературный язык, сравнительную грамматику, — продолжал перечислять Томми. — Иногда мне кажется, что я мог бы стать писателем. Но папа мой хочет, чтобы я занимался бизнесом.

— Каким? — заинтересованно спросила она.

Томми был смышленным и симпатичным — но таким одиноким. Он приходил сюда один, без друзей, и ему явно не хотелось возвращаться домой. Все это вызывало в ней не только любопытство, но и сочувствие.

— Продажей продуктов. Это наш семейный бизнес, который был основан моим дедом. Сначала они были фермерами, но потом начали

оптовую торговлю. Это довольно интересно, но я больше люблю писать. Возможно, мне понравится преподавать, как моей матери.

Томми пожал плечами, снова показавшись ей совсем мальчишкой. Ему нравилось разговаривать с ней, и он без труда удовлетворял ее любопытство. Свои многочисленные вопросы к этой загадочной девушке он решил отложить на потом. Но перед уходом он спросил, когда у нее следующий выходной.

— В пятницу.

Томми кивнул, колеблясь, пригласить ее на прогулку или на рыбалку за город.

— Хочешь, пойдем куда-нибудь в пятницу днем? — наконец решился он. — Утром я буду помогать папе. Но около двух я смогу за тобой заехать. Он разрешит мне взять фургон. Мы можем поехать на канал или на озеро — погулять или порыбачить, если хочешь.

— Хорошо, пойдем туда, куда ты хочешь, — кивнула Мэрибет. И, понизив голос, чтобы не услышали другие, она дала ему свой адрес. Мэрибет ни минуты не сомневалась, что поступила правильно. Он казался ей человеком, которому можно доверять, и в его обществе она чувствовала себя совершенно свободно. Инстинктивно она знала, что Томми Уиттейкер уже стал для нее другом, не способным причинить ей боль.

— Он что, назначил тебе свидание? — с любопытством спросила Джулия после его ухода.

Одна из официанток слышала, как Томми приглашал Мэрибет на рыбалку, и теперь они все подтрунивали над ней.

Эта симпатичная девочка уже успела всем понравиться, как, впрочем, и ее новоиспеченный кавалер, ставший для них загадкой с самого своего первого появления в ресторане прошедшей зимой. Он ни с кем обычно не разговаривал — просто заказывал обед, в молчании съедал его и уходил.

Но в обществе Мэрибет молодой человек явно ожил, и его трудно было узнать.

— Конечно, нет, — пожала плечами Мэрибет. — Я не хожу на свидания с клиентами.

Несмотря на пафос, с которыми были произнесены эти слова, Джулия, конечно же, ни на минуту ей не поверила.

— Ты можешь делать что хочешь, ты же знаешь, Джимми к этому относится снисходительно. Этот Томми хороший парень, и ты ему явно нравишься.

— Он просто мой друг, вот и все. Он говорит, что его мама терпеть не может готовить, вот он сюда и ходит.

— И он, конечно же, уже все рассказал тебе про свою жизнь?

— Ой, ради Бога, замолчи, — отмахнулась Мэрибет и прошла на кухню за гамбургерами для развеселой студенческой компании.

Возвращаясь с тяжелым подносом в зал, она подумала о предстоящей пятнице и улыбнулась про себя.

Глава 4

В пятницу Джон отпустил сына в одиннадцать, и уже в половине двенадцатого Томми заехал за Мэрибет.

На ней были старые джинсы, сандалии и просторная рубаша ее отца. Джинсы она закатала почти до колен, а свои рыжие волосы стянула в два хвоста. На вид ей можно было дать не больше четырнадцати, но рубашка скрывала ее округлившийся живот, а «молнию» на брюках она не в состоянии была застегнуть уже несколько недель.

— Привет! Я закончил раньше, чем рассчитывал. Я сказал папе, что еду на рыбалку, и он разрешил мне уйти.

Он помог ей залезть в фургон и вскоре остановил его около небольшой лавчонки, чтобы купить что-нибудь на ленч. Томми взял сэндвич с ростбифом, она — с тунцом. Бутерброды были огромными, явно домашнего приготовления; кроме того, они купили упаковку «кока-колы» и коробку печенья.

— Еще что-нибудь? — с готовностью спросил Томми.

Его восхищала сама мысль о предстоящей прогулке в обществе Мэрибет. Его спутница была такая красивая, такая жизнерадостная и вместе с тем такая неожиданно взрослая. Ее самостоятельная жизнь в одиночестве, работа — все это делало ее очень зрелой.

Мэрибет взяла с прилавка пару яблок и шоколадку «Херши». Томми настоял на том, чтобы заплатить самому, хотя она и попыталась поделить расходы пополам. Томми последовал за ней к фургону, неся покупки и восхищаясь ее фигурой.

— И как получилось, что ты так рано ушла из дому? — спросил Томми по пути к озеру. — Как только тебя отпустили родители?

Еще не зная ее выдуманной истории о вдовстве, он думал, что у нее в жизни случилось что-то драматическое. Мало кто из ребят их возраста так просто покидает свой дом и уезжает в другое место. Что-то подсказывало ему, что тут не все ладно, но ему не хотелось лезть в чужую душу.

— М-м-м... даже не знаю, — ответила она и отвернулась к окну. — Долго рассказывать.

Мэрибет вздрогнула, вспомнив о том, какой травмой стали для нее уход из родного дома и недолгое пребывание в монастыре. Это было самое угнетающее место из всех, где ей приходилось бывать, и она не переставала радоваться тому, что ей удалось оттуда сбежать.

В конце концов, жизнь у нее кипела, у нее была работа, она сама о себе заботилась, а теперь еще и встретила Томми. Может быть, они подружатся. С некоторых пор ей стало казаться, что жизнь для нее продолжается.

Мэрибет несколько раз звонила домой, но мама сразу же начинала плакать, а с Ноэль ей не давали поговорить. В последний раз мама сказала, что лучше, если она будет писать, а не звонить. Они очень рады тому, что у нее все хорошо, сказала она, но отец до сих пор зол на нее и не собирается общаться до того, как «инцидент будет исчерпан». Мама продолжала называть ребенка Мэрибет «инцидентом».

Погрузившись в свои невеселые мысли, Мэрибет вздохнула и посмотрела на Томми. У него были такие ясные и правильные черты лица, и с ним так приятно было разговаривать.

— Мы поссорились, и отец выгнал меня, — наконец сказала она почти правду. — Он хотел, чтобы я продолжала жить в нашем городе, но через пару недель я поняла, что не могу.

Поэтому я приехала сюда и нашла работу.

Она объяснила все очень просто, не упоминая ни о будущем ребенке, ни о своих страданиях, ни об охватившем ее ужасе, ни о разбитом сердце.

— Но ты вернешься? — смущенно спросил он.

Она ведь сказала ему, что после Рождества возвращается домой.

— Да. Я же должна учиться, — ответила Мэрибет просто.

Дорога сильно петляла, и Томми приходилось быть внимательным. При резких поворотах в пустом чреве фургона болталась удочка.

— А почему ты не хочешь остаться жить здесь? Тебе же, кажется, у нас понравилось.

— Я не могу, — сказала она, не желая продолжать этот разговор.

Чтобы переменить тему, Мэрибет решила расспросить Томми о его семье, выяснить, почему он так мало общается со своими родителями.

Томми остановил машину на стоянке.

— А у тебя есть братья или сестры? — спросила Мэрибет наугад, внезапно осознав, как мало о нем знает.

Томми выключил мотор и посмотрел на нее долгим взглядом, словно не зная, стоит ли отвечать на ее вопрос.

— Была сестра, — тихо произнес он. — Энни. Ей было пять лет. Она умерла сразу после Рождества от менингита.

С этими словами он вылез из кабины и открыл заднюю дверцу фургона, чтобы достать удочку. Мэрибет с сочувствием наблюдала за ним.

Так вот в чем была причина этого страдания в его глазах, видного невооруженным глазом! Так вот почему он так неохотно возвращался к себе домой. В доме Уиттейкеров поселилось горе.

Мэрибет медленно закрыла за собой дверцу машины и пошла за ним по тропинке к озеру. Они нашли тихое место в конце песчаного пляжа. Томми снял джинсы, оставшись в плавках, и расстегнул рубашку.

Мэрибет не смогла сдержаться и с любопытством оглядела его с ног до головы. На первый взгляд он показался ей похожим на Пола, но потом она подумала, что между ними нет ничего общего, кроме спортивной, атлетически развитой фигуры.

Пол был эгоистичным и самодовольным и привык быть в центре всеобщего внимания.

Кроме того, он уже давно был женат и вообще остался в той, прежней жизни.

А Томми... Томми был цельным и чистым.

Он казался Мэрибет очень невинным и невероятно милым; она чувствовала, что все больше привязывается к нему.

Она примостилась рядом с ним на песке.

Томми сосредоточенно разматывал леску.

— А какая она была?

Голос Мэрибет был очень мягким, в нем звучало сочувствие, а не простое любопытство. Ее собеседник, казалось, не мог оторваться от своего занятия.

— Энни? — Томми возвел глаза к небу, а потом закрыл их на секунду, прежде чем повернуться к Мэрибет. Он избегал разговоров на эту тему, но с этой девушкой он мог говорить обо всем — он это чувствовал.

Томми нашел в этой рыжеволосой милой девушке настоящего друга, но ему хотелось большего. У нее были потрясающие ноги и удивительные глаза, и улыбка, которая заставляла его таять от нежности и желания, и невероятно красивая фигура. Но при этом он все равно хотел быть прежде всего ее другом. Ему хотелось делать ей приятное, быть рядом с ней, когда ей нужно было общество близкого человека; он чувствовал, что ей это просто необходимо — хотя и не понимал почему. Она была бойкой, жизнерадостной девушкой, но при этом очень уязвимой.

— Энни была самая милая девочка на свете, с огромными голубыми глазами и пшеничными волосами. Она походила на маленького ангела, какими украшают верхушку рождественской елки... а иногда она напоминала настоящего дьяволенка. Энни ходила за мной по пятам и очень любила меня дразнить. Совсем незадолго до ее смерти мы сделали огромного снеговика...

Глаза Томми наполнились слезами, и он встряхнул головой. Он в первый раз разговаривал с кем-то о своей покойной сестре, и разговор этот давался ему нелегко. Мэрибет это прекрасно видела.

— Мне ее очень не хватает, — сказал он дрогнувшим голосом, и Мэрибет нежно коснулась его руки своими тонкими и нежными пальцами.

— Не надо стесняться слез... конечно, ты по ней скучаешь. Она долго болела?

— Всего два дня. — Как только Томми начал изливать ей душу, ему сразу стало легче. — Мы думали, что у нее заурядный грипп или простуда. А это был менингит. Врачи ничего не смогли сделать. Она просто ушла. Я не перестаю думать о том, что это я должен был умереть. То есть я хочу сказать, почему она?

Почему этот ласковый, веселый, ни в чем не повинный ребенок должен был погибнуть? Ей было всего пять лет, она никому не причинила вреда, только приносила всем радость. Когда Энни родилась, мне было десять лет, и я хорошо помню, какой она была смешной, забавной и очень хорошенькой.

Томми улыбнулся, вспомнив свою сестренку, и придвинулся поближе к Мэрибет, положив удочку на теплый песок перед собой. Как ни странно, ему было приятно говорить о ней — он как будто возвращался в счастливое и недолговечное прошлое. Было

удивительно, что Томми не испытывал при этом боли, отчаяния — только тихую, светлую грусть.

Он еще ни разу ни с кем не говорил об Энни и ее смерти — все старались избегать этой темы, а с мамой или папой такой разговор был просто немыслим.

— Наверное, твоим родителям очень тяжело пришлось, — сказала Мэрибет с несвойственной ее возрасту мудростью. У нее вдруг появилось впечатление, что она знала их.

— Да уж. Когда она умерла, жизнь остановилась. Отец с матерью почти перестали друг с другом разговаривать, да и со мной тоже.

В доме, где раньше всем нам было так хорошо, стало просто невыносимо. Все молчат, никто никуда не ходит, никто больше не улыбается. Они никогда о ней не говорят. И вообще ни о чем не говорят.

Мама перестала готовить, хотя раньше баловала нас вкусными вещами, отец приходит с работы не раньше десяти часов вечера. Знаешь, кажется, что мы не можем находиться дома, потому что там нет Энни. Осенью мама выходит на работу. Понимаешь, все как будто застыло после того, как она умерла. Это не только ее смерть, но и наша. Я терпеть не могу возвращаться домой. Там так темно и тяжело...

Я даже мимо ее комнаты пройти не могу — там совсем пусто.

Мэрибет молча слушала, вложив свою ладонь в его; оба они смотрели вдаль, на спокойную гладь озера.

— А когда ты думаешь о ней, ты чувствуешь, что она где-то рядом? — спросила Мэрибет, пытаясь разделить с ним его боль, будто она тоже знала эту ушедшую в небытие девочку.

Энни просто стояла у Мэрибет перед глазами — маленький ангел, которого Томми так любил. Да, она теперь могла понять, какую пустоту он испытывал, когда потерял ее.

— Иногда. Временами, по вечерам, я разговариваю с ней. Наверное, это глупо, но мне порой кажется, что она слышит меня.

Мэрибет кивнула. Она точно так же разговаривала в трудные минуты со своей умершей бабушкой, и это успокаивало ее.

— Я уверена, что Энни слышит тебя, Томми. Она не могла совсем покинуть тебя, раз вас связывала такая любовь, поверь мне. Может быть, она сейчас счастлива... может быть, некоторые люди и созданы

для того, чтобы сопровождать нас не всю жизнь, а только какой-то короткий промежуток... Может быть, они только проходят мимо нас... и заканчивают свои земные дела раньше, чем мы. Им не нужно годами стараться, чтобы чего-то достигнуть. Они остаются с нами только на некоторое время, как будто...

Мэрибет замялась, пытаясь найти единственно верные слова. Ей приходилось много размышлять над этим, особенно в последнее время.

— Знаешь, Томми, некоторые люди появляются в нашей жизни только для того, чтобы что-то дать нам — какой-то дар, знак судьбы, урок, который мы должны усвоить. Маленькая Энни научила тебя многому, я уверена... любви, умению дарить, заботиться о ком-то... и это был ее подарок тебе. А потом она покинула тебя, исполнив свое земное предназначение. Понимаешь? Может быть, ей просто не нужно было оставаться на этой земле дольше.

Энни отдала свой дар и стала свободной. Она была особенным человеком... и ее дар ты никогда не утратишь.

Томми кивнул, пытаясь воспринять неожиданную мудрость ее слов. То, что она говорила, было правильно и точно, но ему от этого не становилось легче. Однако разговор с Мэрибет заставил его по-новому взглянуть на многие вещи. Казалось, она действительно понимала, что ему пришлось пережить.

— Я бы хотел, чтобы сестренка не покинула нас так рано, — вздохнул он и с улыбкой добавил:

— Я бы хотел, чтобы она познакомилась с тобой. Она бы много чего поведала мне о том, нравишься ли ты мне, красивее ты других или нет и нравлюсь ли тебе я. Энни всегда высказывалась, когда ее не спрашивали. Очень часто она меня просто из себя выводила своими суждениями.

Мэрибет улыбнулась и пожалела о том, что никогда не увидит его сестру. Но ведь если бы Энни была жива, она вряд ли встретила бы Томми. Он явно не ходил бы в ресторан по три-четыре раза в неделю, а обедал бы дома, в кругу своей семьи.

— А что бы она сказала про нас? — улыбнулась Мэрибет.

Ей начинала нравиться эта игра. Сидеть на песке рядом с симпатичным и милым ей человеком было очень приятно.

За последние несколько месяцев она прекрасно усвоила, кому можно доверять, а кому нет, и поклялась, что больше никогда никому не поверит, но в глубине души она знала, что Томми Уиттейкер отличался от всех остальных.

— Она бы сказала, что ты классная девчонка и с тобой можно дружить, — ответил он с робкой усмешкой, и Мэрибет впервые заметила веснушки на крыльях его носа — маленькие и в солнечном свете казавшиеся почти золотыми. — И она была бы права. Пожалуй, в первый раз в жизни.

Энни немедленно бы почувствовала, как его тянет к Мэрибет. Это была самая красивая девушка из всех, кого он когда-либо встречал, и самая милая и внимательная.

— Я думаю, она бы очень тебя полюбила.

Он мягко улыбнулся и растянулся на песке, глядя на нее с нескрываемым восхищением.

— А ты? У тебя дома остался друг?

Теперь Томми решил расспросить о ее жизни, но Мэрибет явно колебалась с ответом.

Ей хотелось рассказать ему свою вымышленную историю про погибшего в Корее мужа, но она просто не смогла этого сделать. Мэрибет не могла ответить ложью на его искренность.

Она все объяснит ему позже — если в этом будет необходимость.

— Нет. Не совсем.

— То есть все-таки есть?

На этот раз она уверенно покачала головой.

— Я встречалась с парнем, который мне вроде бы нравился, но потом поняла, что это было ошибкой. К тому же он недавно женился.

Том выглядел заинтригованным. Надо же, у его новой знакомой за плечами такой жизненный опыт.

— А ты переживаешь, что он женился?

— Да нет, пожалуй.

Она переживала только о том, что Пол оставил ее с ребенком в животе. Ребенка она скрыть не могла — да и не хотела. Это ее очень волновало, но Томми она говорить об этом не стала.

— Кстати, сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответила Мэрибет, и затем они выяснили, что их дни рождения разделяют всего несколько недель.

Они были ровесниками, но жизнь у них складывалась по-разному. Томми, несмотря на разлад с родителями, все же был частью семьи, у него был дом, и осенью он возвращался в школу.

У нее же ничего этого не было, и через неполных пять месяцев она должна была родить ребенка, сына или дочь человека, который никогда ее не любил. О, как это было страшно!

Через некоторое время Томми вошел в воду и забросил удочку. Пока он рыбачил, она тоже внимательно смотрела на поплавок, но клева не было, и вскоре Томми это надоело, он отнес снасти обратно на берег и кинулся в воду.

Мэрибет не стала к нему присоединяться.

Она ждала его, сидя на песке, и он, выйдя из воды, спросил ее, почему она не хочет поплавать. Был жаркий день, и в воде было очень хорошо. Ах, Мэрибет с удовольствием искупалась бы вместе с ним, но ей не хотелось, чтобы Томми увидел ее увеличившийся живот. Сняв джинсы, чтобы зайти в воду, она так и осталась в отцовской рубашке.

— Ты что, плавать не умеешь? — удивленно спросил Томми. — Умею, просто сегодня не хочу. Мне всегда как-то страшновато купаться в озерах — никогда не знаешь, на что наткнешься в воде. — Ее объяснение звучало не слишком убедительно.

— Ерунда какая. Иди сюда! Здесь даже рыбы нет, ты же видела, что я ничего не поймал! — воскликнул Томми.

— В следующий раз, — ответила Мэрибет, рисуя пальцем узоры на песке.

Усевшись в тени огромного дерева и уплетая ленч, они разговорились о своих семьях и детских впечатлениях. Мэрибет рассказала ему о Райане и Ноэль и о своем отце, который считал, что мальчикам можно все, а девочки должны только выходить замуж и рожать детей.

Она поведала ему о своем желании добиться в жизни как можно большего — стать учителем, адвокатом или писателем, а не просто превратиться в домохозяйку, погрязшую в воспитании детей и домашних делах сразу же после окончания школы.

— Ты рассуждаешь совсем как моя мама, — улыбнулся Томми. — После того как она окончила школу, она заставила моего отца ждать шесть лет. Моя мама поступила в колледж, получила ученую степень и целых два года преподавала, и только после этого они поженились.

Меня она родила только через семь лет, а Энни — еще через десять. Похоже, им это непросто далось. Но к образованию мама относится очень серьезно. Она говорит, что самое ценное в жизни — это ум и образование.

— Если бы и моя мама так думала, — со вздохом сказала Мэрибет. — Она делает все так, как велит ей папа. Она считает, что в колледже девочкам делать нечего. Родители не хотят, чтобы я туда поступала. Райану они бы, наверное, разрешили, если бы он захотел, но он, по-моему, только о том и мечтает, чтобы всю жизнь работать вместе с отцом. Если бы не плоскостопие, он бы отправился в Корею.

Папа говорит, что он хороший механик. Знаешь, — она пыталась объяснить ему то, о чем никогда еще ни с кем не говорила, — я всегда чувствовала, что отличаюсь от них. Мне всегда хотелось того, что остальных членов моей семьи совершенно не интересует. Я хочу ходить в школу, я хочу многому научиться, я хочу стать эрудированной и образованной. Понимаешь, я не собираюсь всю жизнь заниматься хозяйством и рожать детей от какого-нибудь парня, пусть даже очень хорошего. Я не хочу быть пустым местом. Правда, меня все считают фантазеркой.

Томми разделял ее мечты, она это чувствовала. Он воспитывался в семье, в которой и она хотела бы вырасти. Ей казалось, что она родилась не там, и вся жизнь ее до этого момента была полна каких-то недоразумений.

— Моя сестра, наверное, в конце концов станет такой, какой хотят ее видеть родители, — продолжила Мэрибет после паузы. — Она пытается с ними спорить, но вообще-то она послушная. Ей всего тринадцать, но она уже помешана на мальчиках...

С другой стороны, это же не Ноэль забеременела от Пола Брауна, переспав в первую же встречу, даже не испытывая к нему любви.

Мэрибет чувствовала, что не вправе так говорить о младшей сестре.

— Знаешь, тебе надо познакомиться с моей мамой. Я думаю, она тебе понравится, Мэрибет.

— Наверное, — откликнулась она, но потом посмотрела на него с любопытством. — Как ты считаешь, а я ей понравлюсь? Матери обычно очень подозрительно относятся к девочкам, за которыми ухаживают их сыновья.

Особенно к ней... уже через месяц. Нет, с миссис Уиттейкер ей знакомиться не следует.

Уже через пару недель она не сможет скрывать свой живот и даже с Томми встречаться перестанет.

Мэрибет еще не решила, что она скажет ему, хотя понимала, что ей придется сделать это в самом скором времени — ведь он всегда может увидеть ее в ресторане. Придется рассказать ему историю про погибшего в Корее мужа — несмотря на то, что теперь это прозвучит совсем глупо.

Мэрибет хотела бы признаться ему во всем, но не могла. Случившееся с ней было слишком ужасно, слишком безответственно и слишком шокирующе для каждого, кто узнал бы об этом. Она была уверена в том, что после этого он и видеть ее не захочет.

Что ж, придется прервать отношения с Томми через несколько недель, соврав, что она встречается с кем-то еще. А потом он вернется в школу, будет заниматься и влюбится там в кого-нибудь — в хорошую девочку, которую можно спокойно привести в дом и представить родителям...

— Эй, о чем ты там думаешь? — прервал Томми ее размышления. Мысли Мэрибет были за миллионы миль от этого места. — Ты такая грустная, Мэрибет. Что-то не так?

Томми понимал, что ее что-то беспокоит, в душе у нее не все в порядке, но он не знал, как выяснить, в чем же дело, — ведь знакомы они были так недолго. Но все равно он бы очень хотел помочь ей.

В первый раз за много месяцев его боль, связанная со смертью Энни, немного утихла благодаря этой рыжеволосой девушке, и теперь он хотел отблагодарить ее за это.

— Нет... похоже, я просто размечталась.

Ничего особенного.

Просто растущий как на дрожжах ребенок в животе, а так все хорошо.

— Пошли прогуляемся?

Они шли по берегу, то балансируя на камнях, то бредя по колено в воде, то пересекая песчаные пляжи. Это было небольшое и очень живописное озеро, и на обратном пути к машине он предложил ей пробежаться наперегонки по песку, однако она не смогла угнаться за ним своими длинными красивыми ногами.

В конце концов они вместе повалились на землю, задыхаясь, хохоча и глядя в голубое небо.

— А ты неплохая спортсменка, — заявил Томми, и она рассмеялась в ответ.

Ей было рядом с ним легко и просто, она воспринимала его как брата или старого доброго друга.

— Я бы тебя догнала, если бы не споткнулась о камень.

— Да ничего ты не споткнулась! Ты от меня отстала на целую милю.

— Ну да, а ты побежал раньше меня... Это нечестно!

Мэрибет звонко смеялась, и лица их были совсем рядом. Томми смотрел на нее, приходя в восторг от каждого ее движения, замирал от звука ее голоса.

— Ничего подобного! — защищался он, отчаянно желая поцеловать ее.

— Нет, нечестно! Ну ничего, в следующий раз я тебя обгоню...

Ему так нравилось поддразнивать ее, лежа рядышком на теплом песке. Томми часто задумывался над тем, что такое близость с женщиной. О, как бы он хотел это узнать... вместе с Мэрибет... но она была столь женственной и столь невинной одновременно, что он просто боялся дотронуться до нее.

Вместо этого он перевернулся и лег на живот, чтобы она не заметила, как сильно нравится ему и как он возбужден.

Мэрибет лежала рядом с ним на спине и внезапно почувствовала что-то странное. Это было ни с чем не сравнимое ощущение, нечто, чего она никогда не испытывала, — как будто внутри ее вдруг раскрыла крылья бабочка.

Ощущение было совершенно незнакомым, но внезапно ее осенило: это ребенок — ее ребенок — подавал первые признаки жизни...

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил Томми, потому что взгляд ее на мгновение изменился — как будто ее что-то удивило, а потом до смерти испугало.

— Ничего, — тихо ответила она, пораженная значимостью события, которое только что произошло здесь, на этом песчаном пляже.

Она словно упала с небес на землю, вспомнив, насколько реален ее ребенок. Он живет своей жизнью, и время стремительно бежит вперед, хочет она этого или нет.

Мэрибет уже думала о том, что ей пора отправиться к врачу и выяснить, все ли у нее в порядке, но она никого тут не знала, и, хотя у нее складывались хорошие отношения с Джулией, Мэрибет пока не находила в себе силы, чтобы сказать ей о своей беременности и попросить совета.

— Иногда мне кажется, что ты где-то очень далеко, — сказал Томми.

«О чем она думает в такие минуты? О, как бы мне хотелось знать о ней все».

— Я просто думаю о своих родителях... или о сестре.

— Ты общаешься с ними?

Мэрибет окружали какие-то тайны, недоговоренности, и это было так ново и интересно.

— Я пишу им письма, — сказала Мэрибет. — Так лучше. Если я звоню, мой отец просто свирепеет от звука моего голоса и начинает орать.

— Наверное, ты его очень рассердила, — сочувственно вздохнул Томми.

— Это долгая история. Когда-нибудь я расскажу тебе, может быть, в следующий раз.

Если он будет, этот следующий раз.

— А когда у тебя теперь будет выходной?

Томми не терпелось еще куда-нибудь ее пригласить. Ему нравилось быть с ней рядом, вдыхать аромат ее волос, смотреть ей в глаза и чувствовать мягкость ее кожи, когда она случайно касалась его руки.

Он так быстро нашел с ней общий язык, у них было столько тем для разговоров! Он признавался себе, что Мэрибет нравится ему все больше и больше.

— В воскресенье днем у меня будет пара свободных часов. А потом только в среду.

— Пойдем в кино в воскресенье вечером? — с надеждой спросил он, и Мэрибет улыбнулась.

За ней еще никто так не ухаживал. Никто из ее одноклассников не проявлял к ней интереса, за исключением таких тюфяков, как Дэвид О'Коннор. Она ведь еще ни разу толком не ходила на свидания... даже с Полом. Это было ей в новинку, а потому очень интересно.

— С удовольствием.

— Тогда я заеду за тобой в ресторан, если тебе это удобно, — обрадовался Томми. — А в среду, если хочешь, снова приедем сюда или в какое-нибудь другое место.

— Мне здесь нравится, — со значением произнесла Мэрибет, оглядевшись вокруг, а затем посмотрев на Тома.

В шесть часов, когда солнце уже начало клониться к горизонту, они сели в машину и медленно поехали к городу. Томми хотелось пригласить ее пообедать, но он обещал матери вернуться домой к семи и помочь установить новый книжный шкаф. Кроме того, мама сказала, что она приготовит обед, а это бывало в их семье не так часто.

В двадцать минут седьмого он остановил машину у маленького домика, где жила Мэрибет. Она с сожалением вылезла из кабины — ей не хотелось расставаться с ним.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарила она. — Мне все очень понравилось.

Для нее это был самый счастливый день за последние несколько лет, а Томми уже успел стать самым лучшим ее другом. Не иначе как судьба смилостивилась и послала ей этого мальчика в самый тяжелый период ее жизни.

— И мне тоже, — с улыбкой ответил он, глядя прямо в ее зеленые глаза. Они словно светились изнутри, и Томми стоял напротив нее, как загипнотизированный, с трудом удерживаясь от того, чтобы не поцеловать ее. — Завтра я приду к вам обедать. Ты когда заканчиваешь работу?

— Не раньше полуночи, — грустно ответила она.

Если бы она была свободна и могла общаться с ним когда и сколько угодно, хотя бы до конца лета! Рано или поздно все изменится, но пока ей не хотелось об этом думать.

Правда, сегодня, почувствовав первое шевеление ребенка, она поняла, что дни ее безоблачной радости сочтены.

— Тогда я отвезу тебя домой после работы, — предложил Том.

«Родители ничего не скажут, — подумал он, — в конце концов, я же могу пойти на последний сеанс в кино».

— Хорошо.

Она улыбнулась и, стоя на ступеньках, долго махала рукой вслед отъезжающему фургону.

Весь обратный путь Томми широко улыбался. Он чувствовал себя самым счастливым на свете, и улыбка все еще играла на его губах, когда без пяти минут семь он открыл входную дверь своего дома.

— Что с тобой? Ты поймал на рыбалке кита? — улыбнулась ему накрывавшая на стол мама.

Она готовила ростбиф, любимое блюдо Джона, и у Томми возникло странное ощущение, что мама хочет показать отцу, что из кожи вон лезет, чтобы ему угодить.

— Нет, я ничего не поймал, просто было очень солнечно и хорошо... я даже искупался.

Дом был весь наполнен доносившимися с кухни ароматами. Мама сделала оладьи, картофельное пюре и сладкую кукурузу, которую так любила Энни.

Энни... Знакомый приступ боли при мысли о ней сегодня был не таким острым, как обычно. После разговора с Мэрибет ему стало легче. Если бы он мог поделиться с мамой! Но он не мог и знал это.

— А где папа?

— Он обещал прийти в шесть. Наверное, задерживается и сейчас придет. Я сказала, что обедать мы сядем позже.

Но Джон не пришел и через час.

Когда Лиз стала звонить ему на работу, там никто не брал трубку. Ростбиф был уже давно готов, долгожданный семейный обед был явно испорчен, и губы Лиз плотно сжались от ярости.

Без десяти девять они с Томми наконец сели за стол, а в девять появился Джон. Он был явно навеселе и пребывал в хорошем настроении.

— Ого, моя киска для разнообразия приготовила обед! Какая радость! — игриво воскликнул он, пошатнувшись при попытке поцеловать жену. — Почему это мы такие сердитые?

— Ты обещал прийти в шесть, — ледяным тоном ответила Лиз, — а я предупредила тебя, что обед будет готов в семь. Я просто подумала, что хватит нам всем питаться кое-как. Теперь я снова буду готовить.

Томми огорчился при этих ее словах; однако не стоило паниковать раньше времени. Было совершенно очевидно, что это всего лишь благие намерения, поэтому он решил пока не волноваться.

— Знаешь, я забыл. Ты так давно не готовила, что я просто забыл про этот обед. Больше такого не повторится, — заверил он.

Джон вел себя так, будто не чувствовал за собой никакой вины, пытаясь выглядеть более трезвым, чем был на самом деле.

Наконец он сел за стол. Глава семейства не так уж часто приходил пьяным, но в последние семь месяцев жизнь его была настолько унылой, что он никогда не отказывался выпить в любой компании, по любому поводу, а если такого случая не представлялось, то сидел у стойки бара в одиночестве.

Не произнося ни слова, Лиз поставила перед ним тарелку, и Джон удивленно поднял на жену глаза:

— Ты же знаешь, что я люблю немного недожаренное мясо!

Так же молча она убрала еду и выкинула ее в мусорное ведро, с грохотом поставив пустую тарелку в раковину.

— Не надо приходить в девять часов, если хочешь получить то, что ты любишь! Два часа назад оно было именно таким, как ты предпочитаешь, — произнесла она сквозь зубы.

Джон ошеломленно смотрел на нее:

— Прости, Лиз.

Она повернулась к мужу и посмотрела на него долгим взглядом, совершенно забыв о присутствии Томми.

Родители теперь всегда вели себя так, будто его не существует на свете, будто он умер вместе с Энни. Его потребности и желания никого больше не интересовали. Они так обезумели от горя, что были не в состоянии справиться с ним сами, а тем более помочь ему.

— По-моему, нам уже ничего теперь не важно, правда, Джон? Ничего. Ничего из тех маленьких радостей, которые мы когда-то так ценили. Мы на все плюнули.

— Мы не должны этого делать, — тихо произнес Томми.

Сегодня Мэрибет дала ему надежду, и теперь он хотел поделиться ею с родителями — хотя бы ею.

— Мы же продолжаем жить. Энни не обрадовалась бы, если бы увидела, что с нами происходит. Давайте хотя бы немного общаться, а? Не обязательно каждый вечер, хотя бы иногда.

— Скажи это своему отцу, — холодно отрезала Лиз, снова поворачиваясь к раковине с грязной посудой.

— Слишком поздно, сынок.

Отец тяжело поднялся, похлопал его по плечу и исчез в спальне.

Лиз покончила с посудой и затем, все с тем же отчужденным выражением лица, при помощи Томми собрала книжный шкаф для новых учебников. За все это время она не произнесла ни слова.

Когда шкаф был благополучно водворен на место, Лиз сдержанно поблагодарила сына и тоже ушла в спальню.

За последние семь месяцев все в ней переменялось — всегда отличавшие ее мягкость и теплота исчезли, уступив место каменной холодности, в глазах поселились отчаяние, боль и неизбывная печаль.

Томми было ясно, что ни один из родителей никогда не сможет внутренне смириться со смертью Энни.

Войдя в комнату, Лиз увидела, что Джон прямо в одежде спит поверх покрывала. Она долго стояла и смотрела на него, а потом тихо прикрыла за собой дверь.

Может быть, этот разлад между ними уже не имел значения. Несколько месяцев назад она была у врача, и он сказал, что больше детей у нее не будет. Так что можно было и не пытаться.

Когда она была беременна Энни, она и так многим рисковала — это чудо, что девочка родилась здоровой. А теперь, когда ей было уже сорок семь, учитывая то, с каким трудом дались ей в свое время дети, она могла вообще оставить всякую надежду. Врач ей так прямо и сказал.

Интимных отношений между ними уже давно не было. Он не прикасался к ней с той роковой ночи перед смертью Энни, когда они убедили друг друга в том, что у нее обыкновенная простуда.

Они оба продолжали корить себя, и одна мысль о том, чтобы заняться любовью, вызывала у супругов отвращение. Никакой любви, никакой близости, никакой заботы о ком бы то ни было, думала Лиз.

Она чувствовала, что после смерти Энни потеряла обоих своих мужчин — и Джона, и Томми, — и относилась к этому факту с полным равнодушием и апатией. Ее словно бы отрезало от самых близких ей людей, она как будто бы замерзла, но за этой ледяной маской пряталась ее боль.

Страдания Джона были гораздо более очевидными. Он не мог таить своих мучений. Его угнетала потеря не только любимой дочурки, но и жены, и сына. Ему некуда было пойти, некому поведать о своих чувствах, и не было человека, в чьем обществе он обрел бы душевный покой.

Наверное, он мог бы изменить своей жене, но ему мало было одного секса — Джону хотелось той душевной и физической близости, что была между ними раньше и что уже нельзя было вернуть никакими способами.

Лиз прошла в ванную, раздеваясь на ходу, и Джон пошевелился и что-то пробормотал.

Надев ночную рубашку, она растолкала мужа перед тем, как выключить свет.

— Переоденься в пижаму, — произнесла она таким тоном, каким разговаривают с неразумным ребенком или с незнакомым человеком.

Так могла бы сказать медсестра пациенту, а не женщина, которая когда-то его любила.

С минуту он сидел на краю кровати, пытаясь вспомнить, что с ним происходит, а затем посмотрел на нее снизу вверх.

— Прости меня за сегодняшнее, Лиз. Знаешь, у меня просто из головы вылетело. Наверное, я просто переволновался, представляя, что меня ждет. Вернуться домой к обеду, словно в прежние времена, начать все сначала... ну, в общем, ты понимаешь. Я не знаю. Я не хотел все испортить.

Однако он это сделал. Сама судьба все испортила. Энни нет, и ничто не вернет ее назад.

Они никогда больше ее не увидят. И никогда не смогут жить по-прежнему.

— Ничего, — неубедительно ответила Лиз. — В другой раз соберемся все вместе и пообедаем.

Ее слова звучали неискренне.

— Правда? Я бы очень этого хотел. Мне так не хватает твоих обедов.

В этом году они все похудели — эти чудовищные семь месяцев не прошли для них даром. Джон заметно постарел, Лиз выглядела изможденной и несчастной — особенно сейчас, после того как узнала, что детей у нее больше не будет.

Джон прошел в ванную и переоделся в пижаму. Он улегся в их общую постель, где когда-то они с женой получали друг от друга столько удовольствия.

Но сейчас она повернулась к нему спиной — холодная и чужая.

— Лиз, — позвал он в темноте, — ты простишь меня когда-нибудь?

— Мне нечего прощать. Ты ни в чем не виноват, — мертвым голосом ответила она.

Впрочем, они оба чувствовали себя мертвыми.

— Знаешь, если бы мы все-таки вызвали тогда врача... Если бы я не убедил тебя, что это всего лишь простуда...

— Доктор Стоун сказал, что это уже не имело значения, — откликнулась Лиз таким тоном, будто на самом деле не верила своим словам.

— Прости, — произнес Джон со слезами в голосе, кладя руку на плечо жены.

Она не пошевелилась, словно еще больше отдалившись от него после этого прикосновения.

— Прости меня, Лиз...

— И ты меня прости, — мягко ответила она, но так и не повернулась к нему.

Лиз никогда не смотрела на него в такие минуты. Она не видела, как он молча глотает слезы при свете луны, а он не знал, что и она тихонько плачет в подушку. Как будто они медленно тонули — каждый в своем океане.

Лежа в постели этим грустным вечером, Томми думал о своих родителях. Он понимал, что нет никакой надежды на хотя бы частичное возвращение к прошлой счастливой жизни. Слишком бесповоротна была произошедшая с ними перемена, слишком велика боль, слишком непреодолимо горе.

Он утратил не только сестру, но и свой дом, своих родителей. Единственное, что его как-то утешало, — это возможность видеть Мэрибет.

Он вспомнил ее длинные ноги и ярко-рыжие волосы, эту забавную мужскую рубашку, их бег наперегонки... он вспомнил тысячу разных приятных вещей и как-то незаметно уснул, и этой ночью ему приснилась Мэрибет.

Она шла по берегу лесного озера медленными шагами, ведя за руку малышку Энни.

Глава 5

В воскресенье Томми и Мэрибет посмотрели «Отсюда до вечности» с Бертом Ланкастером и Деборой Керр. Фильм понравился им обоим.

В кинотеатре Томми обнял свою спутницу за плечи и просидел так весь сеанс. Они ели поп-корн и карамельки, в грустных местах она всплакнула, и после фильма они оба пришли к выводу, что он просто потрясающий.

Он отвез ее домой, обсудив с ней планы на предстоящую среду. Мэрибет спросила его, как прошел семейный обед, — она не успела разузнать об этом, когда он приходил в ресторан.

— Да так себе, — печально ответил Томми, — а вернее, отвратительно. Папа забыл вовремя прийти домой. Он, наверное, завалился в какой-нибудь бар со своими сослуживцами.

Мама пережарила ростбиф, переволновалась из-за папы, а он вернулся пьяным. В общем, тот еще вечер.

Он невесело усмехнулся.

— Знаешь, Мэрибет, они в последнее время всех собак друг на друга спускают. По-моему, их все так раздражает, что иначе вести себя они просто не могут, но и помочь друг другу они не хотят.

Мэрибет сочувственно кивнула, садясь рядом с ним на ступеньки крыльца. Старая дама, сдававшая Мэрибет комнату, была рада видеть ее повеселевшей — девочка ей нравилась. Она все время говорила своей постоялице, что та слишком худа и должна лучше питаться. Мэрибет знала, что это не будет продолжаться долго — на самом деле она довольно сильно располнела.

Она уже начала активно набирать вес, но до сих пор ей удавалось скрывать это, хотя ее рабочий фартук обтягивал живот гораздо сильнее, чем в первые дни ее пребывания здесь.

— Ну ладно, что мы планируем на среду? — нарушил тишину Томми. — Опять махнем на озеро?

— С удовольствием. Давай только на этот раз я буду отвечать за ленч. Может быть, я даже что-нибудь приготовлю.

— Хорошо.

— Что ты любишь?

— Я съем все, что бы ты ни сделала.

Как объяснить ей, что ему просто хотелось быть с ней рядом? Здесь, на этих ступеньках, она сидела так близко к нему, что он просто с ума сходил; однако что-то удерживало его от того, чтобы нагнуться и поцеловать ее.

Мэрибет невероятно возбуждала его; от одного ее присутствия Томми начинал испытывать томительную боль, но преодолеть какой-то невидимый барьер между ними он не мог.

Мэрибет почувствовала, как он напряжен, но решила, что это из-за его семейных трудностей.

— Томми, надейся, что у вас дома все уладится. Может быть, это вопрос времени, — сказала она с искренним участием. — В конце концов, прошло только семь месяцев. Дай старикам шанс. Может, после того как твоя мама выйдет на работу, будет лучше.

— Или хуже, — обеспокоенно откликнулся он. — Она тогда вообще дома появляться не будет. Пока Энни была жива, мама работала по скользящему графику. Наверное, она считает, что ради меня не должна все время сидеть дома, и она права. Когда начнется учебный год, я буду приходить не раньше шести.

— А как ты думаешь, у них может быть еще ребенок? — заинтересованно спросила Мэрибет, не зная их возраста.

Но Томми отрицательно покачал головой.

Его тоже интересовал этот вопрос, но он не думал, что у них это получится.

— Ты знаешь, мама уже не в том возрасте.

Ей уже сорок семь, и, насколько я знаю, Энни ей далась непросто. И потом... я не думаю, что они хотят еще одного ребенка. По крайней мере они никогда об этом не говорят.

— Родители редко говорят с детьми на эти темы, — просто сказала она, и Томми смутился.

— Да, ты права.

Они окончательно договорились насчет среды, и Томми пообещал прийти в ресторан в понедельник или во вторник.

Джулия уже догадалась, что Мэрибет встречается с этим печальным мальчиком, и теперь все остальные официантки подтрунивали над ней — впрочем, вполне добродушно. Они были

рады тому, что новенькая подружилась с таким приятным молодым человеком.

Уже пожелав ей спокойной ночи, Томми никак не мог уйти. Он чувствовал себя неловко, что вообще-то случалось с ним редко. Ему казалось, что любое движение, которое он сейчас сделает, будет неверным.

Если он быстро уйдет, она подумает, что не нравится ему, если он дотронется до нее, она решит, что он наглец... Момент был щекотливым, но Томми так ничего и не предпринял.

Наконец Мэрибет тихонько закрыла за собой дверь. Поднимаясь по лестнице, она задумалась над тем, как скажет ему правду. А долго тянуть с признанием не стоило, Мэрибет хорошо понимала это.

Как она и предполагала, на следующий день он появился в ресторане в обычный час, а после того, как она закончила работу, снова зашел за ней, чтобы отвезти домой.

Во вторник они, не виделись, а в среду, перед тем как заехать за ней, Томми отправился на кладбище — к Энни.

Он приходил сюда время от времени, чтобы привести в порядок могилу, полить растущие там цветы и убрать с нее опавшие листья.

Томми делал всю эту нехитрую работу, не обременяя этим маму, которая не могла заставить себя прийти на кладбище, будто бы вид могилы поставил жирную точку на жизни ее малышки.

За работой Томми нередко разговаривал со своей сестрой, и в этот раз он рассказал ей про Мэрибет и про то, как она ему нравится.

Казалось, Энни сидит где-нибудь рядом, забравшись на дерево, смотрит на него сверху и внимательно слушает, как он рассказывает ей обо всем, что с ним произошло за последнее время.

— Знаешь, она такая необыкновенная...

Совсем не похожа на моих кривляк-одноклассниц... Она не умеет плавать, но бегает она здорово. Она бы тебе понравилась.

Том усмехнулся, подумав о Мэрибет и о своей сестренке. Если бы Энни доросла до шестнадцати лет, она была бы чем-то похожа на Мэрибет. Их обеих отличали искренность и прямота. И еще живой нрав и чувство юмора, Закончив работу, он вспомнил слова Мэрибет о людях, которые проходят через нашу жизнь только для того, чтобы принести нам какой-то особый дар. «Не все люди должны оставаться с нами всегда», — сказала она, и только сейчас он начал постепенно

понимать глубокий смысл этих слов. Может быть, Энни просто прошла через его жизнь... но если бы она осталась, если бы она не умерла...

Маленькая могилка в тени дерева была снова чистенькой и опрятной. В который раз сердце его болезненно сжалось, когда он бросил на нее прощальный взгляд и прочитал высеченное на небольшом камне имя, Энн Элизабет Уиттейкер. На камне был вырезан крошечный ягненок, при взгляде на которого Томми всякий раз не мог сдержать слез.

— Ну, пока, малыш, — прошептал он. — Я скоро вернусь... Я очень тебя люблю.

Томми все еще сильно скучал по сестренке, и он не смог скрыть от Мэрибет свою тихую печаль, когда она забралась к нему в машину.

— Что-то случилось? — в ее голосе чувствовались забота и беспокойство.

— Нет.

Он был растроган тем, что она заметила его состояние, и, хотя говорить на эту тему ему совсем не хотелось, ответил:

— Я приводил в порядок... могилу Энни.

Я иногда езжу на кладбище. По-моему, мама этим довольна, а мне это совсем не трудно и даже приятно... мама не может там бывать.

Он улыбнулся и посмотрел на свою подругу. Она снова была в просторной длинной рубаше, но на этот раз Мэрибет надела шорты.

— Знаешь, я рассказал ей о тебе. Мне кажется, она все слышит, — добавил Томми, снова ощутив, как уютно ему в обществе Мэрибет.

Он был рад поделиться с ней любым своим секретом — без всяких колебаний, без всякого стеснения. Она была совсем рядом, как часть его — как будто он уже сто лет ее знал.

— Энни мне недавно приснилась, — вдруг сказала Мэрибет, и он застыл, пораженный ее словами.

— И мне тоже. Мне приснилось, будто вы вдвоем идете по берегу озера. Мне было так хорошо, — откликнулся Томми, и Мэрибет кивнула.

— А мне она велела заботиться о тебе, и я пообещала ей, что я обязательно буду заботиться. Знаешь, это похоже на цепочку. Энни ушла, и вместо нее появилась я, и она попросила меня присмотреть за тобой. А после меня будет кто-то еще... и так будет продолжаться

всегда — вереница людей, которые проходят через нашу жизнь. Я думаю, что в тот раз я пыталась сказать тебе именно это. Ничто не вечно, но этот людской поток через твою жизнь никогда не прервется... как река. Скажи, это очень глупо звучит?

Она повернулась к нему, ожидая, что он рассмеется над ее дурацкими философствованиями, но Томми был серьезен. Они оба были слишком мудры для своих лет — и не без причин.

— Да нет, совсем не глупо. Мне только не очень нравятся слова про поток людей, которые приходят и уходят. Лучше было бы, если бы они оставались. Я бы хотел, чтобы Энни жила, и я не хочу никого после тебя, Мэрибет.

Что плохого в том, чтобы остаться в чьей-то жизни надолго?

— Мы не всегда можем оставаться, — серьезно ответила она, — рано или поздно приходится уходить. Как Энни. Понимаешь, не всегда есть возможность выбора.

У нее-то как раз такого выбора не было — она была связана со своим ребенком лишь на некоторое время. Когда-нибудь ей придется уехать, а ребенок будет жить какой-то своей, отдельной жизнью, с приемными родителями.

Поэтому-то ей и казалось, что в жизни нет ничего вечного.

— Мне это что-то не нравится, Мэрибет, — возразил Томми. — Всегда нужно остановиться в какой-то точке.

— Кто-то останавливается, кто-то идет дальше. Мы должны просто любить друг друга, пока можем, и учиться друг у друга, пока не настанет время расставаться.

— А мы? — спросил Томми слишком серьезно для шестнадцатилетнего мальчика. Но Мэрибет казалась ему взрослой и умудренной житейским опытом, он чувствовал это. — Ты считаешь, что мы должны чему-то друг друга научить?

— Может быть. Может быть, мы нужны друг другу именно сейчас, — мудро ответила она.

— Ты уже многому меня научила — про Энни, про то, что нужно уметь отпустить умершего, что я должен любить ее, где бы она сейчас ни была, и все время носить ее образ в своей душе.

— Ты тоже очень мне помог, — промолвила Мэрибет и внезапно замолчала.

«Снова она говорит загадками», — подумал он.

Когда они уже подъезжали к озеру, ребенок зашевелился снова. После первого раза это случилось уже не однажды, и она успела привыкнуть к знакомому и такому приятному ощущению. Ничего подобного она никогда не испытывала, и ей это нравилось.

Томми расстелил на песке подстилку, которую захватил из дома, и Мэрибет накрыла импровизированный стол. Она сделала сэндвичи с яичным салатом — его любимые, как оказалось, — испекла шоколадный торт и достала из багажника сумку с фруктами, бутылку молока, которое пила в последнее время довольно часто, и минеральную воду. Они оба были голодны и решили поесть прямо сейчас.

Потом они улеглись рядышком на подстилку и снова стали болтать — на этот раз о школе, о друзьях, о родителях и о том, чем бы им хотелось заниматься в жизни.

Томми сказал, что хотел бы повидать мир, но пока был с отцом только в Калифорнии и Флориде в деловой поездке. Она же никуда не ездила, но призналась в том, что ей хотелось бы посмотреть Нью-Йорк и Чикаго. Оба они мечтали побывать в Европе, но Мэрибет сомневалась в том, что когда-либо туда попадет.

У нее вряд ли появится возможность путешествовать, и даже ее переезд в этот городок стал для нее событием.

Они поговорили и о войне в Корее, и о тех их знакомых, которые там погибли. То, что всего через несколько лет после предыдущей войны Америка уже оказалась втянутой в следующую, и ей, и ему казалось дикостью.

Они оба помнили Перл-Харбор, хотя им было всего по четыре года. Отца Томми не призвали по возрасту, но отец Мэрибет воевал в Иводзиме. Мама страшно волновалась, но он вернулся домой целым и невредимым.

— А что ты будешь делать, если тебя призовут в армию? — спросила она.

— Сейчас? Или когда мне будет восемнадцать? — Томми, казалось, смутил ее вопрос.

Это было вполне возможно — ведь война в Корее могла и не закончиться через два года.

— Когда угодно. Ты пойдешь?

— Конечно. Как же иначе?

— А я бы не пошла, если бы была мужчиной. Я против того, чтобы на войне погибали люди, даже ради каких-то высоких идей, — твердо сказала Мэрибет, заставив его улыбнуться.

Иногда она была такая смешная. У нее, казалось, были сформировавшиеся взгляды на все на свете — подчас довольно забавные.

— Это потому, что ты девочка. У нас выбора нет.

— Выбор должен быть всегда. И рано или поздно ты перед ним встанешь. Квакеры, например, в армию не идут. Мне кажется, они умно поступают.

— Может быть, они просто боятся, — задумчиво произнес Томми, вспоминая все те представления, которые впитал с молоком матери.

Но Мэрибет не хотела соглашаться с ним.

Она ничего не принимала на веру до тех пор, пока не убеждалась в правоте того или иного суждения.

— Я не думаю, что они боятся. Мне кажется, они просто искренни перед самими собой и перед своей верой. Я бы отказалась идти в армию, если бы была мужчиной, — упрямо сказала Мэрибет. — Война — это кровавая бойня.

— Нет, ты бы не отказалась, — усмехнулся Томми. — Ты бы воевала, как все остальные.

Тебе бы пришлось это делать.

— Может быть, в один прекрасный день люди не будут делать то, что им «приходится» делать. Они будут спрашивать себя, разумно ли это, а не просто выполнять то, что им скажут.

— Что-то я сомневаюсь в этом, — возразил Томми. — Тогда наступит хаос. Почему кто-то должен идти в армию, а кто-то — нет? Что они будут делать? Бежать? Скрываться? Это невозможно, Мэрибет. Оставь войну мужчинам. Они знают, на что идут.

— В том-то все и дело. Я не думаю, что они это знают. Они просто начинают новые войны от скуки. Мы только что выбрались из мировой войны и снова полезли в эту кашу, — осуждающим тоном сказала она, и Томми рассмеялся над ее горячностью.

— Тебе надо баллотироваться в президенты, — поддразнил ее он.

Честно говоря, он уважал ее свободу мысли и ее способность отстаивать собственное мнение. В ней была какая-то особая храбрость.

Потом они решили пойти прогуляться, и на обратном пути он спросил ее, не хочет ли она искупаться. Но Мэрибет снова попробовала уклониться, заставив его ломать голову над тем, почему она так не хочет к нему присоединиться.

В середине озера был плот, и Томми хотелось доплыть до него вместе с нею, но она отказалась наотрез.

— Слушай, скажи мне правду, — наконец сдался он. — Ты боишься воды? В этом нет ничего стыдного. Скажи мне.

— Да нет. Я просто не хочу плавать.

Мэрибет хорошо умела плавать, но снять отцовскую рубашку не могла.

— Тогда иди в воду.

Было очень жарко, и Мэрибет с удовольствием бы искупалась, но она прекрасно понимала, что не может этого сделать. Сейчас у нее была ровно середина срока — четыре с половиной месяца.

— Войди в воду, и все. Здесь очень хорошо, — искушал ее Томми, и она в конце концов ступила на мелководье.

Они брели по колено в воде довольно долго, пока она не почувствовала, что стоит на краю песчаной ямы.

Томми оттолкнулся и поплыл по направлению к плоту, а затем обратно, делая широкие и уверенные гребки. У него были длинные и сильные руки и ноги, и он прекрасно плавал.

Через минуту он уже снова стоял рядом с ней.

— Ты здорово плаваешь, — с искренним восхищением произнесла Мэрибет.

— В прошлом году я был в школьной команде, но капитан оказался форменным сопляком. Больше я в эту команду не вернусь.

Они побрели обратно к берегу, и он разглядывал ее с озорным любопытством, брызгая на нее водой.

— Знаешь, ты настоящая трусиха. Ты, наверное, плаваешь не хуже меня.

— Нет, — ответила Мэрибет, пытаясь уклониться от брызг.

Но Томми разошелся, и она не могла отказать себе в удовольствии обрызгать и его. Через секунду они уже бегали друг за другом, как дети, поднимая невероятный шум.

Она вся промокла, неожиданно потеряла равновесие и плюхнулась в воду. Растерянно посмотрев на Томми, Мэрибет вдруг

поняла, что не сможет выйти из воды так, чтобы он не заметил ее выросшего живота. Спасти ситуацию было невозможно, и ей не оставалось ничего другого, как повалить его в воду рядом с собой.

Потом она быстро поплыла прочь от него, но Томми догнал ее, и над озером снова раздался смех и полетели брызги.

К плоту Мэрибет не поплыла, но купалась довольно долго, пытаясь придумать, как бы ей выбраться из воды, чтобы он ничего не заметил. Впрочем, она понимала, что это ей вряд ли удастся.

В конце концов она сказала Томми, что замерзла, хотя это было не правдой, и попросила принести полотенце. Он слегка удивился — вода была теплая, и солнце пекло всюду, — но послушно выполнил ее просьбу и вскоре снова стоял рядом, протягивая ей полотенце.

Но Мэрибет почему-то не выходила из воды. Она хотела попросить его отвернуться, но не осмеливалась. Время шло, ситуация становилась все нелепее.

— Что-нибудь случилось?

Мэрибет не знала, что ответить ему, и в конце концов неохотно кивнула. Она еще не придумала, что ему скажет, и не хотела ничего объяснять. Но сейчас она оказалась в ловушке.

— Я могу помочь тебе? — продолжал допытываться Томми.

— Да нет.

— Слушай, выйди из воды, Мэрибет. Что бы там у тебя ни случилось, мы это поправим.

Давай я тебе помогу.

Он протянул ей руку, и неизвестно почему слезы выступили у нее на глазах. Томми без особого труда поднял ее.

Мэрибет не сопротивлялась и стояла перед ним плача, а он никак не мог понять, в чем дело. Он завернул ее в полотенце, и только тогда его взгляд упал на ее выпирающий живот, на это безмолвное объяснение всего, на небольшую округлую выпуклость на ее безупречном теле.

Томми сразу же вспомнил, как выглядела его мать, когда ждала Энни, и понял все. На стройной фигуре Мэрибет беременность была особенно заметна. Томми был поражен. Он так растерялся, что не мог произнести ни слова.

— Я не хотела, чтобы ты знал, — всхлипывая, сказала она. — Я не хотела тебе говорить.

Неподвижные, они стояли по колени в воде. Он выглядел так, будто только что узнал ошеломляющую новость, а она совершенно помертвела.

— Пойдем, — тихо промолвил Томми, обнимая ее за плечи, — пойдем сядем.

Они медленно дошли до берега и уселись на расстеленном полотенце. Мэрибет наконец сняла рубашку, носить которую было уже бессмысленно, и осталась в купальнике и в шортах. Ее тайна была открыта, скрывать больше было нечего.

— Как это произошло? — наконец спросил он, изо всех сил стараясь не смотреть на ее выпирающий живот, который, однако, неодолимо притягивал его взгляд.

Мэрибет печально улыбнулась:

— Обычным способом, хотя, признаюсь, я об этом мало знаю.

— У тебя был друг? Или у тебя есть друг? — поправился Томми, чувствуя, как сжимается его сердце, но она отрицательно покачала головой и надолго замолчала.

— Ни то, ни другое. Знаешь, я на самом деле совершила ужасную глупость. — Она решила ничего не скрывать от него. — Это произошло всего один раз. С человеком, которого я почти не знала. Я даже не встречалась с ним.

Он просто пошел провожать меня с танцев, когда мой кавалер напился. Он... понимаешь, он — звезда школьной команды, кумир старшеклассников. Я была польщена тем, что он обратил на меня внимание, заговорил со мной, а он оказался гораздо более приятным, чем я ожидала. Он устроил мне прекрасный вечер, познакомил со своими друзьями в кафе, и мне все это очень понравилось, а на обратном пути он остановил машину где-то в парке. Я в общем-то уже собиралась домой, но и шум из-за этой прогулки не хотела поднимать. Он дал мне глоток джина, и...

Она бросила взгляд на живот.

— Об остальном ты можешь догадаться. Он сказал, что я в первый раз вряд ли забеременею. Потом оказалось, что он только что поссорился со своей девочкой, в понедельник они помирились, а я осталась с носом. Хуже того — я сломала всю свою жизнь из-за парня, которого толком даже не знала, которому на меня было совершенно наплевать. Через некоторое время я поняла, что со мной произошло, а

он к этому моменту был уже обручен. Они поженились сразу после школьного выпускного бала.

— Ты сказала ему?

— Да. Он сказал, что хочет жениться на своей подружке и что она с ума сойдет, если узнает. Мне не хотелось портить ему жизнь... да и себе самой тоже. Я даже родителям не стала говорить, кто отец ребенка, потому что папа заставил бы его жениться на мне, а я не хочу выходить замуж за человека, который меня совсем не любит. Мне только шестнадцать, и моя жизнь была бы кончена. С другой стороны, — продолжила Мэрибет с унылым вздохом, — она и так кончена. Это был не самый лучший поступок, прямо скажем.

— А что сказали твои родители? — спросил Томми, ошеломленный ее рассказом, бесчувственностью Пола и тем, что она так решительно и мужественно вела себя в такой трудной ситуации.

— Папа велел мне убраться из дома. Он отвез меня в монастырь Сестер Милосердия, и я должна была там оставаться до самых родов.

Но я поняла, что долго там не выдержу. Уже через несколько недель я почувствовала, что лучше умереть, и тогда я села на автобус и приехала сюда. У меня был билет до Чикаго, потому что я рассчитывала найти там работу, но здесь мы остановились пообедать, и я увидела объявление в окне «Джимми Ди», что им требуются официантки. Меня приняли на работу, я забрала чемодан из автобуса, и все.

Она выглядела очень ранимой, такой юной и такой красивой. При взгляде на нее Томми переполняли нежность и восхищение.

— Папа говорит, что я могу вернуться домой после Рождества, то есть после родов. Тогда я снова пойду в школу, — сказала она слабым голосом, не в силах скрыть своего уныния.

— А что ты собираешься делать с ребенком? — спросил Томми, все еще пораженный тем, что с ней произошло.

— Отдам его... на усыновление. Я хочу найти хороших людей, которые бы его взяли.

Я сама не смогу его содержать. Мне только шестнадцать, и я не в состоянии вырастить ребенка... Мне нечего ему дать, и я не знаю, что с ним делать. Я хочу учиться в колледже, но если я оставлю ребенка, я буду связана навеки... и более того, я не смогу дать ему достойную жизнь. Надеюсь, что я найду семью, которая примет его с любовью.

Монахини обещали мне подыскать приемных родителей, но для этого мне надо было бы туда вернуться...

А здесь я пока еще ничего не предпринимала.

Этот разговор давался Мэрибет нелегко, но в то же время приносил облегчение. Наконец-то она может не таиться и ничего не скрывать.

— А ты уверена, что не хочешь оставить его?

Он не мог представить себе, как можно отказаться от собственного ребенка. Даже для него, в его возрасте, это звучало ужасно.

— Не знаю.

Она почувствовала, как ребенок зашевелился внутри ее при этих словах, словно бы поднимая голос в свою защиту.

— Я просто не представляю себе, как смогу его растить. Родители не будут мне помогать.

Я не смогу зарабатывать, чтобы его прокормить... и это будет несправедливо по отношению к нему. И потом, я не хочу сейчас иметь ребенка. Это ужасно, правда?

Готовая снова заплакать, Мэрибет посмотрела на него в отчаянии. Ее признание в том, что она не хочет ребенка, было чудовищным, но это была правда. Она не любила Пола и не хотела растить его дитя и отвечать за чужую жизнь.

Она едва могла содержать себя, не говоря уже о маленьком ребенке. Ведь ей было только шестнадцать.

— Ну и дела, Мэрибет. Просто не знаешь, с какой стороны к этому подойти.

Томми придвинулся к ней ближе и снова обнял ее за плечи.

— Почему ты до сих пор молчала? Ты могла бы сказать мне.

— Да, конечно... — Она с вызовом посмотрела на него. — Привет, меня зовут Мэрибет, я случайно переспала с парнем, который женился на другой, и мои родители выгнали меня из дома, не пригласите ли вы меня пообедать?

Он рассмеялся, и Мэрибет тоже улыбнулась сквозь слезы, но уже через минуту ее вновь душили рыдания. Ужас, стыд и внезапное облегчение от того, что все раскрылось, смешались; она плакала в его объятиях, и силы ее, казалось, иссякали.

Томми нежно обнимал ее, переполняясь жалостью к ней и к ребенку.

— Когда он родится? — спросил он, когда Мэрибет немного успокоилась.

— В конце декабря.

Всего через четыре месяца. Они оба знали, как быстро пролетит это время.

— А здесь ты ходила к врачу?

— Я никого тут не знаю, — покачала головой Мэрибет. — Я не хотела никому говорить в ресторане, потому что Джимми может выгнать меня — зачем ему пузатая официантка?

Я наврала им, что мой муж погиб в Корее, поэтому никто особо не удивится, когда увидит мой живот.

— Здорово ты это придумала, — несколько удивленно сказал Томми, а потом неожиданно добавил:

— А ты его любила? Отца ребенка, я имею в виду?

Для него это имело большое значение, и он с облегчением вздохнул, когда Мэрибет отрицательно покачала головой.

— Я была польщена тем, что он обратил на меня внимание. Вот и все. Я просто совершила чудовищную глупость. По правде говоря, он вел себя по-свински. Его волновало только одно — чтобы его любимая Дебби об этом не узнала. Он советовал мне избавиться от ребенка. Я не знаю, как это делается, но думаю, что врач просто вырезает плод. Мне никто толком об этом не рассказал, но все говорят, что это очень опасно и дорого. Некоторые женщины даже умирают...

Томми смотрел на нее печальным взглядом. Ему тоже приходилось слышать кое-что об абортах, но о сути этой процедуры он знал не больше ее.

— Слава Богу, что ты этого не сделала.

— Почему?

Его слова удивили Мэрибет. Ему-то какая разница? Если бы она не была беременна, все было бы намного проще.

— Потому что я не думаю, что для тебя это было бы хорошо. Может быть, это будет... как Энни, в общем, наверное, так нужно, чтобы ты родила.

— Не знаю. Я много об этом думала. Я пыталась понять, почему это со мной произошло, но ничего не понимаю. Это просто жуткое

невезение. С первого раза, ты только подумай!

Он неуверенно кивнул. Его познания в области секса были такими же отрывочными, как и у нее, может быть, даже еще в большей степени. И, в отличие от Мэрибет, он никогда этим не занимался.

Томми посмотрел на нее странным взглядом, и она поняла, что он безумно хочет спросить ее о чем-то важном.

— Что такое, Томми? Спрашивай о чем угодно, я отвечу...

Она чувствовала, что теперь они подружились навеки и между ними не должно быть никаких тайн. Томми теперь стал частью ее жизни — отныне и навсегда.

— А как это было? — наконец выдавил он, покраснев до корней волос и до смерти смущенный.

Но ее этот вопрос не ужаснул. Ее теперь вряд ли могло ужаснуть что бы то ни было.

Томми стал ей братом, лучшим другом или даже чем-то большим.

— Это было приятно?

— Нет. Для меня, во всяком случае, нет.

Для него, наверное, приятно. Но мне кажется, что все могло быть по-другому... я чувствовала нечто вроде головокружения. Знаешь, ты в эти минуты не способен думать, принимать правильные решения, искать смысл в своих поступках. Как будто въезжаешь в туннель в экспрессе. А может быть, это был джин... не знаю, но с любимым человеком это, наверное, просто потрясающе. Я не хочу это повторять.

В ближайшее время по крайней мере или пока не найду этого любимого человека.

Томми заинтригованно кивнул. Он в общем-то ожидал, что она ответит на его вопрос, но все равно восхищался ее смелостью. И в то же время ему было обидно, что у нее за плечами уже был такой опыт, а у него нет.

— Но самое грустное, что все это оказалось ни к чему. И теперь я жду ребенка, которого никто не хочет иметь — ни его отец, ни я.

— Может быть, когда ты его увидишь, ты передумаешь, — рассеянно сказал Томми, вспомнив, как потеплело у него на сердце, когда мама вернулась из роддома с крошечной Энни на руках.

— Я даже не уверена, что увижу его, — печально произнесла Мэрибет. — Те девочки, которые при мне родили в монастыре, уехали,

так и не увидев своих детей. Монахини забрали их сразу же после появления на свет, и все.

Это ужасно странно — носишь его в себе девять месяцев, а потом... но еще более странно будет оставить его. Это же не на один день, а навсегда. Разве я могу вырастить его? Разве я могу быть ему хорошей матерью? Я не думаю.

Знаешь, иногда мне кажется, что я какая-то не правильная. Почему я не хочу воспитывать своего ребенка? А если я, как ты говоришь, передумаю, когда его увижу, что я буду делать?

На что я буду содержать его? Томми, я не знаю, что делать...

Ее глаза в который раз наполнились слезами, и Томми снова привлек ее к себе и, больше не колеблясь, поцеловал.

В этом поцелуе было все — восхищение, нежность, сочувствие и огромная любовь, теплой волной поднимавшаяся в его сердце. Это был настоящий поцелуй мужчины и женщины — первый для них обоих и потому незабываемый. Страсть проснулась в их телах, требуя дальнейшего продолжения, но юные влюбленные сдержали этот порыв.

— Я люблю тебя, — прошептал Томми, касаясь губами ее волос.

Ему вдруг страстно захотелось, чтобы это был его ребенок, а не сын или дочь какого-то парня, к которому Мэрибет ничего не испытывала.

— Я очень тебя люблю... я тебя не оставлю, я помогу тебе.

Для шестнадцатилетнего мальчика это были очень смелые заявления. Но за время, прошедшее после смерти Энни, он стал взрослым человеком.

— Я тоже тебя люблю, — еле слышно призналась она, вытирая слезы тем самым злосчастным полотенцем.

Единственное, чего ей не хотелось, — эта перекладывать на него свои проблемы.

— Ты обязательно должна сходить к врачу, — сказал он отеческим тоном. — Ив ближайшее время.

— Зачем? — удивилась Мэрибет: иногда, несмотря на то, через что ей пришлось пройти, она выглядела совсем девочкой.

— Ты должна убедиться в том, что с ребенком все в порядке. Когда моя мама была беременна Энни, она постоянно ходила к врачу.

— Да, но она была старше меня.

— Все равно тебе нужно сходить, — ответил он и задумался. — Хочешь, я узнаю адрес и имя маминого гинеколога и попробую устроить так, чтобы он принял тебя.

Томми был доволен своей идеей, но Мэрибет сразу же запротестовала:

— Ты с ума сошел. Врач подумает, что это твой ребенок, и скажет твоей маме. Я не могу пойти к врачу, Томми.

— Что-нибудь придумаем, не волнуйся, — заверил он. — Может быть, доктор поможет найти для ребенка приемных родителей. Мне кажется, врачи это делают. Он же должен знать людей, которые хотят иметь детей, но не могут. По-моему, до рождения Энни родители подумывали о том, чтобы усыновить ребенка, а потом им просто не пришлось этого делать.

Ладно, я узнаю его имя и запишу тебя на прием.

Так Томми разделил с ней это тяжелое бремя, осмелившись совершить то, что никто из близких Мэрибет людей сделать не мог.

Он снова поцеловал ее долгим и страстным поцелуем, а потом осторожно положил руку на округлившийся живот Мэрибет.

Ребенок шевельнулся, и она спросила, чувствует ли он это. Томми напряженно замер, а потом с улыбкой кивнул. Эти легкие движения создавали впечатление, что живот его подруги живет какой-то своей, никому не понятной жизнью.

Чуть позже они снова пошли купаться, и на этот раз Мэрибет доплыла с ним до плота. Она немного устала, и потом они долго лежали на теплом песке и тихо разговаривали о будущем.

Теперь, когда Томми принимал участие в ее судьбе, оно не казалось ей таким пугающим, хотя ситуация все еще тревожила ее. Если Мэрибет решится оставить ребенка, она вынуждена будет нести это бремя до конца своей жизни. Если она откажется, она, возможно, будет вечно сожалеть об этом. Сделать правильный выбор было ужасно трудно, хотя ее не оставляло ощущение того, что и для ребенка, и для нее самой будет лучше, если она найдет ему хороших приемных родителей.

В один прекрасный день она родит другое дитя, и, несмотря на то, что она будет всегда жалеть об этом ребенке, сейчас, в этот период и в этих обстоятельствах, становиться матерью было нельзя.

Они долго целовались, крепко прижавшись друг к другу, но не пытались идти дальше.

Когда они вернулись к ней домой, чтобы Мэрибет переоделась к обеду, оба были в умиротворенном состоянии.

Этим днем их отношения изменились. Теперь они как будто бы принадлежали друг другу. Мэрибет поделилась с ним своей тайной, и он теперь был готов разделить с ней нелегкое бремя. Она знала, что он ее не оставит.

Они были нужны друг другу в равной степени — как будто между ними было заключено молчаливое соглашение, как будто их связала прочная нить, которая никогда не порвется.

— До завтра, — сказал Томми, прощаясь с ней у дверей ее дома в одиннадцать часов вечера.

Ему казалось, что теперь он не может без нее жить — ему надо было все время знать, что у нее все хорошо.

На следующий день он собирался завезти Мэрибет домой из ресторана после окончания работы, хотя он и обещал маме прийти к обеду.

— Береги себя, Мэрибет, — улыбнулся он, и она, улыбнувшись в ответ, помахала ему рукой и тихонько прикрыла за собой дверь.

Ложась спать, она подумала о том, как ей повезло, что она встретила Томми. Он стал ей другом, каких она никогда не имела, братом, каким Райан никогда не был, возлюбленным, каким Пол просто не мог стать. Он стал для нее всем.

И в эту ночь ей снова приснилась маленькая Энни.

Глава 6

На этой неделе Томми приходил в ресторан каждый день. Вечером он отвозил ее домой, а в воскресенье они снова пошли в кинотеатр и очень хорошо провели время.

Но когда у Мэрибет наступил очередной свободный день, он повез ее не на озеро, а туда, где ей уже давно пора было побывать. Он украдкой вытащил у матери из сумочки ее телефонную книжку и аккуратно переписал имя и адрес врача.

Уже много лет, после смерти старого доктора Томпсона, Лиз ходила к акушеру-гинекологу Эвери Маклину, который принимал обоих ее детей. Это был седовласый джентльмен средних лет, но его врачебные принципы и методы были гораздо современнее его манер. Он был изысканно вежлив и чересчур официален, однако знал толк в самых последних достижениях медицины.

Томми прекрасно было известно, как ценила врача его мама. И кроме того, он считал, что Мэрибет должна обязательно посетить врача.

Он записал ее на прием под именем миссис Робертсон и по телефону изо всех сил пытался подражать голосу своего отца, держа трубку в дрожащих руках, но говоря уверенным басом.

Сам он в ответ на вопрос регистраторши назвался мистером Робертсоном, сказав, что они только что, сразу после свадьбы, переехали в Гриннелл и его жена нуждается в консультации. Похоже, медсестра ему поверила.

— Но что я скажу ему? — в ужасе спросила его Мэрибет.

— Он и так все поймет, только взглянув на тебя. Зачем тебе что-то объяснять?

Томми пытался говорить уверенным и знающим тоном. Ему, по большому счету, мало что было известно о том, как протекает беременность. Он только помнил, как его мама ходила шесть лет назад в просторной одежде, много ела и часто отдыхала у себя в спальне; кроме того, совсем недавно по телевизору показывали фильм «Я люблю Люси», героиня которого в очередной серии объявила, что ждет ребенка.

— Что я скажу ему... об отце ребенка? — с беспокойством повторила Мэрибет.

Она понимала, впрочем, что Томми прав.

Она сама толком ничего не знала про свое состояние, и ей просто необходимо было поговорить с врачом.

— Скажи доктору то же самое, что ты сказала в ресторане, — посоветовал Томми, — что твоего мужа убили в Корее.

В ресторане пока еще никто не знал о ребенке, но ее рассказ о вдовстве ни у кого не вызвал бы лишних вопросов.

Мэрибет посмотрела на него испуганными, полными слез глазами и совершенно ошеломила Томми своим следующим вопросом:

— А разве ты со мной не пойдешь?

— Я? А... а если он меня узнает?

Он покраснел до корней волос от одной этой мысли. А что, если врач будет осматривать ее у него на глазах, как будто он знает то, о чем на самом деле понятия не имеет? Он представить себе не мог, что именно происходило в кабинетах гинекологов. И более того: что, если доктор все расскажет его родителям?

— Я не могу, Мэрибет... Я просто не могу.

Она молча кивнула, и по ее щеке скатилась одинокая слеза. Томми почувствовал, что сердце выскакивает у него из груди.

— Ну ладно, не плачь... Я что-нибудь придумаю. Я скажу, что ты моя двоюродная сестра... но тогда он наверняка расскажет моим родителям... — Он вопросительно посмотрел на нее в надежде, что она придумает что-нибудь получше. — Я не знаю, Мэрибет, может быть, нам сказать, что мы просто друзья, что я знал твоего мужа и просто подвез тебя?

— И ты думаешь, что доктор ничего не заподозрит? Я имею в виду, что я не замужем?

Они были похожи на двух детей, которые пытаются скрыть следы нечаянно совершенного проступка. Но это был очень серьезный проступок, и выбраться из этой ситуации было крайне сложно.

— Он ничего не узнает, если ты сама ему не скажешь, — твердо ответил Томми, пытаясь казаться спокойным.

Одна только мысль о том, что ему придется зайти в кабинет вместе с ней, приводила его в ужас. Но он не хотел, чтобы Мэрибет

шла одна, и раз он пообещал составить ей компанию, он должен был это сделать.

Когда они ехали к врачу, нервы у обоих были напряжены до предела, и они почти не разговаривали. Томми было страшно жалко свою подругу, но он делал все возможное, чтобы помочь ей.

Он помог Мэрибет выбраться из фургона и пошел с ней к таинственной двери, изо всех сил стараясь не краснеть.

— Все будет хорошо, Мэрибет, вот увидишь, — прошептал он, когда они вошли в приемную.

Томми видел маминого врача только один раз — у роддома, куда они пришли с отцом навестить маму после рождения Энни. Он был слишком маленьким, и внутрь его не пустили.

Он помнил, как мама, стоя у окна, махала ему рукой и гордо держала его новорожденную сестренку.

При воспоминании об этом Томми едва не расплакался; сжав руку Мэрибет, не столько для того, чтобы успокоить ее, но чтобы успокоиться самому, он встретился взглядом с медсестрой, сидевшей за столом в приемной.

— Что вам угодно? — спросила она, глядя на юную пару из-за стекол очков.

Регистраторша понять не могла, что делают здесь эти дети — разве что встречают свою маму.

— Могу я вам помочь?

— Меня зовут Мэрибет Робертсон, — прошептала она почти беззвучно, не в состоянии поверить в то, что все-таки очутилась здесь. — Я записана на прием.

Медсестра еще раз окинула юную парочку подозрительным взглядом, проверила свои записи и кивнула.

— Миссис Робертсон? — удивленно переспросила она.

Может быть, эта молодая особа старше, чем она выглядит. И потом, она как-то слишком сильно нервничает.

— Да, — выдохнула Мэрибет.

Медсестра велела им подождать в коридоре и едва сдержала улыбку — она вспомнила его телефонный звонок. Это были явно новобрачные, почти еще дети. «Наверное, обстоятельства заставили их пожениться», — подумала она.

Они уселись в приемной и стали ждать, шепотом обмениваясь отдельными фразами, чтобы поддержать друг друга, стараясь не смотреть на сидевших вокруг них женщин с огромными животами.

Томми никогда не видел столько беременных одновременно, и это зрелище сильно его смущало.

Женщины говорили о своих мужьях и детях, листали разложенные на столиках журналы, некоторые вязали.

Когда доктор Маклин наконец пригласил их в кабинет, и Мэрибет, и Томми вздохнули с облегчением. Он обратился к ним как к мистеру и миссис Робертсон, и Томми не сразу спохватился, что не поправил его.

Но доктору и в голову не могло прийти, что перед ним не супружеская пара. Чтобы заполнить медицинскую карточку, он стал задавать самые обычные вопросы — спросил их, где они живут, где они родились и как долго женаты.

Мэрибет нерешительно посмотрела на врача и покачала головой.

— Мы не женаты... я... это... в общем, Томми просто мой друг... мой муж погиб в Корее, — вымолвила она и, немедленно пожалев о своей лжи, тут же честно призналась жалобным голосом:

— Я не замужем, доктор. У меня пять месяцев беременности... и Томми посоветовал мне обратиться к вам.

Доктора тронуло, что она защищает своего друга — это было благородно и необычно.

— Я понимаю.

Ее слова привели тем не менее доктора в замешательство. Он внимательно посмотрел на Томми — лицо мальчика было ему как будто знакомо. Наверное, это сын какой-нибудь его пациентки. Он явно где-то с ним встречался. Доктор порылся в памяти, но не смог вспомнить, где видел этого юношу.

— И вы собираетесь пожениться в ближайшее время? — сочувственно спросил он.

Он всегда жалел молодежь, попавшую в подобную ситуацию. Но оба они замотали головами и в смущении отвели глаза.

Внезапно Томми пожалел, что затеял все это и привел ее сюда.

— Мы просто друзья, — решительно произнесла Мэрибет. — Томми здесь вообще ни при чем. Это была моя вина.

Она начала всхлипывать, и Томми взял ее за руку. Доктор все так же внимательно смотрел на эту странную пару.

— Я думаю, сейчас это уже не имеет значения, — мягко сказал он. — Давай-ка поговорим с тобой наедине. Я тебя осмотрю, а твой друг, — при этом слове доктор улыбнулся — неужели они думали, что он не поймет, что между ними произошло, — твой друг пока погуляет, а потом придет, и мы побеседуем все вместе. Ну как?

Он хотел осмотреть ее, выяснить состояние будущей матери и ее ребенка, узнать, как отнеслись к беременности ее родители, что она думает делать и собирается ли она оставить ребенка.

«Похоже, они довольно сильно любят друг друга, — подумал он. — Рано или поздно они поженятся, раз уж они так далеко зашли».

Наверное, родители против их брака — ну что ж, он в этом случае попробует им помочь.

Может быть, их нужно только подтолкнуть в нужном направлении.

Доктор встал и проводил Томми до дверей.

На этот раз сидеть одному в комнате, полной беременных женщин, было совсем неудобно.

Он спрятался за раскрытым журналом и молил Бога о том, чтобы никто из знакомых его матери не увидел его здесь.

Казалось, что до того момента, как медсестра снова пригласила его в кабинет, прошли часы.

— Ну, теперь мы можем поговорить все вместе, — тепло приветствовал его доктор.

Мэрибет смущенно и с явным облегчением улыбалась ему.

Врач послушал сердцебиение ребенка и сказал, что с малышом все в полном порядке.

Она рассказала ему о своем желании отдать ребенка на усыновление, и он пообещал подумать на эту тему, правда, без особого энтузиазма.

Мэрибет показалось, что доктору было гораздо важнее сообщить Томми информацию о будущем ребенке — о его весе и состоянии, о том, какие изменения произойдут в организме Мэрибет в ближайшие месяцы, о витаминах, которые она должна пить, и о необходимости соблюдать режим и как следует отдыхать. Врач говорил с Томми так, будто он был отцом ребенка, и до мальчика постепенно дошло, что происходит. Доктор Маклин решил, что они хотят скрыть от него отцовство Томми.

И сколько бы Мэрибет ни настаивала на том, что это не его ребенок, он им явно не верил — слишком уж бережно Томми относился к своей подруге и слишком уж трогательно о ней заботился.

Когда доктор наконец заговорил о деньгах, его вдруг словно осенило — он вспомнил, что это за мальчик, и проникся к этому юноше еще большим уважением за то, что он привел на прием Мэрибет.

— Ты ведь Томми Уиттейкер, да, сынок? — ласково спросил он.

Ему не хотелось пугать молодого человека, а тем более — он не собирался сообщать о происшедшем его родителям.

— Да, — честно ответил Томми.

— Родители знают об этом?

Томми покраснел до ушей и покачал головой. Как он мог объяснить ему, что он тайком взял у мамы записную книжку, чтобы узнать адрес врача?

— Они еще незнакомы с Мэрибет.

Он бы с удовольствием представил ее своим родителям, но в этих обстоятельствах Томми не мог этого сделать, тем более что сейчас с ними вообще было трудно общаться.

— По-моему, пора ее с ними познакомить, — посоветовал доктор Маклин. — Дольше ждать невозможно. Рождество придет так быстро, что ты и не заметишь.

И действительно, до появления малыша на свет оставалось всего четыре месяца.

— Подумай об этом, я уверен, что твои родители все поймут. Правда, они только что прошли через самое страшное в жизни испытание и могут отреагировать не так, как ты ожидаешь, но в конце концов родители тебе помогут.

Мэрибет призналась доктору, что ее семья не желает с ней общаться и что единственный близкий ей человек — это Томми.

— Для твоих плеч это пока еще слишком тяжелый груз, — продолжал доктор. — Тебе понадобится помощь.

— Да нет, все в порядке, — храбро сказал Томми, заставив врача лишний раз убедиться в том, что он отец ребенка, как бы Мэрибет ни убеждала его в обратном.

Доктора очень растрогало то, как она защищает этого мальчика. Эти юные будущие родители вообще произвели на него хорошее

впечатление, и он назначил им прием на следующий месяц и дал небольшую книжку, очень доступным языком излагающую сведения о беременности и родах. Фотографий в ней не было — только самые простые рисунки. Ни Том, ни Мэрибет подобных книг никогда не видели.

Несмотря на то что они оба практически не были знакомы ни с подобной информацией, ни с терминологией, Мэрибет могла извлечь из нее массу полезных сведений о том, как ей себя вести, что можно делать, а что нельзя, в каких случаях нужно немедленно обращаться к врачу. Они оба были очень благодарны ему за книгу.

Доктор Маклин сказал Мэрибет, что наблюдение во время беременности и прием родов будут стоить ей двести пятьдесят долларов, а обслуживание в роддоме — еще триста; к счастью, у нее еще оставались те деньги, которые отец дал ей на оплату пребывания в монастыре.

Но не это было главное — Мэрибет больше всего беспокоила уверенность врача в том, что Томми отец ребенка.

— Что будет, если он скажет твоей матери? — в ужасе спросила она.

Ей совершенно не хотелось, чтобы у ее близкого друга по ее вине возникли проблемы с родителями.

Но Томми, разделявший с ней ее беспокойство, все же был уверен, что доктор их не выдаст. Это был порядочный человек, который не станет вмешиваться в чужие дела.

И несмотря на то, что доктор теперь считает его отцом ребенка, Томми был рад, что привел к нему Мэрибет.

— Ничего он не скажет, не беспокойся. Он явно хочет нам помочь.

Томми доверял врачу и ничуть не жалел о своем поступке.

— Да, мне он тоже понравился, — сказала Мэрибет.

Они сидели в кафе и потягивали молочный коктейль, обсуждая книжку, которую дал им доктор, и все, что он сказал им о течении беременности, схватках и родах.

— Знаешь, я очень боюсь, — нервно сказала Мэрибет. — Он пообещал дать обезболивающее, но мне все равно страшно.

Она и представить себе не могла, что ей предстоит. Пройти через такое в шестнадцать лет, да еще и отдать чужим людям собственного ребенка, толком не посмотрев на него, — это была слишком тяжелая

плата за полчаса сомнительного любовного опыта, приобретенного на переднем сиденье в «Шевроле» с помощью Пола Брауна.

Иногда она не могла поверить в то, что это произошло именно с ней. Но после визита к врачу об этом думать было некогда — ребенок стал расти не по дням, а по часам.

Томми относился к ней по-прежнему заботливо, он приходил в ресторан почти ежедневно, а если им не удавалось увидеться там, он приезжал к ней домой после работы, и они шли погулять, выпить кока-колы или посмотреть какой-нибудь фильм.

Но первого сентября у него начались занятия в школе, и все усложнилось. Уроки продолжались до трех, после чего он шел в спортзал, а потом готовил домашнее задание. Вечером он приходил к ней совершенно измученным.

Но тем не менее Томми не переставал заботиться о ней и всякий раз, оставаясь с ней наедине, брал ее за руку и целовал. Мэрибет иногда казалось, что они действительно женаты — они болтали о прошедшем дне, о ее работе, школьных занятиях и каждодневных проблемах, как настоящие супруги. Да и любили они друг друга, как новобрачные, несмотря на то, что не решались заходить в своих отношениях дальше поцелуев и объятий.

— Я боюсь забеременеть, — сказала Мэрибет однажды вечером, когда его руки медленно ласкали ее налившуюся грудь, и они оба рассмеялись.

Сейчас, когда она носила в себе ребенка Пола Брауна, она не хотела заниматься любовью с Томми.. — а после рождения ребенка ей хотелось совсем другого. Это не произойдет раньше, чем она окончит школу и колледж и выйдет замуж за человека, которого действительно полюбит.

Тогда она сможет позволить себе иметь детей — только тогда, не раньше. Ей не хотелось сейчас допускать близость с Томми — она боялась все испортить в их отношениях, и он понимал это, хотя и сходил с ума от желания.

Иногда он делал уроки у нее дома или в тихом уголке ресторана, куда Мэрибет приносила ему гамбургеры и коктейли. Она стала помогать ему.

Когда хозяйка уходила, Мэрибет запирала дверь. Они ложились на кровать, и он читал ей вслух, а она делала его задания по химии,

алгебре или тригонометрии.

Поскольку они были ровесниками, он через две недели занятий сообразил, что они могут заниматься вместе. Томми принес ей учебный план и книжки, чтобы она могла продолжать свое образование.

— Когда ты вернешься в школу, сможешь сдать экзамены за прошедший семестр, и тебе не придется пропускать учебный год, — сказал он.

Но ему не хотелось думать о ее возвращении к родителям в Онаву. Томми хотелось, чтобы она оставалась с ним, но никто из них не знал, что произойдет после того, как родится ребенок.

Пока же все шло хорошо. Они встречались ежедневно, вместе готовили домашние задания. Несмотря на то что она продолжала учиться и одновременно работала в ресторане, учеба давалась ей очень легко, что поражало Томми.

Его отметки тоже были хорошими, но в какой-то момент он понял, что Мэрибет гораздо сильнее его в учебе.

— Ты просто молодец, — восхищенно говорил он, проверяя ее задание по алгебре.

За оба теста, которые он дал ей на прошлой неделе, она получила А с плюсом, а ее работа по истории, посвященная Гражданской войне, показалась ему выше всякой похвалы. Ему захотелось даже показать ее своей учительнице.

Единственная проблема заключалась в том, что Томми каждый вечер возвращался домой не раньше полуночи, и в конце концов его мама что-то заподозрила. Он объяснил ей, что каждый день занимается в спортзале и помогает однокласснику, у которого туго идет математика, но, поскольку мама сама работала в школе, ее не так-то просто было обмануть.

Но даже если бы ему запрещали, он бы послушался родителей, так ему нравилось проводить время с Мэрибет. Покончив с уроками, они часами болтали, делясь друг с другом своими мечтами и идеалами, обсуждая книги и последние события, и всякий раз беседа неизбежно соскальзывала на ребенка, на то, какой видит его жизнь Мэрибет. Ей хотелось, чтобы у него было более счастливое детство, чем у нее, чтобы он получил самое лучшее образование, любящих родителей и возможность путешествовать и расширять свой кругозор.

Мэрибет прекрасно понимала, какое сопротивление ей придется преодолеть, когда она в один прекрасный день объявит о своем желании поступить в колледж. Родители считали это пустой тратой времени, будучи не в состоянии понять ее тягу к учебе. Но ей вовсе не хотелось всю жизнь работать кем-то вроде официантки. Мэрибет знала, что сможет добиться гораздо большего, если только получит образование.

Дома учителя всегда пытались внушить ее родителям, что она может достичь многого, но те пропускали это мимо ушей. А теперь будет еще хуже — ее отец постоянно будет повторять, что она пошла по пути своих теток, позволив себе спать с мальчиками до брака. Мэрибет понимала, что ей некуда будет деваться от напоминаний об этом, даже если она и не принесет в дом ребенка.

— Тогда почему бы тебе не оставить его? — постоянно спрашивал ее Томми, но она лишь качала головой.

Он знала, что это не решит проблему. Даже если она успеет полюбить ребенка, она все равно не сможет заботиться о нем — и о себе тоже.

В начале октября ей пришлось признаться другим официанткам, что она беременна. Правда, они и сами давно уже это поняли и прониклись к ней еще большим уважением, думая, что это последний дар ее покойного мужа, прекрасный способ навечно сохранить память о нем.

Откуда было им знать, что это была память о школьном кумире Поле Брауне, о парне, чья восемнадцатилетняя жена тоже, возможно, была уже беременна.

Мэрибет не могла признаться им, что хочет отказаться от ребенка, и испытывала страшное чувство вины, когда ее коллеги стали приносить ей маленькие подарки. Она прятала их в дальний угол шкафа и пыталась не думать о младенце, который будет носить эти милые вещи.

На следующем приеме доктор Маклин снова спросил ее о Томми.

— Такой милый мальчик, — улыбнулся он, уверенный в том, что финал этой истории будет счастливым.

Они оба были ему очень симпатичны. Мэрибет нравилась ему, и он считал, что и Уиттейкеры оценят ее по достоинству и привяжутся к девушке.

Когда в середине октября Лиз пришла к нему на очередной осмотр, он не преминул сказать ей, какой замечательный мальчик ее сын.

— Томми? — с удивлением переспросила Лиз Уиттейкер.

В последний раз доктор видел Томми шесть лет назад, в роддоме, когда родилась Энни.

— Он действительно очень хороший.

— Вы должны гордиться им, — с улыбкой заговорщика продолжал доктор, желая сказать больше об этих двух молодых людях, которые ему так нравились, но не чувствуя себя вправе сделать это — он ведь пообещал им ничего не сообщать родителям мальчика.

— Я и горжусь, — ответила Лиз, не понимая, чем вызвано это замечание доктора Маклина.

Весь день в школе она была очень занята, однако вечером, возвращаясь домой, вспомнила его слова и задумалась. Он что, где-то виделся с Томми? Может быть, доктор Маклин читал какую-нибудь лекцию в школе или его собственный ребенок учится с ним в одном классе?

Впрочем, она недолго размышляла об этом и вскоре забыла о странном разговоре.

Но на следующей неделе одна из ее коллег сказала, что видела Томми с очень красивой девочкой, мимоходом обронив, что красивая девочка, видимо, скоро станет матерью.

Услышав об этом, Лиз почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Затем, вспомнив неожиданную похвалу в адрес Томми, которую она услышала из уст доктора Маклина, она начала догадываться о том, что происходит.

Она не находила себе места целый день, а вечером решила расспросить обо всем самого Томми. Но он пришел домой только в двенадцать.

— Где ты был? — спросила Лиз сурово, когда сын вошел в кухню.

— Я занимался с друзьями, — не слишком уверенно ответил он.

— С какими друзьями?

Она знала практически всех его приятелей, особенно сейчас, когда сама преподавала в старших классах.

— С кем ты был? Я хочу знать.

— Зачем? — насторожившись, спросил Томми.

Вошел отец, и он заметил, что его родители обменялись странными взглядами. После того как мама вышла на работу, они стали относиться друг к другу менее враждебно, но все равно дистанция между ними сохранялась.

Лиз не стала говорить мужу о том, что Томми видели в обществе беременной особы, но он услышал их разговор и пришел узнать, в чем дело. В последнее время и его стало беспокоить то, что Томми приходит домой очень поздно.

— Что происходит? — спросил Джон довольно миролюбиво.

Томми всегда был послушным мальчиком, и с ним вряд ли могло произойти что-нибудь серьезное. Может быть, у него просто появилась девушка, но в этом нет ничего противоестественного.

— Я узнала о нашем Томми довольно странные вещи, — ответила Лиз, — и теперь хотела бы услышать объяснения от него самого.

— Что значит «странные»? — удивился Джон. — Что такого странного можно ожидать от нашего Томми?

Он уселся и стал с интересом ждать продолжения разговора.

— Что это за девочка, с которой тебя видели? — в лоб спросила Лиз.

— Просто подруга. Ничего особенного.

Томми лгал, и Лиз это почувствовала.

Мэрибет не была ему просто подругой. Он был по уши влюблен в нее и изо всех сил помогал ей учиться, заботясь о ней и о будущем ребенке.

Но маму было трудно провести.

— Она беременна?

Томми выглядел так, будто боксер-профессионал дал ему под дых. Джон при этих словах жены чуть не свалился со стула. Лиз смотрела Томми прямо в глаза.

— Ну?

— Нет, я... я... мам, знаешь... я не знаю... это не я... о Господи, — замялся он, проводя рукой по волосам. — Я не могу тебе объяснить. Это не то, что ты думаешь.

— Может быть, это только сплетни? — с надеждой спросил отец.

На Томми лица не было.

— Да нет... Все так сложно...

— Боже, какой кошмар, — сокрушенно прошептала Лиз.

— Сядь-ка, — сказал Джон, и Томми буквально рухнул на стул.

Лиз, наоборот, встала и полными негодования глазами посмотрела на него.

— Этого не может быть, — произнесла она с болью в голосе. — Она беременна... Томми, ты что, с ума сошел?

— Я тут ни при чем. Мы просто друзья. То есть мы... ну ладно, мы не совсем друзья, но... мама, она тебе понравится, вот увидишь...

— Боже мой! — повторила Лиз, снова опускаясь на стул. — Кто она такая? И как это произошло?

— Так, как это обычно происходит, — безжизненно откликнулся Томми. — Ее зовут Мэрибет. Мы познакомились этим летом.

— Почему ты нам ничего не сказал?

А как он мог им сказать? Они уже давно не разговаривали ни с ним, ни друг с другом.

Жизнь их семьи остановилась, когда умерла Энни, а теперь они просто плыли по течению, как обломки судна после кораблекрушения.

— Какой у нее срок? — спросила мама, как будто это имело какое-то значение.

— Шесть с половиной месяцев, — с неожиданным спокойствием ответил он.

Может быть, это и к лучшему, что они все узнали. Томми давно уже хотел попросить маму помочь Мэрибет; ему казалось, что она должна понравиться его родителям. Лиз выглядела совершенно потрясенной.

— Шесть с половиной месяцев? Когда же это случилось? — Она пыталась подсчитать, но от растерянности у нее это никак не получалось.

— Когда случилось? — смущенно переспросил Томми. — Я же говорю, мы познакомились этим летом. Мэрибет только в июне переехала в наш город. Она работает официанткой в ресторане, куда я хожу обедать.

— А разве ты ходишь в ресторан обедать? — удивленно спросил отец.

— Все время хожу. Мама же больше не готовит — уже несколько месяцев. Я трачу на это свои карманные деньги.

— Да-а, — протянул отец, с упреком посмотрев на свою жену, а потом перевел взгляд на сына. — Сколько лет девушке?

— Шестнадцать.

— Подожди, я что-то не очень понимаю, — перебила Лиз. — Ты говоришь, что она приехала сюда в июне, и у нее срок шесть с половиной месяцев... это значит, что она забеременела в марте. То есть получается, что вы встретились где-то еще, а потом она приехала сюда?

Ты разве куда-то ездил?

«Если бы Томми уехал из города, я бы об этом знала», — подумала Лиз.

Но, с другой стороны, разве она знала о том, что ее сын ходит обедать в ресторан и встречается с беременной девушкой?

Шесть с половиной месяцев... Это означало, что ребенок появится совсем скоро.

Лиз содрогнулась при одной мысли об этом.

О чем они думали и почему Томми им ничего не сказал?

Но постепенно она начала понимать. Они все отдалились друг от друга после смерти Энни, так что не было ничего удивительного в том, что Томми попал в такую переделку. Ведь ни она, ни Джон совершенно не обращали на мальчика внимания.

Томми в конце концов понял, что родители не разберутся в ситуации без его помощи.

— Можете не волноваться. Это не мой ребенок, Мэрибет забеременела у себя дома, в Онаве, и ее отец выгнал ее. Она отправилась в монастырь и не смогла там жить, поэтому в июне она переехала сюда. И я познакомился с ней уже здесь.

— И все это время ты с ней общался? Почему ты нам не сказал?

— Не знаю, — вздохнул Томми. — Я хотел, потому что я думал, что она действительно им понравится, но боялся, что ты не одобришь нашей дружбы. Она очень хорошая... и очень одинокая. Ей совершенно никто не помогает.

— Кроме тебя, — с горечью сказала Лиз.

Джон выглядел так, словно у него гора свалилась с плеч.

— Кстати говоря, — Лиз начала понимать, что к чему, — ты водил ее к доктору Маклину?

Томми был поражен до глубины души.

— С чего ты взяла? Он что, сказал тебе что-нибудь?

«Как он мог? Он же обещал!»

Но Лиз покачала головой:

— Ничего он мне не говорил. Просто упомянул о том, какой ты хороший мальчик, и я не могла понять, что это он о тебе вспомнил... через шесть лет. А потом одна из учительниц сказала, что видела тебя с красивой девочкой, которая явно беременна.

Она посмотрела на сына, спрашивая себя, собирается ли он жениться на ней по любви или просто из желания помочь.

— А что она собирается делать с ребенком?

— Мэрибет еще не знает. Она понимает, что не сможет его вырастить сама, так что скорее всего отдаст его на усыновление. Она считает, что для ребенка так будет лучше. Понимаешь, у нее есть одна интересная теория...

Он хотел объяснить родителям все как можно лучше, чтобы они полюбили Мэрибет так же, как и он.

— ..что некоторые люди проходят через нашу жизнь очень быстро, как Энни, чтобы дать нам какой-нибудь необычный и ценный дар. И поэтому ей кажется, что этот ребенок должен был появиться, что именно она должна родить его, но воспитывать его она не сможет. Она твердо в этом убеждена.

— Это очень тяжелое решение для молодой девушки, — тихо сказала Лиз с сочувствием.

Однако ее очень беспокоило то, что сын явно потерял голову.

— А что думают ее родители?

— Они не желают с ней общаться до тех пор, пока она не вернется домой без ребенка.

Похоже, что ее отец — настоящий тиран, а мама совершенно запугана. Так что Мэрибет предоставлена самой себе.

— Да, только ты-то тут при чем? — удивленно спросила Лиз. Это было слишком тяжелое бремя для ее сына — почти подростка.

Джон, однако, узнав, что это не его ребенок, заметно успокоился.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с Мэрибет, мама.

Лиз колебалась, не зная, что делать: то ли заложить основу для будущих отношений, то ли просто запретить сыну видеться с этой девочкой.

Но это было несправедливо, и она вопросительно посмотрела на мужа. Джон пожал плечами, давая понять, что он не возражает.

— Ну что ж, — согласилась она, словно делая одолжение Томми.

Если он так серьезно относится к этой Мэрибет, может быть, ее действительно стоит увидеть.

— Она очень хочет продолжать учебу.

Я каждый вечер занимаюсь с ней, даю свои учебники и переписываю задания. И, между прочим, она меня обгоняет, пишет прекрасные сочинения и очень много читает.

— Почему тогда она оставила школу? — неодобрительно спросила Лиз.

— Ей приходится работать, чтобы содержать себя. Она не может вернуться в школу до тех пор, пока не родит ребенка.

— А потом, когда ребенок родится? — Лиз ждала от него определенного ответа, хотя сам Томми еще не знал, что будет потом. — Ты-то что будешь делать? У вас с ней все серьезно?

Он поколебался, не желая делиться с ней своими сокровенными мечтами, но понял, что соврать не сможет.

— Да, мама... это серьезно, — признался Томми. — Я ее люблю.

Тут забеспокоился Джон:

— Слушай, ты же не собираешься жениться на ней? Да еще воспитывать ее ребенка? Томми, тебе только шестнадцать, и ты сам не знаешь, чего хочешь. Если бы ребенок был твой, это было бы другое дело, но это, слава Богу, не так. Ты не должен совершать необдуманных поступков.

— Я сам не знаю, что будет с нами, — сказал Томми совсем взрослым голосом. — Я бы женился на ней, если бы она согласилась, и воспитывал бы ее ребенка, но Мэрибет не хочет ни того, ни другого. Она собирается вернуться в школу, а потом поступить в колледж.

Мэрибет считает, что сможет жить дома, но я не думаю, что это возможно. Мне кажется, ее отец не даст ей продолжать образование — насколько я могу судить о нем по ее рассказам.

Но до окончания учебы замуж выходить она не собирается. Понимаешь, папа, Мэрибет вовсе не ожидает, что я на ней женюсь. Мне придется долго ее уговаривать выйти за меня замуж, если я этого захочу.

— Тогда не делай этого, — посоветовал сыну Джон, открывая банку пива и делая большой глоток. Неужели случится так, что его сын женится в шестнадцать лет?

— Не делай того, о чем ты можешь впоследствии пожалеть, Томми, — вступила в разговор Лиз, стараясь казаться спокойнее, чем была на самом деле. — Вы оба очень молоды.

Если вы совершите ошибку, вы сломаете друг другу жизнь. Мэрибет уже один раз ошиблась, и вы должны понимать, как дорого приходится платить за ошибки.

— Мэрибет говорит то же самое. Поэтому-то она и хочет отказаться от ребенка. Она говорит, что, если она его оставит, это будет еще одна ошибка, за которую придется платить всем. Мне кажется, она ошибается, потому что в один прекрасный день она пожалеет, что отказалась от него, но Мэрибет считает, что ребенок заслуживает большего, чем она может ему предложить.

— Может быть, она права, — грустно кивнула Лиз.

Разве можно представить что-то более ужасное в жизни женщины, чем отказ от собственного ребенка? Может быть, только потеря любимого дитя еще страшнее. Но отдать чужим людям малыша, которого ты носила в себе девять месяцев, казалось ей полным кошмаром.

— Знаешь, Томми, есть множество бездетных пар, которые не могут зачать ребенка, и они были бы счастливы кого-нибудь усыновить.

— Я знаю, — устало отозвался он.

Было уже половина второго ночи — они уже полтора часа сидели на кухне, обсуждая проблемы Мэрибет.

— Я просто думаю, что все это слишком ужасно. Что она получит взамен ребенка?

— Будущее. Может быть, для нее это более важно, — мудро заметила Лиз. — Если Мэрибет в шестнадцать лет станет матерью, жизни у нее не будет, тем более что родители не собираются ей помогать. А если ты женишься на ней, твоя жизнь тоже будет искалечена. Дети, которые еще даже школу не окончили, не должны становиться родителями, это противостоестественно.

— Можно, я приведу Мэрибет к нам, мама?

Просто поговори с ней. Я хочу, чтобы ты с ней познакомилась; может быть, ты сможешь ей с учебой. Она уже обогнала меня, и я не знаю, что ей делать дальше.

— Хорошо.

Родители обменялись обеспокоенными взглядами.

— Пусть приходит на следующей неделе.

Я приготовлю обед.

Это прозвучало так, как будто она приносит огромную жертву. Лиз после смерти Энни возненавидела готовку. Кухня каждой своей мелочью напоминала те счастливые дни, когда они там возились с дочкой. Теперь же Лиз еще больше почувствовала свою вину — ведь если бы она продолжала готовить обеды, ее сыну не пришлось бы ходить в ресторан, подобно бездомному сироте. Она попыталась хоть как-то извиниться перед ним, когда они уже выходили из кухни.

— Прости меня... прости, что я Так забросила тебя, — заплакав, сказала она, встала на цыпочки и нежно поцеловала сына. — Я тебя очень люблю... но эти последние месяцы никак не могу вернуться к прежней жизни...

— Ничего, мама, все наладится, — ласково ответил он, — за меня не беспокойся, у меня все в порядке.

И это действительно было так — благодаря Мэрибет. Она помогла ему еще больше, чем он ей.

Томми отправился к себе, а Лиз, войдя в спальню, посмотрела на мужа затравленным взглядом и в изнеможении опустилась на кровать.

— Что творится в нашем доме, Джон? Знаешь, если мы ему разрешим, он на ней женится хоть завтра.

— И будет последним идиотом, — сердито сказал Джон. — Может быть, она просто юная потаскушка, которая забеременела в шестнадцать лет, а теперь поет песни нашему доверчивому дурачку о том, как ей хочется учиться в колледже.

— Не знаю, что и думать, — продолжала Лиз. — Одно только ясно: весь последний год мы были не в себе. Ты пил, я опустилась, была сама не своя, пытаюсь забыть то, что произошло. Томми обедал в ресторане и встречался с беременной официанткой, на которой теперь хочет жениться. Сумасшедший дом, правда? — спросила она, остро ощущая свою вину и растерянность перед тем, что происходит.

— Может быть, так всегда происходит с людьми, у которых почва ушла из-под ног, — философски ответил Джон, садясь на кровати.

В первый раз за долгое время они были так близки друг к другу, и впервые Лиз почувствовала, что она не злится, не копается в прошлом, а только волнуется.

— Знаешь, я думал, что сам умру, когда...

Голос Джона оборвался, не в силах закончить фразу.

— Я тоже... так думала, — призналась Лиз. — Я как будто сама пребывала в коме все это время. Я даже до сих пор не верю в то, что это действительно случилось.

Джон обнял свою жену, и они долго сидели, прижавшись друг к другу. В первый раз за все это время они уснули крепко обнявшись, не сказав больше ни слова.

Глава 7

Когда у Мэрибет наступил следующий выходной, Томми снова заехал за ней, чтобы отвезти к своим родителям. Мэрибет, взволнованная и смущенная, надела свое лучшее платье; Томми, только что отыгравший матч в футбол, немного опоздал и сильно нервничал.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, глядя на свою подругу, а затем наклонился к ней, чтобы поцеловать. — Спасибо тебе, Мэрибет.

Он знал, что решение познакомиться с Уиттейкерами далось ей не слишком легко. Мэрибет понимала, как это для него важно, и не хотела его подводить.

У нее было уже почти семь месяцев беременности; кроме Томми, никто бы не рискнул знакомить ее с кем бы то ни было, особенно с родителями, и Мэрибет высоко ценила его преданность.

Платье было шерстяное — темно-серое, с белым воротничком и небольшим черным бантом. Она купила его на свое жалованье, когда поняла, что все остальные вещи уже тесны ей.

Просторное платье, сшитое специально для будущих мам, хорошо скрывало выпирающий живот, и она ходила в нем с Томми в кафе или в кино.

Волосы она зачесала назад и собрала в хвост, перевязав черным бархатным бантом.

В этом наряде Мэрибет походила на маленькую девочку, которая зачем-то засунула большой надувной мяч под платье; помогая ей забраться в отцовский фургон, Томми невольно улыбнулся этому сравнению, пришедшему ему на ум.

Она действительно выглядела очень хорошо, и он надеялся, что встреча с родителями пройдет гладко. После той долгой беседы неделю назад он почти не говорил с ними — родители только подтвердили свое желание увидеть его девушку.

По дороге к дому Томми Мэрибет не проронила ни слова.

— Только не нервничай, ладно? — сказал он, остановив машину перед домом. Дом Уиттейкеров с первого взгляда понравился Мэрибет — аккуратный, красивый, с разбитыми перед ним цветочными

клумбами. Цветов в это время года не было, однако нетрудно было заметить, что за домом очень хорошо ухаживают.

— Все будет прекрасно, — еще раз заверил Томми, помог ей выбраться из кабины и, держа за руку, повел прямо к крыльцу.

Родители ждали их в гостиной; Томми заметил, что его мама очень внимательно наблюдает за Мэрибет, которая быстро пересекла комнату и пожала протянутые руки — сначала ей, потом отцу.

Все вели себя довольно настороженно и подчеркнуто вежливо. Лиз пригласила гостью сесть и предложила ей чай или кофе. Мэрибет поблагодарила и предпочла кока-колу. Они начали разговор с Джоном, в то время как Лиз отправилась на кухню, чтобы проверить, как там обед. Она приготовила тушеную говядину, любимые Томми картофельные оладьи с пюре из шпината.

Спустя некоторое время Мэрибет сказала, что хочет помочь ей, и отправилась на кухню.

Двое мужчин проводили ее взглядом, и Томми встал было, чтобы пойти за ней, но Джон удержал его:

— Пусть они поговорят наедине, сынок.

Твоя мама должна узнать ее как следует. По-моему, Мэрибет хорошая девочка, — сказал он. — И очень симпатичная. Как жаль, что с ней произошла такая неприятная вещь. А что случилось с тем парнем? Почему они не поженились?

— Он женился на другой, да и сама Мэрибет не хотела выходить за него замуж. Она говорит, что не любит его.

— Не могу понять, умно она поступает или глупо. Брак — штука серьезная и не всегда легкая; пока сам не женишься, ты этого не поймешь. Но в любом случае она держится молодцом. — Джон закурил трубку, посмотрел на сына и отметил про себя, что Томми за последнее время очень вырос и возмужал. — Плохо, конечно, что родители Мэрибет не хотят видеть ее, пока она не вернется домой без ребенка, — осторожно продолжал он.

Интересно, насколько это серьезно, думал он. Что значит для их Томми эта девочка? Похоже, что много. Сердце Томми еще не умело ничего скрывать, и сердце его отца сочувствовало ему.

Лиз наконец возвестила, что стол накрыт.

Войдя в кухню, Томми обнаружил, что Мэрибет уже нашла общий язык с его матерью.

Его подруга, судя по всему, чувствовала себя весьма непринужденно, помогала расставлять тарелки и расспрашивала о старших классах, в которых преподавала Лиз.

Мэрибет сообщила ей о своем желании углубленно изучить некоторые предметы, и Лиз задумчиво ответила:

— Пожалуй, я могу дать тебе кое-какие дополнительные материалы. Томми говорит, что ты пытаешься заниматься вместе с ним. Можно мне посмотреть твои тетради?

Мэрибет была, казалось, удивлена и обрадована этим предложением.

— Конечно, я буду рада, — с благодарностью ответила она, занимая свое место за столом между двумя мужчинами.

— Ты учишься по программе своей школы или просто для себя?

— Главным образом для себя, — ответила Мэрибет, — но надеюсь, что мне позволят сдать экзамены, когда я вернусь в школу, чтобы я могла не пропускать семестр.

— Давай-ка я посмотрю, и, может быть, ты сдашь экзамены уже здесь и получишь что-то типа аттестата, чтобы предъявить его дома. Ты делала все задания Томми?

Мэрибет поспешно кивнула в ответ, и Томми, усевшийся между Мэрибет и матерью, перехватил инициативу:

— Мэрибет меня значительно обогнала, мама. Она почти закончила штудировать мой учебник по естествознанию за этот год и европейскую историю. И потом, она делает все дополнительные задания.

На Лиз это произвело определенное впечатление, и Мэрибет пообещала принести ей свои тетради в выходные.

— Знаешь, я могу дать тебе еще несколько дополнительных заданий, — сказала Лиз, протягивая девочке тарелку с мясом. — Я преподаю и в средних, и в старших классах...

Обе женщины с энтузиазмом обсуждали эту тему и к концу обеда выработали превосходный план действий: они должны были встретиться днем в субботу на несколько часов, а в воскресенье Лиз собиралась дать Мэрибет пять-шесть специальных заданий.

— Ты сможешь делать их не торопясь и при первой возможности принести мне. Томми говорит, что шесть дней в неделю ты работаешь в ресторане, и я понимаю, что это очень тяжело.

На самом деле Лиз была поражена тем, что Мэрибет в ее положении способна по десять часов в день проводить на ногах, обслуживая клиентов.

— Как долго ты собираешься работать, Мэрибет? — спросила она. — Работа у тебя нелегкая, а переутомление может повредить малышу.

Лиз испытывала некоторое смущение, говоря с гостьей о ее беременности, но этой теме было трудно избежать — слишком уж велик был к тому времени ее живот.

— До конца, наверное. Я не могу позволить себе не работать.

Отцовские деньги Мэрибет собиралась потратить на роды и услуги доктора Маклина, а на свое жалованье она жила. Она действительно не могла оставить работу задолго до родов — ведь даже содержать себя в течение недели или двух после появления ребенка ей будет трудно.

К счастью, Мэрибет не много было нужно, и она переносила свое стесненное материальное положение относительно спокойно. Кроме того, она ничего не покупала ребенку, так как собиралась отказаться от него, хотя ее коллеги по ресторану время от времени дарили ей какие-то детские мелочи, что ставило ее в неловкое положение и вызывало лишние переживания.

— Да, тебе будет тяжело работать до самого конца, — с сочувствием сказала Лиз. — У меня было примерно так же, когда я ждала Томми, и я думала, что рожу прямо в классе. Перед рождением Энни я ушла с работы гораздо раньше, — продолжила она, и за столом внезапно воцарилось молчание.

Лиз посмотрела на Мэрибет, и их глаза встретились.

— Я думаю, Томми рассказал тебе о своей сестре, — тихо произнесла она.

Мэрибет кивнула. Все ее существо было полно любви к Томми и симпатии к его родителям. Энни успела стать для нее реальной — Мэрибет слышала о маленькой девочке столько историй, и малышка так часто ей снилась, что ей иногда казалось, что она знала сестренку своего друга.

— Рассказал, — так же тихо откликнулась Мэрибет. — Она, наверное, была необыкновенным ребенком.

— Да, — согласилась Лиз с внезапной усталостью в голосе.

Джон протянул руку через стол и мягко коснулся локтя Лиз, встретив удивленный взгляд жены — он сделал это впервые после смерти Энни.

— Я думаю, что каждый ребенок — необыкновенный, — помолчав, продолжила Лиз. — Твой не будет исключением. Дети — это настоящее благословение.

Мэрибет ничего не ответила, и Томми обеспокоенно посмотрел на нее, зная, какую тяжелую моральную травму она переживает в связи со своим решением отдать ребенка приемным родителям.

Потом разговор перешел на следующий футбольный матч Томми, и Мэрибет подумала, как бы ей хотелось на нем присутствовать.

Они долго говорили обо всем на свете — о родном городе Мэрибет, о ее школе, о том, как они с Томми ездили на озеро.

И лишь две темы старательно обходились — ее взаимоотношения с Томми и будущий ребенок.

В десять часов вечера Томми отвез ее домой. Перед уходом Мэрибет расцеловала родителей Томми. Забравшись наконец в кабину фургона, она вздохнула с огромным облегчением и откинулась на сиденье так, как будто этот вечер совершенно извел ее.

— Как ты считаешь, я им не понравилась?

Томми был тронут ее желанием понравиться его родителям и нежно поцеловал Мэрибет.

— Ты была восхитительна и явно им понравилась. Иначе бы мама не стала предлагать свою помощь в занятиях.

Томми тоже чувствовал огромное облегчение. Его родители вели себя не просто вежливо, но очень дружелюбно. Мэрибет произвела на них благоприятное впечатление.

Когда Джон помогал Лиз мыть посуду после ухода гостя, он не переставал восхищаться ее умом, твердым характером и хорошим воспитанием.

— Девочка просто замечательная, правда, Лиз? Как ужасно, что она попала в такую гнусную историю.

Он сокрушенно покачал головой, вытирая очередную тарелку.

Это был первый обед за несколько месяцев, который хоть немного напоминал прежнюю атмосферу в их доме, и Джон был приятно удивлен тем, что Лиз сделала над собой усилие.

— Надо было думать, прежде чем заниматься любовью, — без всякой злости откликнулась Лиз. Она должна была признаться, что ее муж был всецело прав. Мэрибет действительно была приятная девочка, о чем Лиз и сказала Томми, когда он вернулся через полчаса.

Он проводил свою подругу до дверей комнаты и поцеловал ее на прощание. Мэрибет устала, спина у нее болела — у нее был действительно тяжелый день, и после этого вечера она, как никогда прежде, начала ощущать неудобство своего положения.

— Мне понравилась твоя подружка, — тихо сказала Лиз, убирая последнюю тарелку.

Джон, только что закуривший свою трубку, кивнул в знак согласия.

— Вы ей тоже очень понравились. Мне кажется, что ей здесь одиноко — она скучает по родителям и сестренке. У меня о них не самое хорошее впечатление, но это ее родные. Ее отец — настоящий деспот, а мама боится ему перечить, но даже если ей не слишком хорошо жилось дома, все равно, наверное, ужасно тяжело быть отрезанной от них. Мама ей пару раз писала, но отец даже не читает ее писем.

И они не дают Мэрибет общаться с сестрой, опасаются, что она на нее дурно повлияет.

Очень глупо, по-моему, — сказал Томми несколько раздраженно, и его мама внимательно посмотрела ему в глаза.

Нетрудно было заметить, как сильно она ему нравится, как он стремится защитить ее.

— Иногда родители поступают очень глупо, — с сожалением сказала Лиз. — Я думаю, что эта рана у нее долго не затянется — может быть, никогда.

— Мэрибет говорит, что хочет вернуться и окончить школу, а потом собирается переехать в Чикаго и там поступить в колледж.

— А почему не здесь? — спросил Джон, и Лиз с удивлением посмотрела на него — она не ожидала от мужа такого порыва.

Они жили в университетском городке с очень хорошими колледжами, и, если Мэрибет удастся заслужить стипендию благодаря своим успехам в школе, Лиз могла бы помочь ей поступить.

— Мне такое не приходило в голову, да и она вряд ли задумывалась, — радостно ответил Томми. — Я поговорю с ней об

этом, но сейчас ее, по-моему, больше всего беспокоит ребенок. Она напугана предстоящими родами и не знает, что ее ждет. Может быть, — продолжал он осторожно, с надеждой глядя на мать, — может быть, ты с ней поговоришь? У нее никого нет, кроме меня и других официанток в «Джимми Ди». А они ее только запугивают, рассказывая всякие небылицы.

То, что было известно Томми о родах, пугало его не меньше. Весь этот процесс казался ему просто ужасным.

— Хорошо, я с ней поговорю, — мягко ответила Лиз, и через некоторое время они все отправились спать.

Улегшись в постель рядом с мужем, Лиз поняла, что думает о Мэрибет.

— Очень приятная девочка, правда? И как она одна со всем этим справляется... как это печально... И потом, отказаться от ребенка...

Одна мысль об этом заставила ее всхлипнуть — она вспомнила, как впервые взяла на руки Энни и Томми... Какие они были милые, теплые и нежные! Отдать их в чужие руки после рождения казалось ей невозможным — это бы просто убило ее.

Но разве можно сравнивать их судьбы? Лиз была гораздо старше, имела за плечами образование, хорошую работу, любящего, заботливого мужа. Для шестнадцатилетней девочки иного выхода не было — Мэрибет была достаточно мудра, чтобы понимать, что одной ей с этим не справиться.

— Как ты думаешь, доктор Маклин найдет ребенку родителей?

Лиз поняла, что ее почему-то волнуют проблемы этой девочки. Как и Томми, она осознала, что Мэрибет абсолютно некуда обратиться за помощью.

— Я уверен, что он делает это гораздо чаще, чем мы думаем. Ты же знаешь, что это далеко не редкость. Просто обычно оказавшиеся в такой ситуации девочки скрываются. Он наверняка поможет ей.

Лиз молча кивнула. Она лежала в темноте и думала о них обоих — о Мэрибет и своем собственном сыне. Они были так молоды, так влюблены друг в друга, так полны надежд. Они верили, что жизнь будет к ним добра, они доверяли судьбе и не ждали от нее ударов в спину.

Лиз утратила эту веру навсегда — она пережила слишком много боли после смерти Энни. Она знала, что эта полудетская наивность

никогда к ней не вернется. Судьба слишком жестока и нетерпима.

Они еще немного поговорили о Мэрибет, после чего Джон уснул. Чисто внешне они не стали ближе, но существовавшая между ними дистанция за последние несколько дней немного уменьшилась — супруги теперь постоянно обменивались ласковыми добрыми словами.

Лиз начала прилагать усилия, чтобы доставить удовольствие своему мужу. Сегодняшний обед, например, убедил ее в том, что пора снова начинать готовить. Они нуждались друг в друге, нуждались в вечерних разговорах, в прикосновениях, в том, чтобы делиться друг с другом надеждами и впечатлениями.

На долгое время они словно стали чужими, и сейчас Лиз чувствовала, как они постепенно возвращаются из скрывавшего их тумана. И Джон, готовый протянуть ей руку и поддержать ее, и Томми — оба были рядом, только у Томми теперь была Мэрибет.

Засыпая, Лиз впервые за последние несколько месяцев почувствовала себя спокойной.

На следующий день она отправилась в школьную библиотеку, чтобы отобрать книжки для Мэрибет и составить задания.

Когда Мэрибет пришла к ней в субботу днем, она была полностью готова к этому посещению.

Просмотрев тетради девочки, Лиз была приятно удивлена ее способностями. Мэрибет училась лучше, чем большинство старшеклассников школы, где преподавала Лиз.

Читая некоторые из сочинений Мэрибет, Лиз качала головой и хмурилась, как будто была недовольна.

Мэрибет, с волнением наблюдавшая за ее реакцией, забеспокоилась:

— Это плохо, миссис Уиттейкер? Понимаете, у меня вечерами нет ни времени, ни сил.

Наверное, мне надо еще поработать над этим и прочитать еще критические статьи по «Мадам Бовари». Я не думаю, что я во всем права.

— Не смей меня, — сказала Лиз с неожиданной улыбкой. — Это очень хорошо, я просто поражена.

Она мысленно сравнила прочитанное сочинение, больше похожее на литературное исследование, с работами Томми, который был

первым учеником.

Мэрибет написала сочинение о русской литературе и об особенностях комедий Шекспира. Кроме того, она составила великолепный документальный рассказ о корейской войне и выполнила все задания по сравнительной грамматике, а все ее работы по математике были выше всяких похвал.

Лучшей работы Лиз не видела уже в течение многих лет. Она посмотрела на эту девочку с выпирающим животом и чистосердечно похвалила ее:

— Ты прекрасно поработала, Мэрибет. Ты должна учиться на класс старше, не меньше.

Тебе позавидует любой старшеклассник.

— Вы действительно так думаете? Вы думаете, я смогу наверстать пропущенное и дома вернуться в свой класс?

— У меня есть идея получше, — сказала Лиз, убирая бумаги в папку. — Я хочу показать твои работы нашему завучу, и, может быть, она разрешит тебе сдать что-то типа экзаменов здесь. А когда ты вернешься домой, ты сразу поступишь в следующий класс.

— Вы действительно думаете, что это возможно? — недоверчиво спросила Мэрибет, не желая обольщаться напрасными надеждами.

Это означало перепрыгнуть через целый год и окончить школу уже в июне, чего ей очень хотелось. Она прекрасно понимала, что даже несколько месяцев пребывания дома будут для нее очень тяжелыми.

Мэрибет доказала себе, что она в состоянии сама себя содержать; ей хотелось побывать дома, увидеть маму и Ноэль, но она понимала, что не сможет там долго находиться.

Она слишком быстро повзрослела, чтобы жить дома еще в течение двух лет.

Родители — особенно отец — не дадут ей забыть, что с ней произошло, и будут постоянно напоминать о ее грехопадении. Шести месяцев до выпуска в июне будет вполне достаточно.

А потом она уедет, найдет работу и в один прекрасный день, если повезет, поступит в колледж. Мэрибет была рада все силы положить ради своего образования, понимая, однако, что ее семья этого никогда не одобрит.

Потом Лиз дала ей несколько дополнительных заданий и пообещала справиться в школе, могут ли они принять у нее экзамены,

и как можно скорее сообщить об этом Мэрибет.

Они еще немного поболтали — в основном о Томми и его планах на будущее. Лиз явно беспокоилась о том, что он может на ней жениться, особенно если Мэрибет все-таки не откажется от ребенка; однако говорить об этом она не стала.

Томми по результатам учебы мог выбирать между несколькими колледжами; перед ним открывалась масса возможностей, и Лиз хотела, чтобы Мэрибет это знала. Девочка прекрасно поняла, что тревожит маму ее друга. Глядя ей прямо в глаза, Мэрибет тихо проговорила:

— Я не собираюсь выходить за него замуж, миссис Уиттейкер. По крайней мере сейчас.

Я не буду ломать ему жизнь. Томми очень хорошо ко мне относится. Он единственный человек, который стал мне настоящим другом после того, как со мной случилось несчастье.

Но мы оба слишком молоды, и брак только все разрушит...

Я не уверена, что он понимает это, — печально добавила она, — но я-то понимаю. Мы еще не готовы к тому, чтобы растить ребенка.

И самое главное, что я не готова. Детям нужно отдавать все, что есть, быть с ними все время... быть для них тем, чем я еще быть не могу...

В общем, мне еще надо дорасти до этого, — закончила она со слезами на глазах, и сердце Лиз забило сильнее. Эта девочка сама была еще почти ребенком, носившим во чреве другого ребенка.

— Ты кажешься мне очень взрослой, Мэрибет. Конечно, недостаточно взрослой для того, чтобы быть матерью... но у тебя есть чем поделиться с другими людьми. Ты поступаешь правильно — и по отношению к себе, и по отношению к ребенку. Я просто не хочу, чтобы Томми пострадал или сделал какую-нибудь глупость.

— Он не сделает, — ответила Мэрибет, вытирая слезы. — Я ему не позволю. Конечно, иногда мне и самой хочется оставить ребенка себе. Но дальше-то что? Что я буду делать через месяц, через год... или если я не смогу найти работу и мне никто не поможет? И Томми не удастся окончить школу, если у него на шее будет висеть жена с ребенком. Мы не можем себе этого позволить.

Я знаю, что я не должна так говорить о собственном сыне или дочери, но я хочу, чтобы и у него — или у нее — была достойная

жизнь.

Ребенок имеет право получить больше, чем могу дать ему я, — родителей, которые души в нем не будут чаять и не будут бояться ответственности так, как боюсь я. Я очень хочу растить его, но я знаю, что я просто не могу... и это меня пугает.

Эти мысли разрывали ей сердце — особенно сейчас, когда ее дитя уже жило внутри ее своей жизнью, постоянно напоминая о себе нетерпеливыми движениями. Не замечать или отрицать его существование было невозможно.

Но Мэрибет считала, что лучшим проявлением ее любви к ребенку будет дать ему жизнь и устроить к хорошим людям, которые посвятят себя малышу. А ей надо уехать куда-нибудь и взяться за воплощение в жизнь своей мечты.

— Доктор Маклин тебе что-нибудь говорил? — спросила Лиз. — По поводу возможных приемных родителей?

Лиз вдруг обуяло любопытство. Она знала несколько бездетных пар, которые были бы счастливы завести ребенка.

— Пока он еще ничего конкретного мне не сказал, — озабоченно откликнулась Мэрибет. — Я надеюсь, что он верит в серьезность моего намерения отказаться от ребенка. Правда, может быть, он думает, что Томми и я...

Она замялась, не в силах подыскать нужные слова, заставив Лиз расхохотаться.

— Будь уверена, он именно так и думает.

Он, признаться, поставил меня в тупик своими словами о том, какой замечательный у меня сын. По-моему, он решил, что это его ребенок. Я тоже подумала об этом, когда узнала о твоём существовании, и, честно говоря, до смерти испугалась... но на самом деле бывают вещи пострашнее. Томми действительно очень достойно повел себя в этой ситуации, особенно если учесть, что это не его ребенок.

— У вас потрясающий сын, — призналась Мэрибет, чувствуя, что эта женщина стала ей ближе родной матери. Она была такая добрая, внимательная, умная, и Мэрибет показалось, что Лиз начинает постепенно отходить после кошмарного года, прожитого без малышки Энни. Мэрибет сама пережила времена страшной печали и знала, что это такое.

— Что ты собираешься делать в ближайшие два месяца? — спросила Лиз, наливая Мэрибет стакан молока и придвигая к ней тарелку с печеньем.

— Работать, что же еще. И заниматься.

И ждать ребенка. Он должен родиться к Рождеству.

— Это очень скоро, — заметила Лиз, тепло посмотрев на свою юную собеседницу. — Если тебе нужна какая-то помощь, не стесняйся, скажи мне.

Лиз хотелось помочь им обоим — и Мэрибет, и Томми, и перед тем, как гостя ушла, она снова напомнила ей о том, что обязательно поговорит о ней в школе.

Мэрибет была в полном восторге и этим же вечером, отправившись в кино с Томми, подробно пересказала ему весь свой разговор с его матерью.

Они смотрели фильм «Дьявол Бвана», надев специальные очки, чтобы изображение казалось объемным. Это первое посещение стереоскопического кинотеатра понравилось им обоим.

А после фильма Мэрибет снова заговорила о том уважении, которое она испытывала к матери Томми.

Лиз, в свою очередь, все более симпатизировала подруге своего сына. На этой неделе она снова пригласила ее обедать. Томми откликнулся на эту новость весьма своеобразно: сильно покраснев, он не без удовольствия сказал, что чувствует себя почти женатым. Он много думал об этом, особенно сейчас, когда до появления ребенка остались считанные недели.

— По-моему, в этом нет ничего страшного, как ты считаешь? — обронил он с деланным безразличием на пути домой. — Я имею в виду в том, чтобы пожениться.

Томми напустил на себя очень важный вид, отчего он казался совсем юным и забавным. Но Мэрибет уже пообещала его матери и самой себе, что она этого не допустит.

— До тех пор, пока я тебе не надоем — через год или два, или когда я стану совсем старухой, например, в двадцать три года, — усмехнулась она. — Ты только подумай, это будет всего через семь лет. С моими темпами у нас к тому времени будет восемь детей.

Она всегда любила подшутить над собой и над ним, но он-то на этот раз не шутил, и она знала это.

— Я серьезно, Мэрибет.

— И я серьезно. В том-то и дело. Мы оба слишком молоды, чтобы создавать семью, и тебе это прекрасно известно.

Но Томми решил не оставлять эту тему. Он не позволит ей так просто исчезнуть из его жизни.

До родов Мэрибет оставалось еще два месяца, и в течение этого времени Томми собирался, выбрав подходящий момент, сделать ей официальное предложение.

Мэрибет, однако, всячески избегала разговоров об этом.

На следующей неделе они с Томми отправились на каток. Только что выпал первый снег, и озеро покрылось льдом. Томми не мог отказать себе в удовольствии покататься на коньках — это напоминало ему об Энни и о том, как он катался вместе с ней.

— На выходные я всегда приходил с ней сюда. В последний раз это было... за неделю до ее смерти.

Он заставил себя произнести эти слова, хотя воспоминания до сих пор доставляли ему боль. Пора уже было смириться с мыслью, что она умерла, но это по-прежнему было нелегко.

— Знаешь, мне так не хватает ее подшучивания надо мной. Она всегда издевалась над моими влюбленностями... наверное, я бы ее поколотил, если бы она сказала что-нибудь о тебе, — улыбнулся Томми, вспомнив свою маленькую сестру.

В одно из своих посещений дома Уиттейкеров Мэрибет видела комнату Энни. Она вошла в нее случайно, разыскивая туалет.

Здесь все оставалось на своих местах. Ее маленькая кровать, ее куклы, колыбелька, в которой она укачивала их, книжный шкаф, забитый яркими книжками, забавные рисунки на стенах и маленькое розовое одеяло.

Сердце Мэрибет ухнуло куда-то вниз; она не решилась сказать хозяевам, что видела все это. Детская была подобна святилищу, и Мэрибет поняла, как им всем не хватает умершей девочки.

Но сейчас Мэрибет смеялась, слушая рассказы Томми о том, как Энни отпугивала его подружек, считая, что они слишком глупые или слишком уродливые.

— Меня бы она тоже постаралась отпугнуть, — сказала Мэрибет, осторожно ступая на лед. Она вцепилась в руку Томми и отгоняла от себя мысли о том, что ей не следовало бы этого делать. — Особенно

сейчас. Она бы подумала, что я слон, тем более что я и чувствую себя слоном.

Это было кокетство — кроме выпирающего живота, в остальном Мэрибет оставалась все той же статной, длинноногой, рыжеволосой красавицей. Правда, сейчас на льду, в коньках, одолженных у Джулии, она чувствовала себя совсем неуверенно, с трудом сохраняя равновесие.

— Слушай, а может, не надо? — спросил Томми, смутно подозревая, что беременным не стоит кататься на коньках.

— Все будет в порядке, — успокоила его Мэрибет, — до тех пор, пока я не упаду.

С этими словами она проделала несколько танцевальных па, желая продемонстрировать ему, что она вовсе не такая неповоротливая, как кажется.

Томми был поражен легкостью, с какой Мэрибет держалась на льду.

Казалось, что она катается без всяких усилий; но вдруг конек зацепился за что-то, она потеряла равновесие и с глухим звуком упала на лед.

Томми и другие люди, находившиеся на катке, сперва остолбенели, а потом кинулись ей на помощь. Мэрибет ударилась головой, и у нее перехватило дыхание; чтобы помочь ей встать, понадобились усилия трех человек.

Поднявшись наконец на ноги, она чуть было не потеряла сознание. Провожаемый сочувственными взглядами окружающих, Томми помог ей добраться до твердой почвы.

— Отвезите ее в больницу, — понизив голос, посоветовала одна из женщин, катавшаяся вместе со своими детьми. — У нее могут начаться преждевременные роды.

Томми помог Мэрибет залезть в кабину и повез ее к доктору Маклину, проклиная ее и себя за невероятную глупость.

— Зачем ты это сделала? — спрашивал он. — И почему я тебе позволил?.. Как ты себя чувствуешь?

Когда они наконец приехали, Томми был совершенно сокрушен; никаких схваток у Мэрибет, правда, не было, зато у нее сильно болела голова.

— У меня все нормально, — сказала она робко. — Я знаю, это было глупо, но я так устала быть толстой и неуклюжей.

— Ты не толстая. Ты беременная, — возразил Томми. — И это состояние временное.

И ты не должна убивать своего ребенка только потому, что ты его не хочешь.

Услышав эти слова, Мэрибет заплакала; к тому времени, когда они наконец добрались до кабинета доктора Маклина, оба были в дурном настроении.

Мэрибет все еще была в слезах, а Томми, извинившись за свои опрометчивые слова, продолжал тем не менее ругать ее за то, что она отправилась на каток.

— Что случилось? Что случилось? Боже праведный, что тут происходит?

Доктор не мог понять, о чем спорят эти молодые люди. В конце концов он уяснил, что Мэрибет ударилась головой и пыталась убить своего ребенка.

Будущая мама снова начала плакать и наконец призналась, что упала на лед во время катания на коньках.

— На коньках?! — изумленно переспросил врач.

Ни одна из его пациенток не каталась на коньках в таком положении. Но этим ребятам было всего по шестнадцать лет, и трудно было ожидать от них благоразумия во всем.

Чтобы успокоить их, он прочел Томми и Мэрибет коротенькую лекцию. Никакой верховой езды, никаких коньков, никаких велосипедов и мотоциклов и никаких лыж.

— И забудьте о футболе, — добавил он с улыбкой, заставив Томми хихикнуть. — Вы должны вести себя благоразумно. И кроме того, — он решил дополнить список еще одним видом спорта, который был им воспрещен, — до рождения ребенка — никакого секса.

Ребята не стали прояснять ситуацию, в особенности то, что Томми еще был девственником.

— Я могу вам доверять? Вы больше не пойдете на каток? — доктор внимательно посмотрел на робко съезжившуюся Мэрибет.

— Обещаю, доктор...

Томми отправился на стоянку перед клиникой, чтобы подогнать машину к самому подъезду, а она напомнила врачу о том, что не

собирается оставлять ребенка и хочет, чтобы он помог ей найти приемных родителей.

— Ты это серьезно? — удивленно воззрился на нее доктор.

Юный Уиттейкер был предан ей до гроба и женился бы на ней в любой момент, это было очевидно.

— Ты уверена, Мэрибет?

— Да... по крайней мере я не вижу другого выхода, — ответила она потухшим голосом. — Я не могу заботиться о ребенке.

— А его семья вам разве не поможет?

Доктор Маклин знал о том, что Лиз Уиттейкер хотела бы еще иметь детей. Может быть, они просто не одобряли того, что их сын завел ребенка так рано, да еще и вне брака. Верный данному ребятам обещанию, он ни о чем не спрашивал Лиз.

Но Мэрибет была тверда в своем решении:

— Я не хочу, чтобы они мне помогли, не надо вмешивать их в это дело. Мой ребенок имеет право на то, чтобы его растили настоящие родители, он должен иметь полноценную семью. Как я смогу воспитывать его и одновременно заниматься? На что я буду его кормить? Мои родители меня даже на порог не пустят, если я заявлюсь к ним с ребенком на руках.

На глазах у нее выступили слезы; доктор с сочувствием коснулся руки девочки. Она была слишком молода, чтобы выдержать такие испытания.

Тут вернулся Томми за своей подружкой.

— Я подумаю над этим, — пообещал доктор Маклин и велел Томми уложить ее на пару дней в постель. Никакой работы, никаких развлечений, никакого секса, никаких коньков.

— Хорошо, сэр, — сказал он, поддерживая свою подругу, чтобы она не поскользнулась на обледеневших ступеньках, которые вели в кабину.

На обратном пути Томми спросил ее, о чем она говорила с доктором. Когда он вернулся за ними, они оба выглядели очень серьезными.

— Он пообещал помочь найти родителей для ребенка, — сказала Мэрибет и запнулась, заметив, что он везет ее не к ней домой. — Слушай, а куда мы едем? — с беспокойством спросила она.

Мэрибет снова расстроилась после разговора с доктором Маклином. Отказаться от ребенка было не так-то просто, хотя она и понимала, что это был единственный разумный выход из положения. Мэрибет уже осознала, что расставание с малышом будет очень болезненным, и это пугало ее не меньше, чем предстоящие роды.

— Я позвонил маме, — объяснил тем временем Томми. — Доктор сказал, что ты можешь вставать только к столу. В остальное время ты должна лежать в постели. И я попросил маму, чтобы она разрешила тебе провести эти выходные у нас.

— Нет, Томми... зачем ты это... я не могу... где я буду...

Мэрибет совершенно растерялась, не желая навязываться его родителям, но Лиз Уиттейкер приняла эту ситуацию довольно спокойно и ни секунды не колебалась. Она только пришла в ужас от той глупости, которую совершили легкомысленные дети.

— Все будет хорошо, Мэрибет, — спокойно сказал Томми. — Мама сказала, что ты можешь спать в комнате Энни.

При этих словах голос его слегка дрогнул.

В течение одиннадцати месяцев в эту комнату никто не заходил, но сейчас мама сама предложила это, приготовив постель для Мэрибет к их приезду. Девочку ждали свежие простыни и чашка горячего шоколада.

— Как ты себя чувствуешь, детка? — с беспокойством спросила Лиз, когда Мэрибет неуклюже выбралась из фургона.

Самой Лиз в свое время пришлось пережить несколько выкидышей, и она не хотела, чтобы то же самое произошло с Мэрибет, особенно на этой стадии.

— Как же тебе в голову пришла такая глупость? Слава Богу, она хоть ребенка не потеряла, — обратилась она уже к Томми.

Долго сердиться на них было нельзя, они оба были еще так молоды, а теперь, когда она накинулась на них с упреками, выглядели вообще напраказившими детьми.

Лиз дала ей одну из своих ночных рубашек и уложила в узкую постель Энни. Мэрибет почувствовала себя вдруг маленькой девочкой.

Ее ярко-рыжие волосы рассыпались по подушке, и все куклы Энни внимательно смотрели на нее.

Мэрибет проспала несколько часов, пока Лиз не пришла проверить ее и не провела рукой по ее щеке, чтобы убедиться в том,

что температура не поднялась. Лиз сама позвонила доктору Маклину, и он уверил ее в том, что ребенок не пострадал.

— Они еще такие юные, — с улыбкой сказал доктор.

Он обмолвился также, что ему очень не нравится решение Мэрибет отказаться от ребенка, но не стал развивать эту тему. Ему не хотелось, чтобы Лиз думала, что он вмешивается в их дела.

— Она хорошая девочка, — со значением произнес он в конце их беседы, и Лиз согласилась с ним.

Снова придя проведать свою подопечную, она обнаружила, что та только что проснулась и почти не жалуется на головную боль. Однако Мэрибет чувствовала себя виноватой оттого, что нарушила уединение этой комнаты. Меньше всего на свете ей хотелось расстраивать этих добрых людей и доставлять им лишние хлопоты.

Лиз была удивлена тем, как хорошо и спокойно ей было в комнате Энни, как приятно снова сидеть на этой кровати, глядя в огромные зеленые глаза Мэрибет.

Казалось, только сейчас Лиз поняла, что со смертью дочери жизнь не остановилась — она продолжается.

— Как ты себя чувствуешь? — шепотом спросила ее Лиз.

Мэрибет проспала почти три часа, в то время как Томми, оставив ее на попечение мамы, отправился играть в хоккей.

— Тело немножко ноет, и трудно двигаться, но вообще-то мне гораздо лучше. Я так испугалась, когда упала. Я думала, что ребенок погибнет, потому что он некоторое время не шевелился... а Томми начал обвинять меня... что я это нарочно... в общем, это было ужасно.

— Он просто испугался, — ласково улыбнулась Лиз, — как, впрочем, и ты. Ну ничего, теперь тебе осталось ждать совсем недолго.

Доктор Маклин сказал, что всего шесть-семь недель.

Лиз с теплом и нежностью смотрела на Мэрибет. Такая юная девушка вряд ли могла справиться с необходимостью заботиться о другом человеке, растущем у нее в животе.

— Меня ожидание детей приводило в восторг, — задумчиво продолжала Лиз, — я так тщательно все готовила...

Она внезапно замолчала и посмотрела на Мэрибет печальным взглядом, понимая, что в этом случае все будет совсем иначе.

— Прости меня, — сказала она со слезами на глазах, но Мэрибет улыбнулась и легко коснулась ее руки.

— Ничего... спасибо, что вы позволили мне побыть здесь. Мне нравится эта комната... как странно, мы ни разу не встречались с Энни, но я ее очень люблю. Она иногда мне снится, и потом, Томми так много рассказывает про нее...

Мне всегда кажется, что она здесь, рядом... в наших сердцах...

Мэрибет боялась огорчить Лиз своими словами, но та только печально улыбнулась и кивнула.

— Я чувствую то же самое. Она всегда рядом со мной.

В последнее время Лиз чувствовала себя гораздо более спокойной — и Джон тоже. Может быть, они наконец-то начали выбираться из этого ада. Может быть, они смогут как-то жить дальше.

— Томми мне рассказывал о твоей теории... о людях, которые проходят через нашу жизнь, чтобы одарить нас чем-нибудь. Знаешь, мне это нравится. Энни была с нами так недолго... теперь мне кажется, что эти пять лет пролетели слишком быстро, но это был такой подарок для всех нас... Я рада, что она у меня была. Она столькому меня научила... смеяться, любить, делать подарки.

— Я об этом и говорю, — тихо отозвалась Мэрибет, и две женщины крепко сжали друг другу руки. — Она действительно многому вас научила... и она даже меня научила, как обращаться с Томми, хотя я ее совсем не знала...

Мой ребенок меня тоже многому научит, я уверена... хотя он будет со мной всего несколько дней... или несколько часов, — продолжала она со слезами в голосе. — И я хочу дать своему ребенку самый лучший дар — людей, которые будут его любить.

Мэрибет закрыла глаза, и по щекам ее покатались слезы. Лиз наклонилась и поцеловала девушку в лоб.

— Так и будет. А теперь постарайся еще немного поспать... вы оба в этом нуждаетесь.

Мэрибет кивнула, не в силах произнести больше ни слова, и Лиз тихо вышла из комнаты. Она понимала, что Мэрибет предстоит время тяжелых испытаний — но и великих даров, и великих приобретений.

Томми пришел домой еще до того, как стемнело, и с порога спросил о самочувствии Мэрибет. Лиз успокоила его:

— Она чувствует себя хорошо и спит.

Томми заглянул к ней в комнату и умилился увиденной картине: спящая Мэрибет держала в руках одну из кукол Энни и напоминала маленькую девочку.

Он вышел на кухню, неожиданно чувствуя себя взрослым, и странным взглядом посмотрел на свою мать.

— Ты очень любишь ее, сынок?

— В один прекрасный день я женюсь на ней, мама, — уверенно ответил он.

— Не надо пока строить таких планов. Ни ты, ни она не знаете, как распорядится жизнь.

— Я ее из-под земли достану. Я не отпущу ее. Знаешь, я так люблю ее... и ребенка, — закончил он тоном человека, принявшего решение.

— Ей будет очень трудно отказаться от него, — промолвила Лиз.

Она беспокоилась за них обоих — слишком уж серьезное бремя взвалили они на свои хрупкие плечи: Мэрибет — случайно, Томми — по доброте душевной.

— Я знаю, мама, — просто ответил он.

Когда Мэрибет осторожно спустилась из комнаты Энни к обеду, Томми сидел за кухонным столом и занимался.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он с улыбкой.

Она выглядела посвежевшей и очень красивой.

— Как будто я целую неделю ничего не делала.

Мэрибет виноватым взглядом посмотрела на его мать, заканчивавшую приготовления к обеду. Лиз в последнее время снова взялась за готовку, и даже Томми это очень нравилось.

— Садитесь, молодая леди. Вам совершенно не обязательно участвовать в происходящем. Вы же слышали, что вам рекомендовал доктор — постель или в крайнем случае кресло. Томми, усади, пожалуйста, свою подругу.

И не забудь, что завтра тебе не стоит брать ее с собой на каток.

Они оба виновато заулыбались, как нашкодившие дети, и взяли по куску только что испеченного шоколадного торта.

Лиз была рада тому, что в доме опять звучали молодые голоса. Здорово, что Томми привел эту девочку, хотя ей было несколько странно наблюдать за ней — Мэрибет напоминала ей о том, что она

никогда не увидит свою Энни повзрослевшей. Однако и ей, и Джону нравилось общество Мэрибет.

Когда Джон вернулся с неурочной субботней работы, он был приятно удивлен, застав всю компанию на кухне.

— Что тут происходит? Что-то празднуете? — громко спросил он, внутренне порадовавшись уютной атмосфере, царившей в еще недавно столь унылой кухне его дома.

— Нет, просто хорошая взбучка. Томми сегодня попытался убить Мэрибет, предложив ей покататься на коньках.

— Господи помилуй... но почему не футбол? — Джон посмотрел на своего сына, словно желая лишний раз напомнить о том, как они оба молоды.

Но Томми выдержал его взгляд.

— В футбол мы поиграем завтра, папа.

После хоккея.

— Замечательный план. — Джон усмехнулся, поняв с облегчением, что ничего серьезного не произошло.

После обеда они стали играть в шарады и в скрэбл. У Мэрибет получилось два слова из семи букв, и она была бесспорным лидером.

Немного позже Лиз сообщила ей о том, что их затея со сдачей экзаменов экстерном, похоже, воплотится. Если Мэрибет в конце года сдаст четыре экзамена, ей не только зачтут последний год учебы в средней школе, но и целый семестр в старшем классе. Ее успехи были намного выше среднего уровня, и после успешной сдачи экзаменов до выпуска ей останется только один семестр.

— Ты выиграла, детка, — поздравила ее Лиз, гордясь ею так, будто она была одной из ее учениц.

— Нет, это не я, — возразила Мэрибет, — а вы. Я вам так благодарна...

Она вся светилась от радости и не преминула с победным видом напомнить Томми о том, что теперь она старшеклассница.

— Ладно-ладно, не задавайся. Знаешь, моя мама запросто тебя завалит, если захочет. Она старшеклассникам спуску не дает.

В этот вечер у всех было прекрасное настроение. Даже беспокойное поведение ребенка, который словно мстил матери за падение, толкаясь в ее животе с удвоенной энергией, так, что это было

видно всем окружающим, не могло отразиться на приподнятом состоянии Мэрибет.

— По-моему, он на тебя рассердился, — сказал Томми позже, сидя на кровати Мэрибет и ощущая сильные толчки малыша. — Еще бы.

Знаешь, я просто дурак... Прости меня...

— Да ничего, мне даже понравилось, — улыбнулась Мэрибет.

Она была все еще под впечатлением от того, что у нее все так удачно складывается в школе.

— Это много для тебя значит, правда?

Я имею в виду школу, — спросил Томми.

Они поговорили об учебе, о том, что она вернется в свою родную школу уже в другом статусе, и Томми внимательно наблюдал за ее лицом.

— Я хочу вернуться, чтобы закончить школу, а потом уеду как можно скорее. Даже полгода покажутся мне вечностью.

— А ты приедешь сюда? — с надеждой спросил Томми. Ему было больно думать о том, что она уедет.

— Конечно, — не слишком уверенно сказала она. — Я попробую. Ты ведь тоже можешь ко мне приехать.

Впрочем, они оба догадывались, что ее отец будет не слишком-то доволен его визитом и не будет с ним так приветлив, как его родители были с ней. Подобно Томми, они просто влюбились в Мэрибет. И теперь могли понять, почему она так нравилась их сыну.

— Может быть, я приеду на следующее лето, перед тем как поехать в Чикаго.

— Почему в Чикаго? — расстроено спросил он, думая о том, как быстро пролетит это лето. — Почему ты не хочешь поступить в колледж здесь?

— Я попробую, — уступила она, — я посмотрю, смогу ли я пройти конкурс.

— С твоими отметками тебя в любой колледж примут.

— Не уверена, — усмехнулась она, и Томми поцеловал ее, заставив забыть и об отметках, и о школе, и о колледже, и даже о ребенке, который изо всех сил толкал Томми, пока тот обнимал свою подругу.

— Я люблю тебя, Мэрибет, — в который раз повторил он, — я люблю вас обоих. Я хочу, чтобы ты всегда об этом помнила.

Мэрибет кивнула, и он еще долго держал ее в объятиях, сидя рядом с ней на узкой кровати и тихо говоря с ней обо всем, что с ними произошло.

Его родители уже легли, прекрасно зная, где он. Но они вполне доверяли своему сыну.

И когда Мэрибет начала зевать, Томми улыбнулся ей и тихо вышел, чтобы отправиться в свою собственную комнату, задаваясь вопросом, что же с ней будет дальше.

Глава 8

Как-то раз, сидя с Мэрибет над работой по истории, Лиз пригласила ее отпраздновать с ними День Благодарения.

Эта работа была одним из тех важных заданий, которые Лиз составила специально для экзаменов Мэрибет. Девочка занималась часами, каждый вечер после ресторана, иногда засиживаясь до двух или трех часов ночи. Она чувствовала, насколько это важно для нее. Ей хотелось успеть сделать как можно больше перед своим возвращением в школу. Задания, которые давала ей Лиз, должны были стать для нее пропуском в свободную жизнь. Мэрибет страстно желала окончить школу в июне и затем попытаться поступить в колледж. Разумеется, отец этого не одобрит; поэтому-то она так и стремилась в Чикаго.

Лиз тем временем прощупывала почву в Гринелле, выясняя, сможет ли Мэрибет поступить в колледж здесь. Куда бы Мэрибет ни пожелала отправиться для продолжения учебы, Лиз собиралась написать ей положительные рекомендации. Качество ее работ позволяло надеяться, что способную девушку примут в любой университет.

Лиз могла только удивляться тому, как Мэрибет не повезло с родителями, абсолютно не понимавшими необходимость образования для своей одаренной дочери.

— Папа считает, что девочкам образование совершенно не нужно, — со вздохом сказала Мэрибет, убирая книги в сумку.

Закончив занятия, женщины принялись готовить обед. У Мэрибет был в этот день выходной, и она даже помогла Лиз проверить тетрадки учеников младших классов.

— Мама никогда не училась в колледже, хотя это бы ей не помешало. Она любит читать и любознательна по характеру, но папа терпеть не может, когда она читает, даже если это только газета. Он говорит, что женщинам не нужно знать ничего лишнего, это их свращает с пути истинного. Они только и должны делать, что следить за детьми и за тем, чтобы дом был чистым и обед вовремя подавался на стол. Он всегда утверждал, что не нужно оканчивать колледж, чтобы уметь менять пеленки и мыть посуду.

— Да, очень откровенное и циничное заявление, — отозвалась Лиз, с трудом скрывая свой гнев.

Она не понимала, почему современные женщины не могут совмещать работу по специальности с умением хорошо вести хозяйство и заботиться о своих мужьях и детях. Лиз была очень рада тому, что в этом году снова начала работать. Она уже успела забыть о том, какое удовлетворение получала от этого в прошлом и как ей нравилось преподавать. Она сидела дома так долго, что удовольствие от общения с учениками как-то померкло в памяти, потускнело.

Но теперь, когда Энни умерла, это помогло ей немного заполнить пустоту в душе и убить свободное время, которого у нее теперь было так много. Иногда работа хоть немного заглушала боль, никогда, впрочем, до конца не оставлявшую ее.

Лиз по-прежнему не касалась этой темы в разговорах с Джоном. Они вообще мало разговаривали — им было нечего сказать друг другу, но та раздраженность, которая последнее время постоянно сопровождала их отношения, понемногу улетучивалась.

Часто Джон касался ее руки или о чем-то спрашивал ее тем ласковым голосом, который напоминал ей о счастливых временах, когда была жива Энни и они еще не потеряли друг друга во тьме отчаяния.

В последнее время он стал приходить домой раньше, а Лиз снова начала уделять внимание дому и семье. Как будто знакомство с Мэрибет помогло им смягчиться и опять сблизиться. Она была такая ранимая, такая юная, и они с Томми так любили друг друга.

Глядя на эту влюбленную пару, Лиз не могла сдерживать улыбки.

Накрывая на стол, она повторила свое приглашение.

— Я не хочу навязывать вам свое общество, — ответила Мэрибет. — Я и так слишком злоупотребляю вашим гостеприимством.

Она уже решила, что будет делать на День Благодарения — поработает в ресторане для тех редких посетителей, которые в этот семейный праздник забредут к ним на ужин с индейкой.

Большинство ее подруг справляли праздник дома, в кругу семьи. Мэрибет некуда было пойти, и она подумала, что лучше останется на работе.

К тому же она чувствовала бы себя немного виноватой — ей не хотелось подводить Джимми, отправившись к Томми и его родителям.

Она ведь пообещала ему выйти на работу, в чем Мэрибет честно призналась Лиз.

— Тебе не следует так много работать, — проворчала Лиз, наливая суп в супницу. — Тебе вредно так долго находиться на ногах.

До родов оставался всего месяц, и Мэрибет чувствовала себя очень неповоротливой и неуклюжей.

— Ничего, — тихо ответила она, пытаясь не думать о том, что может навредить этим своему ребенку — Мэрибет постоянно ощущала его толчки, иногда такие сильные, что она замирала на месте и стояла, глубоко дыша, чтобы прийти в себя.

— Как долго ты собираешься работать? — спросила Лиз, когда они наконец закончили накрывать на стол и присели в ожидании мужчин.

— Я думаю, до самых родов, — пожала плечами Мэрибет.

Ей нужны были деньги, а рассчитывать она могла только на себя.

— По-моему, ты должна уволиться через некоторое время, — мягко сказала Лиз. — По крайней мере за две недели до срока. Даже в твоём возрасте это слишком тяжелое испытание. Кроме того, я бы хотела, чтобы ты немного позанималась перед экзаменами.

Экзамены были назначены на середину декабря.

— Я сделаю, что смогу, — пообещала Мэрибет, и обе женщины стали болтать о другом.

Лиз уменьшила огонь на плите, чтобы приготовленные блюда не остывали.

Томми и Джон появились вовремя, минута в минуту, оба в прекрасном настроении. После школы Томми отправился в магазин отца, чтобы помочь ему, и Джон впервые за долгое время позвонил домой, чтобы спросить, когда им прийти к обеду.

— Ну что, девочки, мы явились слишком рано, ничего еще, конечно, не готово? — шутливо спросил Джон.

Он нежно поцеловал Лиз, не зная, как она отреагирует на его ласку.

В последнее время супруги явно сближались, но это немного настораживало их обоих.

Они так долго сторонились друг друга, что любая близость между ними казалась им непривычной и странной.

Джон с теплой улыбкой посмотрел на Мэрибет. Молодые люди о чем-то тихо переговаривались, и Томми нежно держал свою подружку за руку.

Все они провели день замечательно, и Лиз поручила Томми уговорить Мэрибет присоединиться к ним на День Благодарения. Впрочем, этого было не так трудно добиться.

После обеда Томми подвез ее домой, и они долго сидели в кабине фургона и разговаривали. В эти дни Мэрибет чувствовала какую-то непонятную ностальгию. Она стала очень чувствительной ко многим вещам; она грустила по прошлому и опасалась будущего.

Ей внезапно захотелось прильнуть к Томми и никогда не отпускать его. Это было стремление, которого она от себя совершенно не ожидала. Ей хотелось проводить с ним гораздо больше времени, чем раньше, и она всегда чувствовала себя счастливой, как только замечала его высокую, по-юношески угловатую фигуру.

— Ты себя нормально чувствуешь? — ласково спросил Томми, когда она, смахнув непрошеные слезы, согласилась прийти на День Благодарения.

— Да, со мной все в порядке. — Мэрибет смущенно вытерла слезы. — Я знаю, это глупо, что я так часто плачу... но я ничего не могу с собой поделать в последнее время... Твои родители так хорошо ко мне относятся, хотя еле знают меня. Миссис Уиттейкер помогла мне со школой, со всем... они так много для меня сделали, что я не знаю, как их благодарить.

— Выходи за меня замуж, — серьезным тоном произнес Томми, но Мэрибет только покачала головой.

— Неужели ты считаешь, что это будет самым лучшим выражением моей благодарности твоим родителям?

— Может быть, так оно и будет. Ты — это самое светлое событие в нашей жизни за все последнее время. Мои родители целый год вообще друг с другом не общались — только переругивались или говорили о том, что надо бы заправить машину и выпустить собаку. Они тебя полюбили, Мэрибет. Мы все тебя полюбили.

— Это не причина для того, чтобы разрушать заодно и твою жизнь, Томми, после того как я искорежила свою. Твои родители просто очень хорошие люди, поэтому так добры ко мне.

— Я тоже очень хороший, — сказал он, не давая ей выйти из кабины, — ты полюбишь меня еще больше, когда мы поженимся.

— Ты с ума сошел, — усмехнулась Мэрибет.

— Да, — кивнул Томми, — из-за тебя. Но ты можешь легко вылечить меня от этого.

— Я не хочу, — отозвалась она.

Ее глаза снова наполнились слезами, но через секунду она засмеялась. В последнее время у Мэрибет настроение изменялось по сто раз на дню, но доктор Маклин сказал ей, что это естественно. Она была на последнем месяце беременности, и ее организм претерпевал самые серьезные изменения. Кроме того, ее юный возраст и ее непростая ситуация особенно располагали к этим эмоциональным перепадам.

Томми довел ее до самых дверей, и они еще долго, обнявшись, стояли на ступеньках.

Вечер выдался ясным и холодным. Томми поцеловал ее на прощание и с новой силой ощутил, как хочет быть рядом с ней всегда. Он отказывался смириться с мыслью, что Мэрибет может и не выйти за него замуж, не разделить с ним супружескую постель и не стать матерью его детей. Томми хотел нести вместе с Мэрибет все жизненные радости и тяготы; он знал, что теперь ее никуда от себя не отпустит.

После еще одного поцелуя он сбежал вниз по ступенькам, радостный и просветленный.

— Что это ты такой счастливый? — спросила его мать, когда он вернулся домой.

— Мэрибет придет к нам на День Благодарения, — ответил Томми, но Лиз почувствовала, что сын чего-то не договаривает.

Ее мальчик жил сейчас мечтами, надеждами и радостями первой любви. Порой чувства так переполняли его, что он казался помешанным.

— А что она еще сказала? — стараясь скрыть свое беспокойство, спросила Лиз.

Лиз понимала, как сильно влюблен ее сын, но знала и то, что Томми в отношениях с Мэрибет ждут серьезные испытания, ведь он влюбился не в одну из своих одноклассниц, такую же беззаботную, как он сам. У Мэрибет была сложная судьба, и разделять ее с ней —

нелегкое дело. Как она перенесет роды, как будет жить дальше с мыслью, что навсегда отдала своего ребенка?

— Как она справляется? Она ведь уже совсем скоро родит.

Мэрибет переносила беременность хорошо, но в данном случае проблема заключалась совсем не в ее самочувствии.

Рождение ребенка без мужа и без помощи семьи, необходимость отказаться от него, тяжелые отношения с родителями — все это было способно выбить из колеи кого угодно.

Мэрибет была непреклонна в своем решении уехать из дома в июне, сразу же после выпуска, если, конечно, она выдержит до июня, в чем Лиз порой сомневалась. Ведь девочка уже в течение пяти месяцев вела совершенно независимый образ жизни. Теперь ей будет трудно вернуться домой и противостоять напору отца, который, конечно же, не простит ей ее прегрешений.

— Мэрибет окончательно решила отказаться от ребенка? — поинтересовалась Лиз, закончив вытирать тарелки.

Томми взял с блюда очередную свежеиспеченную булочку. Ему нравилось обсуждать свои проблемы с мамой — она понимала толк в жизни и не читала ему нотаций. После смерти Энни они перестали разговаривать откровенно, но сейчас мама постепенно возвращалась в свое прежнее состояние.

— Думаю, что да. По-моему, ей очень нелегко дается это решение, но Мэрибет говорит, что не сможет заботиться о нем как следует. Она явно не хочет кому-то его отдавать, но считает, что должна это сделать — ради самого ребенка.

— Последняя жертва, — печально подытожила Лиз, размышляя о том, что это самое худшее, с чем может столкнуться женщина.

Одному Богу было известно, как ей хотелось еще одного ребенка.

— Я постоянно говорю ей, чтобы она этого не делала, но Мэрибет и слушать не желает, — со вздохом сказал Томми.

— Может быть, она и права. Со своей точки зрения. Наверное, Мэрибет хорошо понимает, что может себе сейчас позволить, а чего не может. Она очень молода, и никто не поможет ей. Ее родители, по-моему, не собираются ее поддерживать. Для нее ребенок станет непосильным бременем, поэтому она вынуждена поступать так... неестественно для матери. Если она оставит его, хуже будет обоим — и ей, и ребенку.

Лиз не могла представить этого, но вынуждена была признаться самой себе, что положение Мэрибет никак нельзя было назвать легким.

— Мэрибет именно так и говорит — что она уверена в своей правоте, — подтвердил Томми. — Я думаю, она именно поэтому почти не говорит о ребенке и не покупает детских вещей. Это только доставляет ей лишнюю боль.

Томми, несмотря ни на что, собирался жениться на Мэрибет и воспитывать ее ребенка.

Он был готов к тому, чтобы взять на себя такую ответственность. Родители хорошо его воспитали, и он был исключительно порядочным человеком.

— Ты должен прислушиваться к ее мнению, Томми, — предостерегающим тоном сказала Лиз. — Мэрибет должна все решить сама.

Ей лучше знать, что для нее правильно, а что нет, что бы ты там себе ни думал. Не пытайся давить на нее, — добавила она многозначительно, — и не взваливай на свои плечи то, с чем не справишься. Вы оба слишком молоды, а брак и дети — это такие вещи, которые не слишком легко даются и зрелым людям. Нельзя жениться из альтруистических соображений. Это, конечно, прекрасно, но жить с человеком — это гораздо больше, чем просто помогать ему. Чтобы преодолевать жизненные трудности, которые возникают гораздо чаще, чем ты думаешь, нужно быть очень сильным человеком. В шестнадцать лет ты просто не сможешь этого сделать.

И в сорок... и в пятьдесят... Им с Джоном в последнее время как-то плохо удавалось преодолевать жизненные трудности. Лиз только сейчас начала понимать, что они страшно отдалились друг от друга, утратив способность к взаимной поддержке. У нее часто возникала горькая мысль, что они не выдержат выпавшего на их долю испытания и их брак готов распасться.

— Я ее люблю, мама, — искренне признался Томми, чувствуя, как его сердце сжимается от щемящей боли. — Но пойми, я не хочу, чтобы Мэрибет прошла через все это в одиночестве.

Он всегда был честен с матерью, и Лиз это прекрасно знала. Она понимала, на что ее сын способен ради Мэрибет, но, какими бы прекрасными ни были его намерения и как бы ей ни нравилась

Мэрибет, она все равно не хотела, чтобы они поженились. Если уж вступить в брак, то не сейчас и не по этим причинам.

— Она не одинока. Ты сейчас живешь только ради нее.

— Я знаю. Но это не то, — печально откликнулся Томми.

— Она должна пережить это сама. Это ведь ее собственная жизнь.

Пусть она самостоятельно найдет свою дорогу. Если вы не ошибаетесь в своих чувствах, ничто не разлучит вас, и в один прекрасный день вы будете вместе.

Томми кивнул, не желая спорить, но как ему хотелось убедить всех, что Мэрибет должна оставить ребенка и выйти за него замуж!

К сожалению, сама Мэрибет была первой, кто на это никогда не согласится, да и родители тоже были явно против. Это упрямство бесило его.

Но в День Благодарения, усевшись за праздничный стол, они словно стали одной счастливой семьей...

Лиз постелила на стол свою лучшую кружевную скатерть, принадлежавшую когда-то бабушке Джона, — ее подарили им на свадьбу — и подала обед в китайском сервизе, которым пользовалась лишь для особых случаев.

Мэрибет пришла в темно-зеленом шелковом платье, которое можно было носить с поясом и тогда, когда ее фигура обретет прежнюю стройность; ее густые рыжие волосы были распущены и волнами лежали на плечах. Со своими огромными зелеными глазами она выглядела юной и трогательной и, несмотря на выпирающий живот, очень привлекательной.

Лиз надела ярко-голубое платье и подкрасила щеки, чего с ней не случалось уже очень долго. Мужчины тоже принарядились; в доме царил теплая и праздничная атмосфера.

Мэрибет принесла Лиз цветы, огромные желтые хризантемы, и коробку шоколадных конфет, которые, как она знала, пользовались большим успехом у Томми.

Закончив ленч и усевшись у камина, они еще больше стали походить на счастливую дружную семью.

Для Уиттейкеров это был первый большой праздник без Энни, и Лиз очень боялась этого дня. Она постоянно вспоминала свою

маленькую дочку, но, когда рядом были Мэрибет и Томми, эти воспоминания не вызывали у нее такой обостренной реакции.

Потом Лиз и Джон вышли прогуляться, а Томми с Мэрибет решили немного покататься. Мэрибет удалось освободиться на все выходные, потому что в ресторане ее любили, жалели и шли ей навстречу. Томми уговорил ее пожить эти дни в доме Уиттейкеров.

— Эй, только на коньках не катайтесь! — крикнула им вслед Лиз, придерживая на поводке собаку.

Они с Джоном собирались зайти к друзьям на пару часов, после чего все четверо, Джон, Лиз, Томми и Мэрибет, намеревались пойти в кино.

— Ну, что будем делать? — спросил Томми на пути к озеру.

Ответ Мэрибет был неожиданным; услышав его, Томми почувствовал смесь облегчения и удивления. Он весь день думал о том, что должен туда сходить, но не заговаривал об этом, боясь, что родители его намерение сочтут странным.

— Как ты считаешь, может быть, заехать на кладбище? — нерешительно спросила Мэрибет. — Я просто подумала... понимаешь, сегодня я как бы заняла место Энни — но только условно, конечно. Мне бы так хотелось, чтобы она была с нами, чтобы твои родители были опять счастливы. Не знаю... мне просто хочется побывать там и... познакомиться с ней.

— Да, — откликнулся Томми, — мне тоже.

Он чувствовал абсолютно то же самое.

Впрочем, его родители явно потихоньку выбирались из пучины своего горя и стали гораздо терпимее относиться друг к другу.

Они остановились и купили цветы — маленькие желтые и красные розочки, перевязанные длинными розовыми лентами. Мэрибет осторожно положила их на могилу, рядом с небольшой плитой из белого мрамора.

— Здравствуй, малышка, — тихо сказал Томми, вспоминая вечно искрящиеся смехом большие голубые глаза. — Мама сегодня приготовила отличную индейку. Правда, тебе бы не понравилось — она была с изюмом.

Они долго сидели на могиле в полном молчании, держась за руки и думая о маленьком ангеле, лежащем здесь.

Трудно было поверить, что она умерла почти год назад. Иногда Томми казалось, что прошло только несколько дней, иногда — что целая вечность.

— Пока, Энни, — ласково попрощалась с ней Мэрибет, тяжело поднимаясь, чтобы уйти.

Они оба знали, что унесли с собой частицу ее души. Энни оставалась с ними всегда — в воспоминаниях Томми, в комнате, где спала Мэрибет, в грустном взгляде Лиз.

— Энни была такой милой девчонкой, — сдавленным голосом произнес Томми на пути к машине. — Я до сих пор не могу поверить, что она умерла.

— Она не умерла, — мягко сказала Мэрибет. — Ты просто не можешь ее увидеть, Томми. Но она всегда остается с тобой.

— Я знаю, — как-то неуверенно ответил он. Во всяком случае, ему очень хотелось в это верить. — Но я все равно по ней сильно скучаю.

Мэрибет кивнула и придвинулась к нему поближе. Праздничные дни заставили ее думать о своей семье, а этот разговор об Энни напомнил ей о том, как она скучает по Ноэль.

Она ни разу не разговаривала с сестрой после отъезда из дома, а несколько месяцев назад мама сказала ей по телефону, что отец даже не разрешает Ноэль читать письма от Мэрибет. Правда, она увидит сестру совсем скоро... но вдруг с ней что-нибудь случится... как с Энни...

Одна мысль об этом заставила ее похолодеть.

Когда они вернулись домой, Мэрибет выглядела какой-то подавленной и притихшей, и Томми знал, что она из-за чего-то переживает.

«Может быть, не надо было возить ее на могилу Энни, — подумал он. — Наверное, на этой стадии беременности такая поездка могла только выбить ее из колеи».

— Как ты себя чувствуешь? Может быть, хочешь полежать?

— Да нет, со мной все в порядке, — ответила Мэрибет, борясь с подступающими слезами.

Родители Томми еще не вернулись — они с Мэрибет пришли раньше.

И вдруг Мэрибет сказала нечто, поразившее его:

— Как ты думаешь, твои родители не рассердятся, если я позвоню домой? Я просто подумала... что, может быть, в праздники... знаешь, я просто хочу поздравить своих близких с Днем Благодарения.

— Конечно, звони, пожалуйста.

Томми был уверен, что родители ничего не скажут. А если что, он сам заплатит за звонок.

Мэрибет сказала свой домашний номер телефонистке и стала ждать, а Томми вышел из комнаты.

К телефону подошла мама. Мэрибет показалось, что она тяжело дышит от того, что торопилась к аппарату. Она говорила громко, пытаясь перекричать шум вокруг нее.

На День Благодарения в их дом всегда приходили ее тетушки со своими мужьями и маленькими детьми. Дети визжали и смеялись, и мама не сразу поняла, кто звонит.

— Кто это... эй, прекратите! Я ничего не слышу! Кто это?

— Это я, мама, — чуть погромче сказала Мэрибет. — Это я, Мэрибет. Я хотела поздравить тебя с Днем Благодарения.

— О Господи! — сказала мама, внезапно разрыдавшись. — Отец меня убьет.

— Я просто хотела узнать, как вы там.

Мэрибет ужасно захотелось прижаться к маме и обнять ее. До этого момента она не осознавала, как сильно ей не хватает материнской ласки. — Я очень по тебе соскучилась, мама.

Слезы подступили к ее глазам, а Маргарет Робертсон ничего не могла сказать и только всхлипывала.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, понизив голос и надеясь, что больше никто ее не услышит. — Ты еще не...

— Нет, но уже скоро. В этом месяце.

Мэрибет не успела договорить, как на другом конце линии послышались какие-то невнятные звуки, шум возни, спор, и в трубке раздался резкий и сердитый голос.

— Кто говорит? — рывкнул он, хотя по испуганному и растерянному виду жены прекрасно понял, кто звонит.

— Здравствуй, папа. Я просто хотела поздравить тебя с Днем Благодарения.

Руки Мэрибет дрожали, но она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал спокойно.

— Все уже позади? Ты знаешь, что я имею в виду, — безжалостно и грубо спросил отец, заставив Мэрибет сжать зубы, чтобы не расплакаться.

— Нет еще... просто я... я хотела...

— Я же запретил тебе звонить сюда, пока все не кончится. Возвращайся домой после того, как решишь все свои проблемы и избавишься от него. А до тех пор не звони. Поняла?

— Я поняла, я... папа, пожалуйста...

Мэрибет слышала, как плачет ее мама и как что-то кричит Ноэль, чей-то голос уговаривал отца смягчиться, но отец был непреклонен — он бросил трубку, и плачущая Мэрибет так и осталась стоять с трубкой в руках.

Телефонистка спросила ее, закончен ли разговор.

Мэрибет даже не могла ей ответить, рыдания душили ее. Она просто положила трубку и тяжело опустилась на стул, всхлипывая и размазывая слезы по лицу.

Томми, вернувшись в комнату и увидев ее в таком состоянии, пришел в ужас:

— Что случилось?

— Он не дал мне... поговорить с мамой, — с трудом выговорила Мэрибет, — и запретил мне звонить до того, как я избавлюсь от ребенка. Он... Я...

Она даже не могла сказать ему, что чувствует, но это было и так понятно.

Когда через полчаса домой вернулись родители Томми, Мэрибет все еще была очень расстроена. Томми заботливо уложил ее, опасаясь, что ей станет плохо из-за этого тяжелого разговора.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Лиз.

— Мэрибет позвонила родителям, чтобы поздравить их с праздником, а ее отец стал кричать на нее. Кажется, она сначала говорила с мамой, потом отец отобрал у нее трубку и сказал Мэрибет, чтобы она не звонила и не возвращалась домой, пока не пристроит ребенка. Это ужасно, мама. Как же она туда вернется?

— Не знаю, — с тревогой ответила Лиз. — Нормальные родители так себя не ведут. По-моему, Мэрибет очень привязана к своей матери... с другой стороны, если ей нужно будет потерпеть только до июня...

Лиз, впрочем, прекрасно представляла себе, как тяжело будет Мэрибет, когда она вернется домой.

Она тихонько вошла в комнату Энни и села на постель рядом со все еще плачущей Мэрибет.

— Ты не должна так расстраиваться, детка, — успокаивающим тоном сказала она, беря Мэрибет за руку и мягко перебирая ее пальцы — так она всегда утешала Энни. — Это вредно и тебе, и ребенку.

— Почему он такой нетерпимый человек?

Почему он не дал мне просто поговорить с мамой или с Ноэль?

С кем ей совершенно не хотелось разговаривать, так это с Райаном — он мало чем отличался от отца, был таким же ограниченным и черствым.

— Он думает, что защищает твою сестру от подобных ошибок. Он просто ничего не понимает. Может быть, его смущает то, что произошло.

— Меня тоже смущает. Но ведь на мои чувства к родителям это не повлияло, — обиженно возразила Мэрибет.

— Я не уверена, что он это понимает. Тебе очень повезло — у тебя развитый ум и большое сердце. У тебя есть будущее, Мэрибет. А у твоего отца — нет.

— Какое у меня может быть будущее, миссис Уиттейкер? В моем городе все будут пальцами на меня показывать, когда я вернусь туда. Я уверена, что они все уже знают. Несмотря на то что я уехала, как-нибудь эта тайна да просочится. Сами подумайте, что меня ждет.

Ребята будут думать, что я легкомысленна и доступна, девочки — что я дешевка. Папа никогда не разрешит мне учиться в колледже после окончания школы. Он заставит меня работать у себя в мастерской или оставаться дома и помогать маме, и я похороню себя так же, как она.

— Тебе не придется этого делать, — ласково сказала Лиз. — Совсем не обязательно повторять ее путь. Ты же знаешь себе цену. Ты знаешь, что на самом деле не легкомысленная и не дешевка. Ты окончишь школу и сама решишь, что тебе делать дальше... и ты всего добьешься, я верю в тебя.

— Но отец запретит мне разговаривать с ними. И я больше никогда не смогу говорить с мамой и сестрой.

Она снова начала обиженно всхлипывать, как маленький ребенок, и Лиз крепко обняла ее.

Увы, это было все, что она могла для нее сделать. Когда Лиз думала о том, что такая замечательная девочка вынуждена будет вернуться к этим жалким, ограниченным, недалеким людям, у нее просто сердце защемило от жалости.

Теперь она понимала, почему Томми хочет на ней жениться. Это был самый лучший способ ей помочь. Лиз тоже хотелось, чтобы она жила в их доме, в спокойной и безопасной обстановке.

Но, с другой стороны, это была семья Мэрибет, и Лиз понимала, что девочка, конечно же, скучает по родителям и сестре. Мэрибет всегда говорила о том, как уедет домой после родов. Она не знала точно, что будет делать дальше, но в том, что хочет увидеть своих родных, она не сомневалась.

— Когда ты окажешься дома, отец смягчится, — сказала Лиз, пытаясь как-то утешить Мэрибет, но та только покачала головой и вытерла нос платком Лиз.

— Ничего он не смягчится, — всхлинула Мэрибет. — Он будет обращаться со мной еще хуже. Отец будет постоянно напоминать мне о моем проступке — он же все время говорит о моих тетушках. Папа прямо при них говорит о том, что им пришлось выйти замуж, чтобы скрыть свои грехи, и они всегда очень смущаются. Особенно одна из них. Она почти все время после этого плачет. Другая-то тетка давно сказала папе, чтобы он не смел упоминать об этом, иначе ее муж его побьет. И что вы думаете, в ее присутствии папа действительно не осмеливается говорить на эту тему.

— Может быть, твоя история его чему-нибудь научит, — задумчиво произнесла Лиз. — Может быть, тебе нужно сразу твердо поговорить с ним, сказать ему, что ты не собираешься мириться с его деспотизмом?

Но ведь ей было всего шестнадцать. Как могла эта девочка идти против отца?

Ей просто повезло, что она встретила в чужом городе семью Уиттейкеров. Без них она была бы совершенно одна, наедине с обрушившимися на ее плечи трудностями.

Через некоторое время Лиз помогла Мэрибет подняться и налила ей чаю.

Мужчины сидели у огня, поджидая их, и тихо беседовали.

В конце концов они все пошли в кино, и, когда фильм закончился, настроение у Мэрибет заметно поднялось. Никто больше не говорил о ее родителях, и, вернувшись из кинотеатра, все разошлись по своим комнатам.

— Знаешь, мне ее так жалко, — сказала Лиз мужу, когда они лежали в постели.

Супруги снова сблизились и с прежней откровенностью обсуждали свои проблемы.

Мертвая тишина, так долго царившая в их спальне, наконец-то исчезла.

— Томми тоже ее очень жалко, — ответил Джон. — Как все-таки ужасно, что она забеременела в такие юные годы.

С этим трудно было поспорить, но Лиз сейчас больше занимали родители Мэрибет.

— Я без содрогания и подумать не могу о том, что девочка к ним вернется, но ей все равно хочется домой.

— Ее родители — это все, что у нее есть.

И она еще очень молода, не забывай. Но мне кажется, Мэрибет уже попробовала жить самостоятельно и не захочет быть послушной марионеткой в руках отца. Она хочет поступить в колледж, и никакой отец не сможет ее остановить.

— По-моему, он настоящий деспот. Может быть, с ним нужно поговорить? — вопросительно посмотрела на мужа Лиз. — Ей нужен какой-то выход, какая-то альтернатива, чтобы ей было куда податься, если дома у нее ничего не получится.

— Если ты видишь подходящий выход в их браке с Томми, то я против, — твердо сказал Джон. — По крайней мере сейчас. Они слишком молоды, и потом, Мэрибет совершила большую ошибку и должна пережить этот период своей жизни. Томми не может брать на себя такую ответственность, даже если ему этого хочется.

— Я это знаю не хуже тебя, — огрызнулась Лиз.

Иногда муж все-таки раздражал ее. Никто из них не хотел, чтобы Томми женился, но Лиз было жалко Мэрибет, и она стремилась найти какой-нибудь компромисс. Ей не хотелось расставаться с девушкой, которую она успела полюбить. Их жизненные пути пересеклись не

случайно. Лиз не собиралась отворачиваться от нее и отказывать ей в помощи.

— Я думаю, что это не твое дело, — продолжал Джон. — Мэрибет родит и отправится домой. Если ей будет тяжело, она всегда может позвонить нам. Я уверен, что Томми будет поддерживать с ней связь. Он без ума от нее и не сможет забыть ее, как только она уедет отсюда.

«Правда, расстояние, разделяющее их, будет так велико, что продолжать роман им будет весьма трудно», — подумал он.

— Я хочу с ними поговорить, — внезапно произнесла Лиз, глядя на мужа, но Джон покачал головой. — Я имею в виду ее родителей.

— Лучше не вмешивайся в чужие дела, — посоветовал Джон.

— Это не «чужие» дела. Мэрибет нам не чужая. Родители оставили девочку наедине с ее проблемой именно в тот момент, когда она больше всего нуждается в их участии. Они вынудили ее рассчитывать только на себя. С моей точки зрения, они сами лишили себя права диктовать ей условия, потому что не смогли поддержать ее в такой трудный момент.

— Может быть, они видят все это совсем в другом свете, — пожал плечами Джон.

Ему вообще-то нравилось, что его жена принимает все близко к сердцу и беспокоится обо всем, но иногда он начинал сердиться на нее за это.

Со дня смерти Энни она была равнодушна ко всему, и Джон в какой-то степени радовался тому, что Мэрибет снова зажгла в ней эту искорку. Эта девочка в каждом из них что-то пробудила. Он поймал себя на том, что относится к ней почти отечески.

— Ладно, потом скажешь мне, что ты решила, — подытожил он, когда Лиз наконец потушила свет.

— А ты поедешь со мной, если я решу их повидать? — прямо спросила Лиз. — Я хочу поговорить с ними перед тем, как Мэрибет вернется домой.

Она тоже питала к Мэрибет материнские чувства. Может быть, в один прекрасный день эта славная девочка станет ее невесткой, но даже если этого не произойдет, она так просто не отпустит ее к бесчувственным родителям.

Джон усмехнулся:

— Да, я бы съездил. Я бы с удовольствием посмотрел на то, как ты пытаешься внушить этим людям свои представления о жизни, — сказал он. — Не хотел бы я оказаться на их месте. Скажи мне, когда ты соберешься поехать, — добавил Джон, и она кивнула, благодарная мужу за понимание и поддержку.

— Я им завтра же позвоню, — задумчиво произнесла она, а потом повернулась на бок и посмотрела на своего мужа. — Спасибо тебе, Джон.

Они снова стали друзьями — пока только друзьями. Но это было уже кое-что.

Глава 9

После Дня Благодарения Мэрибет с большим сожалением объявила в ресторане о своем намерении оставить работу.

Она снова имела обстоятельный разговор с Лиз и согласилась с ее доводами: ей надо было как следует подготовиться к экзаменам.

Ребенок должен был родиться сразу после Рождества, и Мэрибет собиралась уволиться пятнадцатого декабря. Уиттейкеры пригласили ее пожить у них до родов. Лиз сказала, что она не должна оставаться одна в последние дни перед родами, и заверила ее в том, что она на самом деле хочет, чтобы Мэрибет провела с ними все это время.

Мэрибет была очень тронута ее добротой, и ей действительно хотелось пожить в этой необыкновенной семье. Она очень боялась приближающихся родов; кроме того, живя в доме Лиз, она могла рассчитывать на ее помощь в занятиях, не говоря уже о том, что она все время была бы рядом с Томми.

Это решение казалось ей идеальным, и Лиз убедила Джона в том, что, разрешив Мэрибет пожить у них, они не только доставят Томми удовольствие, но им самим станет спокойнее, если она будет у них на глазах.

— Кроме того, после родов ей особенно будет нужна поддержка, — объяснила ему Лиз. — Представляешь, как ей будет тяжело после того, как она отдаст ребенка.

Лиз прекрасно представляла себе, как это больно. Потеряв собственное дитя, она слишком хорошо понимала, чего будет стоить Мэрибет отказ от младенца, которого она так долго носила в себе. Душевная боль будет очень сильной, и Лиз хотелось в этот момент находиться рядом.

Сама не замечая, она очень полюбила Мэрибет, и благодаря их совместным занятиям связь между ними становилась все крепче. Мэрибет была очень сообразительной и не жалела сил для того, чтобы расширить свои познания. Больше всего на свете ей хотелось получить образование. Это была ее единственная надежда на будущее.

В ресторане все очень расстроились, когда узнали, что Мэрибет уходит. Но все понимали, что это вынужденная мера. Она говорила всем, что возвращается к себе домой, чтобы родить ребенка там, но о

том, что она на самом деле не была замужем и не собирается воспитывать ребенка, никто не знал.

В последний день ее работы Джулия устроила небольшую вечеринку, на которую почти все сотрудники ресторана принесли подарки для ребенка. Мэрибет получила пинетки, связанный одной из официанток свитер, розово-голубую простынку с маленькими уточками, плюшевого мишку, игрушки, пачку бумажных подгузников от одного из работавших в ресторане парней и детский стульчик от Джимми.

Мэрибет смотрела на все эти симпатичные мелочи, и чувство благодарности переполняло ее. Их щедрость и доброта разрывали ей сердце — ведь никто не знал о том, что кто-то другой будет одевать ребенка во все эти милые вещички.

Только сейчас Мэрибет с особой четкостью поняла, что значит отказаться от ребенка. Из-за всего этого ее дитя стало для нее таким реальным, каким никогда раньше не было. У него теперь были костюмчики, носочки, чепчики и пеленки, плюшевый мишка и высокий стульчик.

У него не было только мамы и папы, и, когда Мэрибет в этот день вернулась домой, она сразу же позвонила доктору Маклину и спросила его, удалось ли ему подыскать для ее ребенка родителей.

— У меня есть на примете три пары, — осторожно сказал он, — но я не уверен в том, что хоть одна из них нам подойдет. Один мужчина признался мне, что любит выпить, и я не хочу отдавать им твоего ребенка. Другая моя пациентка только что забеременела сама. А третья семья вряд ли захочет кого-то усыновить. Правда, я с ними еще не разговаривал. У нас же еще есть время.

— Только две недели, доктор Маклин, всего две недели...

Ей не хотелось отдавать ребенка после того, как она вернется из роддома. Мэрибет знала, что это будет мучительно. А принести его к Уиттейкерам было невозможно. Она не могла так злоупотреблять их гостеприимством.

— Мы что-нибудь придумаем, Мэрибет.

Обещаю тебе. А если мы ничего не найдем, ты сможешь на пару недель оставить ребенка в роддоме. Не волнуйся, мы подыщем ему родителей. Ведь мы же хотим, чтобы это были достойные люди, правда?

Мэрибет согласилась с доктором, но высокий стульчик в углу ее комнаты внезапно показался ей зловещим. Ее коллеги заставили ее пообещать позвонить им и сказать, кто у нее родился — мальчик или девочка, и она сказала, что обязательно позвонит. И сознание того, что она лжет, сделало прощание с ними — особенно с Джулией — невыносимым.

— Береги себя, слышишь! — с наигранной строгостью сказала Джулия. — По-моему, тебе все-таки надо выйти замуж за Томми.

После того как она ушла, все официантки пришли к выводу, что скорее всего она так и сделает, когда родит ребенка.

И доктор Маклин, положив трубку, подумал о том же. Ему не хотелось помогать ей пристраивать ребенка — он понимал, что и она, и Томми когда-нибудь об этом пожалеют.

Он даже подумывал о том, чтобы обсудить все это с Лиз и выяснить, как она относится ко всей этой ситуации, особенно если молодые люди действительно тверды в своем намерении отказаться от ребенка, но он не был уверен в том, что Томми и Мэрибет одобряют его разговор с Уиттейкерами. Положение было очень щекотливым.

Но сейчас он уловил явную тревогу Мэрибет. Ясно, что она хочет какой-то определенности, и он пообещал ей и себе, что предпримет активные поиски приемных родителей.

На следующий день после того, как Мэрибет уволилась из ресторана, Томми помог ей перевезти ее вещи в комнату Энни.

Подаренные ей детские вещички она сложила в коробки и отнесла в гараж, сказав, что потом отправит их приемным родителям. Ей по-прежнему было тяжело просто смотреть на них — она начинала сомневаться в принятом решении.

В субботу утром Лиз сказала им, что они с Джоном уезжают до завтра. Джону нужно было наведаться в некоторые магазины, расположенные на границе штата, и вернуться они собирались только в воскресенье. Им было немного страшновато оставлять Мэрибет и Томми одних; они долго обсуждали этот вопрос, но пришли к выводу, что им можно доверять.

Томми и Мэрибет были благодарны им за возможность побыть наедине и полны благих намерений вести себя хорошо и оправдать

доверие родителей. Впрочем, у Мэрибет был такой огромный живот, что никакого серьезного искушения возникнуть и не могло.

В субботу днем они отправились за подарками к Рождеству.

Для Лиз Мэрибет купила небольшую брошку с камеей. Брошка была дорогая, но очень красивая и вполне в стиле Лиз; Джону она купила специальную трубку с крышечкой, защищающей от ветра.

Бродя вдоль прилавков, она постоянно натыкалась на детские вещи, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы ничего из них не купить.

— Почему ты не хочешь подарить ему что-нибудь? Мишку, маленький медальон, например? — спросил Томми.

Может быть, этот подарок как-то поможет ей искупить свою вину перед ребенком, думал Томми, и она таким образом словно даст ему свое благословение перед тем, как отправить его к приемным родителям.

Однако Мэрибет со слезами на глазах покачала головой. Ей не хотелось, чтобы ребенок имел при себе какое-то напоминание о ней.

Она понимала, что не сможет справиться с искушением искать этот медальон на каждом встречном ребенке.

— Я должна полностью забыть его, Томми.

Полностью, понимаешь? Я не должна привязываться к нему, — сдавленным голосом сказала она.

— Ты все равно не сможешь все забыть, — со значением произнес он, и Мэрибет обреченно кивнула.

Ей не хотелось покидать ни Томми, ни своего ребенка, но она понимала, что иногда жизнь заставляет людей отказываться от самого дорогого. Бывают такие ситуации, когда никакие компромиссы или сделки невозможны.

Томми тоже это знал. Но он уже утратил то, что меньше всего на свете хотел бы потерять. И ему не хотелось теперь точно так же терять ни Мэрибет, ни ее ребенка.

Они вернулись домой, нагруженные свертками, и Мэрибет приготовила ему обед.

Его родители должны были вернуться только на следующий день. Они с Томми сейчас были похожи на настоящих мужа и жену — она суежилась вокруг него, накрывая на стол, мыла посуду, а потом уселась

рядом с ним перед телевизором. Они посмотрели «Ваше любимое шоу» и хит-парад, сидя рядышком, как новобрачные.

Мэрибет не стала противиться, когда Томми усадил ее на колени и нежно поцеловал.

— У меня такое ощущение, что ты моя жена, — сказал он, чувствуя, как ребенок толкается у нее в животе.

Сейчас они были на удивление близки, и оба одновременно подумали о том, что ни разу не занимались любовью. Но они еще много чего никогда не делали.

Сидя у него на коленях, Мэрибет почувствовала его нарастающее возбуждение и еще раз поцеловала его. Томми, в конце концов, было только шестнадцать, и он со всей нерастроченной пылкостью первой любви просто сгорал от желания.

— Неужели тебя возбуждают девушки, которые весят восемьдесят килограммов? — поддразнила она Томми, вставая и потирая ноющую поясницу.

Сегодня они много времени провели на ногах, и Мэрибет чувствовала себя усталой. До родов осталось совсем немного, и живот заметно опустился. Со слов доктора Маклина она узнала, что у нее должен родиться довольно крупный ребенок, и это могло создать дополнительные сложности, потому что Мэрибет была высокая, но узкобедрая и худая. Одна мысль о предстоящих родах приводила ее в ужас.

Этим вечером она призналась ему, что очень боится рожать, и Томми искренне пожалел ее. Ему оставалось только надеяться на то, что это будет не так страшно.

— Может быть, ты этого даже не почувствуешь, — сказал он, протягивая ей тарелку с мороженым.

— Я очень на это надеюсь, — откликнулась она, пытаясь справиться со своим страхом. — А что мы будем делать завтра?

— Давай купим елку и украсим ее до приезда папы с мамой. Это будет наш сюрприз, — предложил Томми.

Мэрибет очень понравилась эта идея, как нравилось ощущать себя частью этой семьи.

Они никак не могли расстаться. И когда она вечером отправилась в комнату Энни, Томми долго сидел у нее на постели, а потом улегся рядом с ней на узкую кровать Энни.

— Мы можем лечь в комнате родителей, — сказал он. — Там большая кровать, и они ничего не узнают.

Но Мэрибет не слишком понравилась эта идея, ей не хотелось обманывать их доверие.

— Узнают, не сомневайся, — убежденно сказала она. — Родители всегда все знают.

— Моя мама тоже так думает, — усмехнулся Томми. — Да ладно тебе, Мэрибет. Когда у нас еще будет такая возможность? Они уезжают из дома раз в пять лет.

— Я не думаю, что твоей маме понравится, что мы спали в ее постели, — твердо ответила Мэрибет.

— Хорошо, тогда пошли в мою комнату.

Моя кровать все равно шире, чем эта, И с этими словами Томми уже в который раз скатился на пол, заставив Мэрибет расхохотаться. Они еще ни разу не спали вместе, и им обоим очень хотелось этого. Им было так уютно вдвоем.

— Ну хорошо.

Они отправились в его комнату и скользнули под одеяло, она — в ночной рубашке, он — в пижаме. Крепко обнявшись, они хихикали и болтали, как двое шаловливых детей, а потом Томми страстно поцеловал ее.

Они оба пришли в возбуждение, но теперь, когда до рождения ребенка оставалось всего две недели, они не могли себе позволить пойти дальше поцелуев. Томми целовал ее грудь, заставляя ее стонать от удовольствия; Мэрибет ласкала его, и Томми испытывал настоящую боль от невозможности разрядить свое возбуждение.

Мэрибет все время напоминала себе о том, что они не должны этого делать, несмотря на то, что им очень хотелось. Ей было с ним хорошо, и она поняла, что хотела бы провести с ним всю жизнь. Она лежала рядом с Томми, и только ее живот мешал им сблизиться. Неужели в один прекрасный день это препятствие исчезнет и они будут вместе, спрашивала себя Мэрибет.

— Я хочу быть с тобой, — прошептал Томми, обняв ее.

Сон начал одолевать их. Они слишком долго пребывали в состоянии возбуждения и сейчас решили, что пора успокоиться и прекратить эти любовные игры. У Мэрибет чуть было схватки не начались от подобных упражнений.

— Знаешь, я хочу быть с тобой до конца моей жизни, — сонно произнес Томми, — и в один прекрасный день ты будешь носить в себе моего ребенка, Мэрибет... я так этого хочу...

— И я очень хочу, — искренне ответила Мэрибет, но ей хотелось помимо этого и многого другого. Она брала пример с Лиз Уиттейкер, которая смогла совместить замужество, материнство и профессиональную деятельность.

— Я готов ждать. Ведь мой папа ждал маму.

Правда, не слишком долго, — сказал Томми, чувствуя себя уютно в ее объятиях. — Например, год или два.

Он улыбнулся и нежно поцеловал ее.

— Мы можем пожениться и вместе поступить в колледж.

— И на что мы будем жить?" — поинтересовалась Мэрибет, уже хлебнувшая самостоятельности.

— Мы можем жить здесь. Мы поступим в колледж в Гринелле и будем жить с моими родителями.

Но Мэрибет эта перспектива совсем не устраивала, хотя она по-настоящему привязалась к родителям Томми.

— Когда мы поженемся, если только поженемся, — сказала она твердо, — мы будем достаточно взрослыми и сможем сами содержать себя и наших детей, сколько бы нам ни пришлось ждать этого момента.

— Например, до шестидесяти лет, — зевая, ответил Томми и снова потянулся к ней с поцелуем. — Я просто хочу, чтобы ты поняла одну вещь: в один прекрасный день я возьму вас в жены, Мэрибет Робертсон. Привыкайте к этой мысли, потому что все к этому идет.

Она не возражала. С улыбкой на устах Мэрибет лежала в его объятиях и постепенно погружалась в сон, думая об Энни, о Томми и собственном ребенке.

Глава 10

На следующий день они встали рано и отправились покупать елку. Кроме большой, Томми купил и маленькую елочку и положил их в фургон.

Вернувшись домой, он достал елочные игрушки, и остаток дня ушел на украшение елки.

Не раз слезы подступали к глазам Томми — ведь большинство игрушек мама сделала вместе с Энни.

— Может быть, мы не будем их вешать? — задумчиво спросила Мэрибет.

Это действительно был нелегкий вопрос.

Повесят они их или нет, мама все равно расстроится.

В конце концов они решили все же не убирать эти игрушки, потому что это означало бы, что они хотят забыть об Энни. Она должна все время чувствовать, что незримо находится здесь, с ними, потому что все они помнят о ней. Лучше было признаться себе в этом, чем пытаться убедить себя в том, что этих самодельных игрушек вообще не существует.

Томми и Мэрибет закончили украшать елку только к трем часам.

На ленч Мэрибет приготовила сэндвичи с тунцом. Томми убрал игрушки, оставив только маленькую коробочку с елочными украшениями, а затем посмотрел на Мэрибет странным взглядом.

— Что-нибудь не так?

Он покачал головой. Мэрибет заметила, что он о чем-то напряженно размышляет.

— Нет, все в порядке. Я хочу поехать в одно место. Поедешь со мной или ты слишком устала?

— Поеду, конечно. Куда ты собрался?

— Увидишь.

Томми достал теплые куртки, и они вышли на улицу. Начинаясь снегопад; они залезли в фургон, взяв с собой маленькую коробку с украшениями и положив ее рядом со второй елочкой.

Мэрибет сначала не понимала, куда они едут, но постепенно догадалась. Томми остановил машину около кладбища — он хотел подарить маленькую елочку Энни.

Он достал ее из фургона, а Мэрибет взяла коробку. Это были самые маленькие елочные игрушки, которые Энни особенно любила — крошечные мишки, солдатики с трубами и ангелочки. В коробке лежали также елочные бусы и серебристая мишура.

Томми установил елку на могиле, на маленькой деревянной подставке, и они по очереди стали вешать на нее игрушки. Этот разрывающий сердце ритуал продолжался несколько минут, после чего они стали молча разглядывать результаты своего труда, и Томми вспомнил, как Энни любила Рождество.

Он уже рассказывал об этом Мэрибет, но в этот раз слова как будто застревали у него в горле. Слезы катились по щекам — он вспоминал, как хорошо им было с Энни, и чувствовал, как сильно ему ее не хватает.

Потом он посмотрел на Мэрибет, стоявшую рядом с елочкой.

Куртка не застегивалась на ее выпирающем животе, глаза были полны слез, рыжие волосы выбивались из-под шерстяной шапочки. Томми почувствовал, что никогда не любил ее сильнее, чем сейчас.

— Мэрибет, — ласково позвал он, зная, что Энни одобрила бы его поступок.

Это надо было сделать именно здесь. Мэрибет должна была стать частью его жизни и его будущего.

— Давай поженимся... пожалуйста... Я так тебя люблю...

— Я тоже тебя люблю, — сказала она, подойдя ближе и взяв его за руку, — но я не могу, ты же знаешь... не сейчас... не проси меня делать это...

— Я не хочу тебя терять, — продолжал Томми, посмотрев на маленькую могилку, где лежала его сестренка, рядом с рождественской елкой, которую они ей принесли. — Я потерял ее и не могу потерять тебя... пожалуйста, давай поженимся.

— Не сейчас, — мягко откликнулась Мэрибет.

Ей очень хотелось дать ему все, что она могла дать, но она боялась причинить ему боль, не оправдав его надежд. Мэрибет была мудрее своих лет и в какой-то степени по-женски мудрее его.

— Ты обещаешь когда-нибудь выйти за меня замуж?

— Торжественно обещаю тебе, Томас Уиттейкер, что я буду любить тебя вечно, — произнесла она, готовая перед Богом ответить за каждое свое слово.

Мэрибет чувствовала, что никогда не забудет, кем он стал для нее с первой же их встречи. Но никто не мог знать, что их ждет в будущем, куда каждого из них приведет судьба.

Она страстно желала стать частью его жизни до конца своих дней, но кто мог знать, что будет дальше?

— Пообещай мне выйти за меня замуж.

— Если мы оба будем этого хотеть, — как всегда, искренне сказала она.

— Я всегда буду готов на тебе жениться, — торжественно произнес Томми, и она знала, что он действительно верит в свои слова.

— Я тоже. Я всегда буду тебе другом, Томми... и всегда буду любить тебя.

И если им повезет, она в один прекрасный день станет его женой. Мэрибет тоже этого хотелось, и слишком сильным было искушение выйти за него уже сейчас, в шестнадцать лет, но ей хватало мудрости для того, чтобы понимать, что в один прекрасный день все может измениться.

А может быть, все будет иначе — их любовь с каждым днем будет становиться все крепче.

Но кто знает — ведь жизнь могла разнести их по разным уголкам земного шара, разъединив навсегда, хотя она очень надеялась, что этого не произойдет.

— Я буду ждать столько, сколько понадобится, — заверил ее Томми. — Мои чувства к тебе никогда не изменятся.

— Спасибо, — ответила Мэрибет и нежно поцеловала его.

Как бы ему хотелось, чтобы она пообещала ему большее! Но он был рад и малому, понимая, что сейчас она не может дать ему больше.

На некоторое время воцарилось молчание.

Томми и Мэрибет стояли у могилы, глядя на маленькую елочку и размышляя о маленькой озорной девочке, навсегда оставшейся в их сердцах.

— Мне кажется, она тебя тоже любит, — тихо сказал Томми. — Если бы она была с нами!

С этими словами он сжал руку Мэрибет и повел ее к машине. Молодыми людьми овладела тихая грусть, и по дороге домой они молчали. Теперь между ними было что-то тихое и хорошее, сильное и чистое, очень искреннее.

Оба они понимали, что в один прекрасный день могут соединиться — а могут и расстаться. Но и Мэрибет, и Томми верили, что ничто не сможет разлучить их.

И Томми, и Мэрибет для своих шестнадцати лет слишком много пережили. У них была надежда, была взаимная клятва и были общие мечты. Это было хорошее начало для чего бы то ни было, бесценный дар, который они дали друг другу.

Сидя в гостиной, они тихо разговаривали, смотрели семейные альбомы и смеялись над детскими фотографиями Томми и Энни.

Когда родители Томми наконец вернулись, Мэрибет как раз разогрела им обед. Джон и Лиз были рады оказаться дома и застать Мэрибет и Томми довольными и веселыми; порадовала их и елка, только на лицо Лиз набежало облачко грусти, когда взгляд ее задержался на самодельных игрушках. Глаза ее наполнились слезами, но потом она посмотрела на сына и улыбнулась.

— Спасибо, что ты их повесил. Мне бы очень их не хватало.

Если бы их не было, всем бы показалось, что они хотят забыть о существовании Энни, а это было не так.

— Спасибо тебе, мама.

Томми был доволен тем, что они не ошиблись, повесив эти украшения на елку.

Вся семья отправилась на кухню обедать.

Мэрибет спросила, как прошла поездка, и Лиз ответила, что довольно успешно. Правда, восторга на ее лице не было, но Джон выглядел удовлетворенным. Поездка удалась ровно настолько, насколько позволяли обстоятельства, но, несмотря ни на что, за столом весь вечер царила праздничная атмосфера.

От глаз Лиз не укрылось, что между Томми и Мэрибет произошло что-то важное. Они вели себя гораздо серьезнее и сдержаннее, чем когда-либо, и она не могла не догадаться, что теперь их явно связывают какие-то более сильные узы.

— Как ты думаешь, что они тут делали в наше отсутствие? — спросила она у Джона вечером, и ее муж явно смутился.

— Если ты имеешь в виду то, что ты, по-моему, имеешь в виду, то я тебе скажу, что даже страстно влюбленный шестнадцатилетний юноша не может справиться с таким препятствием, как огромный

живот, — покачал головой Джон. — Мне кажется, что ты напрасно беспокоишься.

— А вдруг они поженились?

— Им нужно на это наше разрешение, ты же знаешь. И вообще, почему тебе вдруг такое приходит в голову?

— Странно, что ты ничего не заметил, Джон. Они показались мне какими-то другими. Они стали ближе, и вообще у меня возникло странное ощущение, что это один человек, а не два.

Но мужу нечего было на это ответить.

Их поездку можно было считать удачной.

Оказавшись наедине в гостиничном номере, они стали ближе друг к другу, чем когда-либо; оказавшись вне стен дома, где все напоминало об умершей дочери, они взглянули друг на друга совершенно иными глазами, поняли вдруг, что их браку грозил крах, а ни Лиз, ни Джон этого не хотели.

— Мне кажется, что они очень друг друга любят. Мы должны с этим смириться, — спокойно сказал Джон.

— Как ты думаешь, они действительно когда-нибудь поженятся?

— Разве ты хотела бы видеть женой нашего сына какую-нибудь другую девушку, а, Лиз?

Они уже через многое прошли рука об руку.

Может быть, они и расстанутся, а может быть, их это только объединит. Время покажет. Они хорошие ребята, и мне бы хотелось, чтобы они были вместе.

— Тем не менее торопиться с женитьбой им не следует, — упрямо стояла на своем Лиз, — Мэрибет хочет подождать, пока не закончит учебу, и не стоит ей мешать.

Джон грустно улыбнулся.

— Ты знаешь, мне такой тип женщин известен, — съязвил он.

Однако ничего плохого в этом не было — время доказало это. С такими женщинами, как Лиз или Мэрибет, было не всегда легко, но они того стоили.

— Если Мэрибет и Томми чувствуют, что им это нужно, они готовы будут ждать. Если нет — ну что ж, у них уже будет за плечами опыт, которого не имеет большинство людей.

В некоторой степени я им завидую.

Джону показалось, что он может начать все сначала, заложить основу для новой жизни.

Мысль о том, чтобы заново завоевать Лиз, показалась ему очень привлекательной, ведь у них было впереди общее будущее.

— А я совсем ей не завидую, когда думаю о том, что ей придется пережить, — печально откликнулась Лиз.

— Ты имеешь в виду роды? — с удивлением спросил Джон — Лиз никогда не жаловалась на то, что ей было трудно рожать.

— Нет, я имею в виду отказ от ребенка. Это будет нелегко.

Джон кивнул, испытывая острую жалость не только к Мэрибет, но и к Томми — жалость из-за того, что этим молодым людям так рано придется испытать душевную боль. Однако он все равно немного завидовал этим стремительно повзрослевшим детям, перед которыми была вся жизнь — вместе или поодиночке.

В эту ночь, когда супруги Уиттейкер, лежа в спальне, обсуждали их будущее, Мэрибет и Томми долго разговаривали в гостиной.

Лиз была права относительно того, что заметил ее зоркий материнский взгляд — им казалось, что они теперь одно. Это ощущение было гораздо более сильным, чем раньше.

И впервые в сердце Мэрибет зародилась надежда, что у нее есть будущее.

...На следующее утро будильник поднял всех довольно рано, и, пока Мэрибет принимала душ и одевалась, Лиз приготовила завтрак.

На сегодняшний день был назначен экзамен для Мэрибет, который в случае успешной сдачи позволил бы ей сразу перейти на второй семестр выпускного класса.

И у Томми в этот день тоже были полугодовые зачеты. За столом только и разговоров было, что о предстоящих испытаниях. Томми довез свою подругу до школьных ворот и, пожелав ей удачи на прощание, поспешил в свой класс.

Школьные власти разрешили Мэрибет сдавать экзамен в отдельной комнате, в административном здании, подальше от любопытных глаз учеников.

Лиз встретила взволнованную Мэрибет, подбодрила и дала тестовые задания. Благодаря усилиям Лиз, которая расхваливала способности своей подопечной уже не первый день, остальные

учителя предупредительно отнеслись к Мэрибет, сделав все для того, чтобы помочь ей.

Так Мэрибет стала старшеклассницей.

Остаток недели пролетел незаметно, а следующие выходные были последними перед Рождеством.

Покончив с рождественскими покупками, Лиз ехала домой. Однако, повинаясь внутреннему зову, она вдруг решила съездить на кладбище. Она уже несколько месяцев откладывала это посещение, зная, как ей будет больно, но сегодня она почувствовала, что должна это сделать.

Она въехала в ворота кладбища и припарковала машину. Завидев могилу издалека, она сделала к ней несколько шагов и вдруг остановилась как вкопанная, увидев маленькую, слегка накренившуюся елочку, украшенную развевающейся на ветру мишурой и крошечными игрушками.

Лиз медленно подошла к могиле, поправила елку и сбившуюся мишуру, внимательно разглядывая украшения, которые Энни своими руками бережно развешивала на елке всего год назад. Лиз помнила каждое слово, каждое движение, каждый момент той тихой муки, в которую превратился прошедший год.

Внезапно острая и сладкая боль охватила все ее существо, и она почувствовала, как внутри ее словно вскрылся нарыв, и все ее целый год копившееся страдание вышло наружу.

Долго стояла она у могилы, заливаясь слезами и глядя на елку, принесенную Мэрибет и Томми. Дотронувшись до хрупких веточек, словно до руки друга, Лиз прошептала имя своей дочурки... и один звук этого имени коснулся ее сердца, как нежные пальчики ребенка.

— Я тебя так люблю, девочка моя... и всегда буду любить... милая, милая Энни...

Она не смогла сказать ей «до свидания», зная, что свидание это никогда не состоится, и вернулась домой в печальном, но умиротворенном состоянии.

Дома никого не было, и Лиз вздохнула с облегчением. Она долго сидела в гостиной в полном одиночестве, глядя на рождественскую елку и на знакомые до боли игрушки. Встречать Рождество без Энни будет очень тяжело.

Впрочем, ей тяжело было встречать каждый день, тяжело возиться на кухне и убирать в доме, зная, что маленькая помощница не будет вертеться рядом, трудно ездить на озеро или в другие места без их маленькой девочки.

Мысль, с которой она просыпалась каждое утро, — мысль о том, что ее дочери больше нет, — была невыносима. Но Лиз знала, что нужно продолжать жить, как бы это ни было трудно.

Энни появилась, чтобы побыть с ними так недолго, только они не знали об этом. Но что бы они делали, если бы знали, что она умрет в пять лет? Любили бы ее сильнее? Дарили бы ей больше подарков? Проводили бы с ней больше времени?

Все это они делали и так, но, сидя этим вечером в гостиной, Лиз признавалась себе, что отдала бы всю жизнь за еще один поцелуй, еще одно объятие, еще одну минуту, проведенную с дочкой.

Когда Мэрибет и Томми пришли домой, жизнерадостные, с замерзшими покрасневшими лицами, полные новостей о том, где они были и что делали, Лиз все еще сидела на том же месте.

Она улыбнулась им, и Томми сразу понял, что она плакала.

— Я хочу поблагодарить вас обоих, — сказала Лиз, запинаясь, — за то, что вы поставили елку на... спасибо...

Она не смогла закончить фразу, слезы душили ее, и быстро вышла. Мэрибет и Томми не знали, что ей сказать, и Мэрибет, раздеваясь и вешая куртки на крючки, тоже расплакалась. Иногда ей безумно хотелось как-то облегчить жизнь этой семьи, которой так не хватало маленькой жизнерадостной Энни.

Джон пришел домой немного позже, нагруженный покупками, когда Лиз уже возилась на кухне с обедом. Она тепло улыбнулась ему — их отношения в последнее время стали более нежными, и Томми с облегчением отмечал про себя, что они гораздо меньше ссорятся. Потихоньку, шаг за шагом, все они отходили от пережитой трагедии, хотя Рождество в этом году обещало быть для них тяжелым, слишком свежи были в памяти воспоминания о счастливом празднике год назад.

В рождественский вечер они все отправились слушать мессу.

Джона сморило от жары и запаха ладана, и он задремал посреди службы. Лиз тут же вспомнила, как Энни ходила вместе с ними и

точно так же засыпала, сидя на церковной скамье, особенно в прошлом году, когда она уже заболела и чувствовала себя не очень хорошо.

После возвращения домой Джон сразу отправился спать, а Лиз еще немного задержалась в гостиной, раскладывая рождественские подарки.

Для всей их семьи это Рождество сильно отличалось от предыдущих. Не было ни письма к Санта-Клаусу с просьбой о подарках, ни морковки для северного оленя, ни гаданий о содержимом ярких свертков, и Лиз знала, что на завтра никаких криков восхищения возле елки не будет.

Но оставалось смириться с потерей и жить дальше, ведь скорбь и слезы не могли им вернуть малышку Энни.

Выйдя из гостиной, Лиз увидела в холле Мэрибет, спускающуюся по лестнице с подарками в руках, и поспешила ей на помощь.

Мэрибет стала чрезвычайно неуклюжей и передвигалась очень медленно. В последние дни она чувствовала себя неважно, ребенок опустился совсем низко, и Лиз считала, что до родов осталось всего ничего.

— Дай-ка мне, — сказала она, забирая у Мэрибет подарки и раскладывая их под елкой. — Я все сделаю сама, тебе нельзя наклоняться.

— Знаете, мне даже пошевелиться трудно, — пожаловалась Мэрибет, заставив Лиз улыбнуться. — Я не могу ни сесть, ни встать, ни нагнуться, и я совсем не вижу своих ног.

— Ничего, скоро все будет позади, — ободряющим тоном сказала Лиз, и Мэрибет молча кивнула и посмотрела на нее.

Уже несколько дней она выискивала возможность поговорить с Лиз наедине, без Томми или Джона.

— Можно с вами поговорить? — спросила Мэрибет.

— Сейчас? — удивилась Лиз. — Конечно, если тебе не спится.

Они уселись на диван около елки. Прямо перед глазами покачивались самодельные игрушки Энни. Лиз теперь могла смотреть на них без слез. Ей даже нравилось видеть их каждый день — как будто она видит свою дочку или что-то, чего она совсем недавно касалась, как будто Энни пришла к ним в гости.

— Я много думала об этом, — тщательно подбирая слова, сказала Мэрибет. — Я даже не знаю, что вы подумаете и что ответите, но я... я

хочу отдать вам моего ребенка.

С этими словами она опустила глаза, с трепетом ожидая ответа. Ведь решалась судьба ее малыша.

— Что?! — уставилась на нее Лиз, не в состоянии сразу правильно воспринять эти слова. Немыслимость услышанного выходила за пределы ее воображения. — Что ты имеешь в виду?

В конце концов, детей нельзя дарить знакомым и друзьям, как рождественские подарки!

— Я хочу, чтобы вы с Джоном усыновили моего ребенка, — твердо сказала Мэрибет.

— Но почему? — Лиз была ошеломлена.

Она хотела малыша, но никогда серьезно не задумывалась о том, чтобы усыновить чужого ребенка. О том, чтобы завести своего — да, но мысль о приемном сыне или дочери не приходила ей в голову. Она не могла представить себе реакции Джона. Они обсуждали это много лет назад, еще до рождения Томми, но Джон всегда был против этой идеи.

— Я хочу отдать вам ребенка, потому что я вас люблю и вы прекрасные родители, — тихо произнесла Мэрибет.

Это был лучший дар, который она могла бы дать им или своему ребенку. Ее все еще трясло от волнения, но голос звучал гораздо более уверенно — она не сомневалась в правильности своего поступка.

— Я сама не могу заботиться о ребенке.

Я понимаю, что все, кто знает о моем намерении от него отказаться, думают, что я сошла с ума, но я-то убеждена в том, что не могу дать ему всего, в чем он нуждается. А вы можете.

Вы будете любить его, заботиться о нем и делать все, что вы делали для Энни и Томми.

Может быть, и я когда-нибудь смогу себе позволить иметь детей, но не сейчас. Что бы Томми ни говорил, это будет несправедливо по отношению к нам обоим. Я очень хочу, чтобы это был ваш ребенок. Я никогда не буду претендовать на него, я никогда не буду вас беспокоить, если вы сами меня не пригласите... но я буду знать, что у моего ребенка счастливое детство и любящие родители. Я хочу этого для моего сына или дочери.

Тут обе женщины расплакались и взялись за руки.

— Но ребенка нельзя подарить, как игрушку или любой другой предмет. Это же человеческая жизнь. Ты понимаешь это?

Лиз хотелось убедиться, что Мэрибет до конца осознает, что она делает.

— Да, я это знаю. Я знаю все. Все девять месяцев моей беременности я только об этом и думала. Поверьте мне, я понимаю, что делаю, — горячо заверила ее Мэрибет.

Похоже, это действительно было так, но Лиз все равно была поражена до глубины души. А что, если Мэрибет передумает? А что будет испытывать Томми? Что он будет чувствовать, если они усыновят ребенка Мэрибет или вообще любого ребенка? А Джон?

Лиз никак не могла собраться с мыслями.

— А как же Томми? Насколько серьезны ваши отношения?

Впрочем, как Мэрибет может ответить на такой вопрос в шестнадцать лет? Как она может принимать такие решения?

— Очень серьезны. Но я не хочу, чтобы они так начинались. Этот ребенок не должен повлиять на наши отношения с Томми. Мне все время кажется, что он не для меня предназначен. Понимаете, как будто это должно было случиться именно со мной и именно в это время, чтобы я попала в нужное место и к нужным людям. Я надеюсь когда-нибудь выйти за Томми замуж и растить с ним наших общих детей — но не этого ребенка. Это будет несправедливо по отношению к малышу, даже если он никогда об этом не узнает.

Лиз согласилась с ней, но ее поразила убежденность Мэрибет. Она подумала, что в один прекрасный день они с Томми должны начать все сначала, хотя никто не знал о том, как все сложится дальше. Но в шестнадцать лет становиться отцом ребенка, к тому же чужого, было слишком.

— Даже если мы с Томми когда-нибудь поженимся, я не буду пытаться забрать у вас ребенка, — продолжала Мэрибет. — Он даже не должен знать, кто его настоящая мать.

Мэрибет смотрела на нее умоляюще — ей очень хотелось, чтобы Лиз взяла ее ребенка и дала ему то, чего он заслуживает — любовь, стабильную и счастливую жизнь, то есть все, что могли обеспечить для ее сына или дочери Уиттейкеры.

— У меня такое ощущение, что этот ребенок предназначается именно вам, что я попала в ваш дом именно по этой причине, потому

что так должно было быть, потому что это случилось, — она запнулась, и глаза Лиз наполнились слезами, — потому что Энни...

— Я не знаю, что и сказать тебе, Мэрибет, — честно ответила Лиз, вытирая слезы. — Это самый драгоценный подарок из всех, которые я когда-либо получала. Но я не знаю, правильно ли это. Нельзя просто так взять ребенка другой женщины.

— А если она сама этого хочет, если это все, что она может дать этому ребенку? Ведь я делаю подарок не только вам, но и ему — я даю ему будущее, жизнь с людьми, которые будут его обожать, — возразила Мэрибет. — То, что вы потеряли свою дочку, — несправедливо, и так же несправедливо и то, что у моего ребенка, если я оставлю его себе, не будет ни счастья, ни будущего, ни надежды, ни дома, ни денег. Что я могу ему дать? Мои родители не позволят мне принести его в дом. Мне некуда податься. Единственный путь для меня в таком случае — это всю жизнь проработать в «Джимми Ди», причем все мои деньги будут уходить на нянь.

И Мэрибет залилась слезами. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы Лиз согласилась, и ее охватывало отчаяние при мысли, что она откажется.

— Ты можешь оставаться здесь, — тихо сказала Лиз. — Если тебе некуда больше пойти, ты можешь жить с нами. Не надо отказываться от ребенка, Мэрибет. Я не позволю тебе сделать это. Чтобы у него была хорошая жизнь, совсем не обязательно отдавать его кому бы то ни было. Если хочешь, живи с нами как наша дочь, и мы тебе поможем.

Лиз не хотела, чтобы Мэрибет отказалась от ребенка только потому, что не может его содержать. Это казалось ей не правильным, и Лиз сказала себе, что если уж она согласится взять ребенка, то только потому, что Мэрибет хочет отдать его именно ей, а не потому, что она не сможет его прокормить.

— Но я хочу отдать его вам, и только вам, — повторила Мэрибет. — Я хочу, чтобы это был ваш ребенок. Я не могу, Лиз, — продолжала она, тихо плача, и Лиз обняла ее. — Я не могу... У меня не хватит на это сил... Я не знаю, как это делается... и не могу заботиться о нем... Пожалуйста... Помогите мне... пусть это будет ваш ребенок... Никто не может понять, каково мне — знать, что я не

могу его растить и при этом желать для него как можно лучшей жизни. Ну пожалуйста, — в отчаянии закончила она, и Лиз тоже разрыдалась.

— Я ничего не могу тебе ответить, дорогая, пока не поговорю с Джоном. Такие вещи надо решать сообща. Но если мы усыновим твоего малыша, ты сможешь приезжать сюда, когда захочешь, помни об этом. Я не хочу, чтобы ты сторонилась нас после того, как мы это сделаем. Никто не будет знать о том, что это твой ребенок... и сам ребенок не будет знать... только мы... Мы полюбили тебя, Мэрибет, и мы не хотим тебя терять.

Лиз прекрасно осознавала, как много эта девочка значила для Томми, да и для них с Джоном. А ее неожиданное предложение — это редкая возможность, неожиданный дар, и ей нужно было время, чтобы переварить это.

— Я должна поговорить с Джоном, — повторила она наконец. — Пожалуйста, скажите ему, как сильно я этого хочу, — взмолилась Мэрибет, не отпуская руки Лиз. — Пожалуйста... Я не хочу, чтобы моего ребенка растили неизвестные мне люди. Если он будет с вами, это будет так хорошо... пожалуйста, Лиз...

— Посмотрим, может быть, так все и будет, а сейчас тебе надо прилечь, — ласково ответила она, пытаясь успокоить Мэрибет. Этот тяжелый для нее разговор вызвал ненужное нервное возбуждение, вредное и для юной мамы, и для ее ребенка.

Лиз дала ей подогретого молока, и они еще немного поговорили на эту тему, после чего Лиз почти силой отвела Мэрибет в комнату Энни, поцеловала на ночь и вернулась в свою спальню.

Минуту она стояла молча, глядя на мужа и пытаясь предугадать, что он скажет ей в ответ на такое на первый взгляд безумное предложение.

Между прочим, и у Томми надо было бы спросить, хочет ли он этого. И вообще была тысяча «за» и «против». Но одна мысль об этой возможности заставила ее сердце биться сильнее, так, как оно не билось уже давно... это был бесценный дар на всю жизнь... дар жизни, который она уже не могла сделать себе сама... еще один ребенок.

Когда она скользнула в постель, Джон зашевелился, и Лиз очень захотелось разбудить его и спросить его мнение, но она не решилась. Муж обнял ее и привлек к себе, как делал в течение многих лет, пока

страшная трагедия не заставила их стать жестокими по отношению друг к другу.

Лежа в его объятиях, Лиз пыталась понять, что она чувствует, что именно она хочет и какое решение будет наиболее правильным для каждого из них. Аргументы Мэрибет были очень сильны, но Лиз все равно сомневалась, действительно ли так будет лучше для ребенка или она идет на этот шаг только потому, что материнство очень привлекает ее.

Не в состоянии уснуть, Лиз лежала так очень долго, мысленно умоляя мужа проснуться, чтобы она могла поделиться с ним потрясающей новостью, и он наконец открыл глаза и посмотрел на нее, как будто почувствовав ее волнение.

— Что-нибудь случилось? — полусонным голосом спросил он, не зажигая света.

— Что бы ты сказал, Джон, если бы мы решили завести еще одного ребенка? — спросила она, с трепетом ожидая его ответа, потому что самой Лиз страстно хотелось принять предложение Мэрибет.

— Я бы сказал, что ты сошла с ума, — улыбнулся Джон и снова закрыл глаза.

Через минуту он уже снова заснул. Лиз получила ответ — но не тот, какой ей хотелось.

...Лиз не спала почти всю ночь, задремав только за полчаса до рассвета. Она была слишком возбуждена для того, чтобы спать, слишком растревожена, испугана и полна вопросов, забот, страхов и желаний.

В конце концов она встала, вышла на кухню прямо в ночной рубашке и сварила себе кофе. Лиз долго сидела на кухне, потягивая крепкий горячий напиток, и к восьми часам утра окончательно поняла, что ей надо делать.

Впрочем, она уже давно шла к этому, но у нее не хватало смелости на решительный шаг.

Но теперь пора было решаться — не только ради Мэрибет и ее ребенка, но ради себя самой, ради Джона и даже ради Томми. Им был предложен дар, и она не могла представить себе, как она от него откажется.

С чашкой кофе в руках Лиз вошла в спальню и разбудила мужа. Он удивился, что она так рано встала.

«Зачем просыпаться в такую рань в этом году, — спрашивал он себя, — чтобы бежать к елке и смотреть, что принес Санта-Клаус? Энни уже нет». Можно было поспать и подольше, тем более что ни Мэрибет, ни Томми еще не проснулись, и в доме царил тишина.

— Доброе утро, — сказала Лиз с улыбкой.

Это была робкая, смущенная улыбка, которую он уже давно не видел на ее лице, напомнившая ему о тех временах, когда они были намного моложе.

— Ты выглядишь так, будто что-то задумала, — улыбнулся он в ответ и перевернулся на спину, сладко потягиваясь.

— Так оно и есть, Джон. Мы с Мэрибет прошлой ночью имели долгую беседу, — сказала Лиз, садясь рядом с ним на кровати и молясь, чтобы он все понял и не отказал ей.

Это было решение, которое нельзя было откладывать, слишком много для нее значившее. Лиз так хотела ребенка и отчаянно желала, чтобы и Джон его хотел, но она боялась, что он воспротивится тому, что она предложит.

— Мэрибет хочет, чтобы мы воспитывали ее ребенка, — тихо продолжила она.

— Мы? — поражение переспросил Джон. — Мы все? И Томми тоже? Она что, замуж хочет за него выйти? Так я и знал, что этим все кончится.

Джон сел в постели, не скрывая своей тревоги.

— Нет, речь не об этом, не бойся. Мэрибет не собирается выходить за него замуж, по крайней мере сейчас. Речь идет о нас с тобой. Мэрибет хочет, чтобы мы усыновили ребенка, которого она скоро родит.

— Мы? Но почему? — никак не мог понять Джон.

— Потому что она считает нас хорошими людьми и достойными родителями.

— Но что будет, если она передумает, и что мы будем делать с этим ребенком?

Лиз улыбнулась — уж слишком он был растерян. Это было слишком сильное потрясение для рождественского утра.

— Я думаю, то же самое, что и с первыми двумя. В течение первых двух лет не спать ночами и мечтать когда-нибудь выспаться, а потом радоваться до конца нашей жизни... или жизни ребенка, — добавила она печально, вспомнив об Энни. — Это дар, Джон... может быть, надолго, может быть, всего на год — сколько судьба отпустит. И я не хочу отклонять этот дар. Я не хочу снова расставаться со своими мечтами... я никогда не думала, что у нас могут быть еще дети, и доктор Маклин говорит то же самое... но теперь в нашу жизнь вошла эта девочка и предложила нам дар, который поможет нам воплотить в жизнь наши мечты.

— Но если она, повзрослев и выйдя замуж, пусть даже за Томми, захочет вернуть его себе?

— Я думаю, что мы можем юридически защитить свои права, и потом, она говорит, что не сделает этого. Непохоже, чтобы Мэрибет была на это способна. Мне кажется, она действительно убеждена в том, что для ребенка так будет лучше. Она же понимает, что не сможет его растить. Она просто умоляет нас взять его.

— Подожди до того момента, когда она его увидит, — с циничной усмешкой заметил Джон. — Ни одна женщина на свете не способна после девяти месяцев полного единения с ребенком так просто отказаться от него.

— Некоторые могут, — решительным тоном ответила Лиз. — Я думаю, что Мэрибет сделает это — не потому, что ей наплевать на свое дитя, но, наоборот, потому, что она слишком волнуется за него. Это самое большое проявление любви к ребенку, на которое она способна: отдать его нам.

Слезы побежали по щекам Лиз, и она умоляюще посмотрела на мужа.

— Джон, я очень хочу ребенка. Я хочу его так, как никогда и ничего не хотела. Пожалуйста, не говори «нет»... давай это сделаем...

Джон посмотрел на нее долгим испытующим взглядом, и Лиз поймала себя на мысли, что возненавидит его, если он не позволит ей взять ребенка.

Она знала, что он не может до конца понять, через что ей пришлось пройти и как она хотела этого ребенка — не для того, чтобы заменить Энни, которая никогда больше к ним не вернется, но для того, чтобы продолжать жить, чтобы снова радоваться, смеяться,

любить, чтобы снова засиял в тумане лучик солнца. Кроме этого, ей ничего не хотелось, и она не могла поверить, что муж это не поймет.

Если он откажется, думала Лиз, она просто умрет.

— Хорошо, Лиз, — ласково сказал Джон, беря ее за руку. — Хорошо, детка... я все понимаю...

Она разрыдалась еще сильнее и прильнула к нему, осознав, как была к нему несправедлива. Он все понимал. Он оставался все тем же, каким был всегда, и она любила его больше, чем когда-либо. Они прошли через страшное горе и выжили, а теперь получили надежду снова познать счастье.

— Мы скажем ей, что согласны, — продолжал Джон. — Но все равно сначала мы должны поговорить с Томми. По-моему, он должен видеть все это так же, как и мы.

Лиз согласилась с ним и еле дождалась, когда сын проснется.

Томми встал через два часа, когда измученная ночным разговором Мэрибет еще спала.

Мальчик тоже был сначала ошеломлен предложением своей подруги. Однако он совсем недавно начал понимать, что Мэрибет была действительно тверда в своем намерении отдать своего малыша, считая, что это справедливо и для нее, и для него; она хотела сделать это, чтобы обеспечить своему ребенку лучшую жизнь.

Кроме того, он понял, что имеет больше шансов удержать ее, и поэтому перестал уговаривать Мэрибет выйти за него замуж и оставить ребенка. На самом деле он считал, что это будет идеальное решение. Томми надеялся, что в один прекрасный день они с Мэрибет заведут своих собственных детей, но для этого ребенка лучшего варианта, чем усыновление четой Уиттейкеров, и придумать было нельзя.

И по глазам матери Томми легко мог прочитать, как много это для нее значило. Ему показалось, что его родители еще больше сблизились за это утро: отец выглядел спокойным и уверенным, сидя рядом с Лиз и держа ее за руку.

Сердце Томми наполнилось радостным ожиданием — скоро в их дом должен был войти новый человек.

Когда Мэрибет наконец проснулась, Лиз, Джон и Томми ждали ее в гостиной, чтобы сообщить ей о своем единодушном согласии.

Услышав это, Мэрибет заплакала от облегчения; потом она поблагодарила их и обняла каждого, заставив расплакаться и всех остальных. Это было время слез, время эмоций, надежды, любви и даров. Время для того, чтобы начать все сначала, приняв бесценный подарок от этой рыжеволосой девочки.

— А ты уверена, что поступаешь правильно? — спросил ее Томми днем, когда они пошли прогуляться, и Мэрибет кивнула.

Они уже вскрыли свертки с подарками и съели ленч, и молодые люди впервые за все утро остались наедине.

— Понимаешь, я этого очень хочу, — спокойно и уверенно сказала она.

Мэрибет чувствовала себя более спокойной и сильной, чем когда-либо.

Они дошли до замерзшего пруда и повернули обратно, пройдя в общей сложности несколько миль. Но Мэрибет говорила, что никогда не чувствовала себя лучше. Ей казалось, что она сделала наконец то, ради чего пришла в этот дом. Она подарила им то, что должна была подарить. И после того, как она это сделала, их жизнь непременно обогатится.

Мэрибет попыталась объяснить все это Томми на обратном пути, и ей показалось, что он ее понял. Но иногда ему было трудно с ней общаться. Она была такой взрослой, такой сильной и такой красивой, что Томми начинал чувствовать себя рядом с ней зеленым юнцом.

Поднявшись с ней на крыльцо своего дома, Томми поцеловал ее, вдруг почувствовав, как она напряженно вцепилась в его руку и согнулась. Он поддержал ее, борясь с растерянностью и страхом.

— О Господи! О Господи! — только и мог сказать Томми.

Он осторожно усадил ее на ступеньку. Мэрибет испуганно смотрела на него, держась за живот и пытаясь перевести дыхание после острого приступа боли.

Томми помчался за матерью, и, когда Лиз выбежала на крыльцо, Мэрибет по-прежнему сидела, широко раскрыв полные страха глаза.

У нее начались схватки, и это было гораздо больнее, чем она могла предположить.

— Ничего, ничего, — пыталась успокоить ее Лиз.

Она послала Томми за отцом, чтобы тот помог ввести Мэрибет в дом.

— Куда это вы ходили? До Чикаго?

— Только до пруда и обратно, — ответила Мэрибет, и у нее снова перехватило дыхание от следующей схватки.

Это была острая, раздирающая внутренности боль, и ей казалось, что еще одного такого приступа ей не выдержать.

— Роды не должны были начаться так неожиданно, — сказала она Лиз с недоумением.

Джон с женой помогли ей войти, а Томми стоял рядом со встревоженным видом.

— Утром у меня немного болел живот, а теперь началось вот это, — объяснила Мэрибет, не в состоянии поверить, что пришла пора решительного испытания.

— У тебя были судороги? — ласково спросила Лиз. — Или боли в спине?

Ранние признаки родов иногда трудно было распознать, особенно такой неопытной девочке.

— Вчера у меня болела спина, а утром были спазмы и боль в желудке, но я думала, что это оттого, что я переела за праздничным столом.

Когда боль отступила, Мэрибет немного успокоилась.

— Может быть, все началось уже вчера вечером, — мягко сказала Лиз.

Это означало, что ее нужно было немедленно отвезти в больницу. Прогулка явно спровоцировала начало интенсивной стадии родов.

По срокам Мэрибет должна была родить завтра, так что она не перенашивала, и ребенку явно не терпелось появиться на свет. Получилось такое удивительное совпадение, что он вздумал родиться только после того, как Уиттейкеры решили его усыновить. Казалось, за них решала сама судьба.

Опытная Лиз начала немедленно засекаать интервалы между схватками, а Джон пошел звонить врачу.

Томми сидел рядом с Мэрибет, держа ее за руку и глядя на нее с жалостью и состраданием. Сердце его разрывалось от того, что ей приходилось испытывать такую боль, и ему было странно видеть, что родители относятся к происходящему абсолютно спокойно. Они обращались с Мэрибет очень ласково, а Лиз не оставляла ее ни на мгновение.

Схватки, длинные и тяжелые, приходили через каждые три минуты, и Джон сказал, что доктор Маклин велел им немедленно приезжать. Через пять минут он должен был встречать их в роддоме.

— Что, надо ехать уже прямо сейчас? — спросила Мэрибет.

Она выглядела очень юной и очень испуганной, переводя взгляд с Джона на Лиз, а с Лиз на Томми.

— А еще немного мы не можем побыть дома?

Она готова была расплакаться, но Лиз заверила ее, что дольше тянуть нельзя. Пора было ехать.

Лиз быстро собрала для нее необходимые вещи, и через пять минут они были уже в пути.

Мэрибет сидела на заднем сиденье между Томми и Лиз, а Джон ехал так быстро, как только позволяло заледеневшее шоссе.

Доктор Маклин ждал их у дверей больницы вместе с медсестрой. Они посадили Мэрибет в кресло на колесиках и быстро покатали вперед. Мэрибет испуганно вцепилась в руку Томми.

— Не оставляй меня, — умоляюще произнесла она, сжимая его пальцы и плача. Доктор Маклин был тронут нежными отношениями этой юной пары. По его предположениям, роды должны были пройти без всяких осложнений. Мэрибет была молода и здорова, и не было оснований для тревоги.

— Ты увидишь Томми очень скоро, — успокоил ее доктор, — вместе с малышом.

Но Мэрибет начала от этого плакать еще сильнее, и Томми ласково поцеловал ее.

— Я не могу пойти с тобой, Мэрибет. Меня не пустят. Ну ладно, будь умницей — в следующий раз я буду с тобой, — пообещал он.

Томми осторожно высвободил руку, и медсестра, катившая коляску, снова двинулась вперед по длинному больничному коридору.

Мэрибет обернулась и испуганными глазами посмотрела на Лиз. После краткого разговора доктор согласился, чтобы мать Томми присутствовала при родах.

Лиз чувствовала, как сильно бьется ее сердце — и в лифте, и в предродовой палате, где Мэрибет раздели и осмотрели, чтобы понять, на какой стадии родов она находится. Бедная девочка к этому моменту была почти в истерическом состоянии, и медсестре пришлось сделать ей укол, чтобы она успокоилась. После этого Мэрибет стало лучше.

Было очень больно, но после очередного осмотра врач сказал, что ждать осталось совсем недолго. Матка полностью раскрылась, и Мэрибет была готова к потугам.

Ее отвезли в родовую палату. Мэрибет не отпускала руку Лиз. Доверчиво глядя на нее, она сказала:

— Пообещайте мне, что вы не передумаете... ведь вы возьмете его, а, Лиз? Вы будете его любить... будете любить моего ребенка?

— Обещаю, — сказала Лиз, потрясенная ее доверием. — Я всегда буду любить его... и тебя я очень люблю, Мэрибет... спасибо тебе...

В этот момент началась новая схватка, и следующие несколько часов стали для Мэрибет настоящей пыткой.

К моменту родов ребенок лежал не правильно, и пришлось воспользоваться щипцами. На лицо Мэрибет наложили маску, чтобы она вдыхала какой-то газ. Девочка совсем ослабла и дергалась во сне, но Лиз не переставала держать ее за руку.

Было уже далеко за полночь, когда в палате наконец раздался крик ребенка, и медсестра сняла маску с лица Мэрибет, чтобы она могла увидеть свою дочь.

Мэрибет находилась в полусонном состоянии, но, посмотрев на сморщенное красное личико малышки, не смогла сдержать улыбки, а потом взглянула на Лиз с невероятным облегчением и радостью.

— У вас девочка, — сказала она Лиз.

Даже в одурманенном состоянии она не забыла, чей это ребенок.

— Это у тебя девочка, — поправил ее доктор, улыбаясь, и протянул ребенка Лиз.

Та взглянула на крошечное личико и увидела светлые волосы. Новорожденная малышка была такая невинная и беззащитная, что сердце Лиз переполнилось любовью и нежностью.

— Здравствуй, — прошептала она, держа в руках младенца, который должен был принадлежать ей, и чувствуя почти то же самое, что она чувствовала, впервые взяв на руки собственных детей.

Лиз понимала, что этот момент она никогда не забудет, и ей бы очень хотелось разделить его с Джоном. Для нее так важно было увидеть появление малышки на свет, ее рождение и первый крик, как будто она позвала их, чтобы сообщить, что она наконец-то родилась. Они все слишком долго ее ждали.

Измученной Мэрибет сделали еще один укол, она уснула, а Лиз разрешили отнести ребенка в детскую палату, где девочкой занялись медсестры. С малышкой проделывали все необходимые манипуляции, что и с остальными новорожденными, а Лиз не отходила от нее и ревниво наблюдала за этим процессом.

Через несколько минут к окну детской палаты подошли Томми и Джон, пытаясь разглядеть, что там происходит.

Медсестра снова дала ребенка Лиз, и она показала его Джону. И когда этот пятидесятилетний мужчина увидел их дочь, сердце его растаяло.

— Правда, она красивая? — спросила Лиз, отчетливо артикулируя, чтобы муж мог прочитать у нее по губам, и внезапно Джон перестал видеть что-либо, кроме своей жены и того, через что они прошли.

Было очень трудно не думать сейчас о новорожденной Энни, но ведь это был другой ребенок — их ребенок.

— Я тебя люблю, — прошептал он, понимая, что она его не услышит.

Но Лиз услышала его сердцем. Она тоже его любила, и в этот момент с ужасом осознала, что за последний год они почти перестали любить друг друга. Но теперь все кончилось, завершилось чудесным образом — благодаря Мэрибет и ее необыкновенному дару и любви, которую они все же смогли сохранить, хотя и почти забыли о ней.

Томми пришел в неопикуемый восторг от новорожденной малышки. Когда Лиз наконец присоединилась к ним, он кинулся к ней с расспросами о самочувствии Мэрибет. Лиз сказала ему, что с ней все в порядке, что держалась она очень мужественно и сейчас спит.

— А это очень ужасно, мама? — обеспокоенно спросил Томми, чувствуя, как растет его уважение к прошедшей через такой кошмар Мэрибет.

Новорожденная весила четыре килограмма двадцать граммов — слишком много для любой женщины, особенно для шестнадцатилетней девочки с узкими бедрами.

Во время родов сердце Лиз не раз переполнялось сочувствием, но доктор не жалел анестезирующих средств. В следующий раз роды должны были протекать легче — и физически, и психологически.

— Произвести нового человека на свет — тяжелое дело, сынок, — тихо ответила Лиз, впечатленная всем происшедшим.

«Особенно тяжелое, если ты стараешься не для себя, а для кого-нибудь другого», — хотела добавить она, но сдержалась.

— Она скоро поправится? Когда я смогу ее увидеть?

Томми хотел бы задать еще тысячу вопросов, но Лиз остановила его.

— Все будет хорошо. Я тебе обещаю. Все самое трудное уже позади.

Через час Мэрибет привезли в палату, все еще полусонную и плохо соображающую. Увидев Томми, она сразу же прильнула к его руке и стала говорить ему о том, как она его любит и какая милая девочка у нее родилась.

Глядя на них, Лиз ощутила поднявшуюся в ней волну ужаса, равную которой по силе она вряд ли испытывала. Вдруг Мэрибет передумает, решит выйти замуж за Томми и сама будет растить ребенка?

— Ты ее видел? — спросила Мэрибет у Томми.

Лиз посмотрела на Джона, и тот мягко взял ее руку в свою, желая успокоить жену. Он знал, о чем она думает, и сам боялся того же не меньше.

— Она очень хорошенькая, — сказал Томми, целуя свою подругу.

Мэрибет была очень бледной и осунувшейся, но все равно красивой.

— Она похожа на тебя.

Но у новорожденной девочки были не огненно-рыжие, как у матери, а светлые волосы.

— Я думаю, она похожа на твою маму. На свою маму, — поправила Мэрибет, нежно глядя на Лиз.

Она чувствовала связь между ними двумя — более сильную, чем с кем бы то ни было, словно они вместе родили ее ребенка. И Мэрибет знала, что без Лиз она бы с этим не справилась.

— Как вы собираетесь ее назвать? — спросила Мэрибет, с трудом подавляя зевок, — ее снова начало клонить в сон.

Лиз почувствовала огромное облегчение.

В конце концов, не обязательно же она должна передумать. И это действительно будет их с Джоном ребенок. Даже сейчас в это трудно было поверить.

— Как насчет Кейт? — поинтересовалась Лиз, и Мэрибет закрыла глаза.

— Да, хорошо, — прошептала она и погрузилась в дрему, все еще держа Томми за руку. — Я люблю вас, Лиз, — добавила она, уже не раскрывая глаз.

— Я тоже тебя люблю, Мэрибет, — откликнулась Лиз.

Она поцеловала девочку в щеку и дала знак остальным, чтобы они ушли. У Мэрибет была трудная ночь, и она должна была как следует отдохнуть.

Было три часа утра. Пройдя по холлу, Уиттейкеры остановились у окна детской палаты.

Там лежала их девочка — розовая и теплая, запеленутая в простынку. Она не спала и смотрела прямо на Лиз, как будто все это время ее ждала. Казалось, она была послана им самой судьбой. Подарок от парня, который никого из них не знал, и от девочки, прошедшей через их жизнь, подобно радуге.

Томми стоял рядом со своими родителями и улыбался. Он знал, что Энни бы эта девочка понравилась.

Глава 11

Следующие два дня все трое Уиттейкеров просто сбивались с ног, не успевая даже как следует поспать.

Джон и Томми вытащили на свет Божий старую колыбельку Энни и покрасили ее, а Лиз украсила ее лентами из розового газа и шелка. Они достали старые детские вещи и купили новые, и посреди всей этой суматохи Томми удалось вырваться на могилу Энни.

Он сидел там довольно долго, глядя на рождественскую елку, которую они с Мэрибет принесли туда, и размышляя о своей новорожденной сестренке.

Его очень пугала мысль, что скоро Мэрибет уедет домой. Все произошло как-то очень быстро. И все одновременно — и плохое, и хорошее, хотя хорошего было несравненно больше.

Но мама его просто на крыльях парила от счастья — Томми и не помнил, когда в последний раз видел ее в таком приподнятом настроении.

Мэрибет же была серьезной и притихшей.

После рождения дочери она имела долгую и обстоятельную беседу с Лиз и Джоном, и те заверили ее, что не будут на нее в обиде, если она передумает. Но Мэрибет настаивала на своем решении. Ей было очень тяжело отдавать своего ребенка, но теперь она, как никогда раньше, понимала, что это было единственно верное решение.

На следующий день Джон позвонил своему адвокату, и маховик пришел в движение.

Адвокат подготовил все необходимые документы по удочерению и привез их в больницу к Мэрибет. Он все подробно объяснил девушке — пункт за пунктом, после чего она подписала их — в день, когда Кейт исполнилось три дня.

Мэрибет отказалась от срока, предоставленного ей для размышления, и поставила свою подпись на всех документах. Они с Лиз обнялись и попросили медсестру не приносить сегодня ребенка — Мэрибет требовалось время, чтобы смириться с расставанием со своей дочерью.

В этот вечер с ней рядом был Томми. Мэрибет казалась странно спокойной и не жалела о своем решении, но ей все равно было

тоскливо. Им обоим бы хотелось, чтобы все было иначе. Однако Мэрибет чувствовала, что на этот раз выбора у нее не было. Она поступила правильно — в первую очередь в интересах ребенка.

— Клянусь тебе, что в следующий раз все будет по-другому, — ласково сказал Томми, целуя ее.

Они столько всего пережили, что между ними протянулась крепкая, неспособная порваться нить. Но Мэрибет необходимо было перевести дыхание и оправиться от всего, что с ней произошло.

Врач разрешил ей выписаться на Новый год, вместе с ребенком, и Лиз, Томми и Джон приехали забирать ее.

Лиз несла девочку к машине, а Джон сделал несколько снимков на память.

День прошел тихо, и, когда новорожденная плакала, Лиз срывалась с места и неслась к ней, а Мэрибет пыталась делать вид, что она этого не слышит. Ей не хотелось теперь к ней подходить. Она больше не была ее матерью, и ей пришлось заставить себя выдерживать дистанцию между собой и дочерью.

Мэрибет понимала, что в ее сердце всегда будет место для ее первенца, но она никогда не будет кормить дочку, не будет вставать к ней по ночам, лечить от простуды или читать сказки. В лучшем случае, если она свяжет свою жизнь с этой семьей, они будут друзьями, но не более того. Даже сейчас настоящей ее матерью уже была Лиз — но не Мэрибет.

Вечером Лиз лежала на постели, обнимая дочку, а Джон с улыбкой наблюдал за ними.

— Ты любишь ее? — спросил он.

Лиз кивнула с выражением счастья на лице, не в состоянии поверить, что судьба так благосклонно обошлась с ними.

— Ну вот, теперь нам два года сна не видать, — подытожил он.

— Тебе это только на пользу пойдет, — улыбнулась Лиз, и Джон подошел к ней, чтобы поцеловать.

Девочка еще больше сблизила их. Она дала им надежду и напомнила о том, как чудесна бывает жизнь в самом ее начале и как важно для родителей не пропустить этот момент.

После появления Кейт Томми и Мэрибет тоже сблизились еще больше. Казалось, она нуждается в нем еще больше, чем прежде, и теперь Мэрибет часто задумывалась над тем, как ей будет больно

расставаться с ним. Она чувствовала себя странно уязвимой, как будто она боялась бороться с жизненными невзгодами без него.

Перспектива отправиться домой в одиночестве приводила ее в ужас, и Мэрибет, как могла, оттягивала тот момент, когда ей надо будет позвонить родителям и сообщить о том, что ребенок родился. Мэрибет собиралась позвонить им всю неделю, но просто не могла заставить себя сделать это. Она была еще не готова к отъезду.

— Может быть, я позвоню? — спросила Лиз через два дня после возвращения Мэрибет из больницы. — Я тебя не тороплю, но я думаю, что твоя мама должна узнать, что у тебя все в порядке. Она, наверное, очень беспокоится.

— Почему вы так считаете? — угрюмо спросила Мэрибет.

Последнюю неделю она думала о многом, в том числе и о своих родителях.

— Какая для нее теперь разница, если папа не разрешал ей разговаривать со мной целый год? Когда мне нужна была мать, со мной была не она, а вы, — прямо добавила она, нимало не греша против истины.

Теперь Мэрибет относилась к своим родителям иначе, чем раньше, — и к матери тоже.

Только образ Ноэль оставался нетронутым в ее сердце.

— Я не думаю, что твоя мама что-нибудь решала, — осторожно сказала Лиз, укладывая Кейт в колыбельку — она только что покормила ее. — Она не слишком сильная женщина.

Это была гораздо более деликатная характеристика, чем та, которой заслуживала Маргарет Робертсон. Мать Мэрибет была совершенно задавлена ее отцом, но неужели Мэрибет заслуживала такого отношения от матери, когда оказалась в беде?

— Я даже не уверена, что она понимает, как сильно подвела тебя, — печально продолжала Лиз.

— Вы с ней говорили? — смущенно спросила Мэрибет.

Откуда Лиз знала столько о ее матери?

Прежде чем ответить, Лиз долго колебалась, но потом решила ничего не скрывать.

Мэрибет была поражена услышанным.

— После Дня Благодарения мы с Джоном ездили к ним. Мы чувствовали, что должны сделать это ради тебя. Тогда мы еще не знали

о том, что ты решила отдать нам ребенка, но мне хотелось понять, в какую семью ты собираешься вернуться.

Кстати, если хочешь, не уезжай, живи здесь, что бы ни случилось. Я хочу, чтобы ты об этом знала. Я думаю, что твои родители любят тебя, Мэрибет, но твой отец очень ограниченный человек. Он не понимает и не хочет понимать тебя. Я хотела с ним поговорить о твоём дальнейшем образовании, нужно было убедиться в том, что они позволят тебе поступить в колледж. До окончания школы тебе осталось всего несколько месяцев, и заявку нужно сделать уже сейчас. С твоими способностями ты не можешь оставаться без образования.

— А что сказал папа? — спросила Мэрибет, все еще не в состоянии поверить, что супруги Уиттейкеры ездили к ним.

Проехать четыреста километров только для того, чтобы увидеться с людьми, которые на полгода — в самое трудное время — бросили свою дочь на произвол судьбы, — это было непостижимо.

— Он сказал, что твоя мама ничего не потеряла от того, что всю жизнь провела дома с детьми, и ты можешь сделать то же самое, — честно ответила Лиз.

Она не стала рассказывать Мэрибет, что после этого отец добавил: «Если она теперь вообще сможет найти мужа», в чем он сильно сомневался после ее «падения».

— Мне кажется, твой отец не понимает, что такие умные, целеустремленные девочки, как ты, встречаются крайне редко.

Она улыбнулась Мэрибет. Эта юная девушка так много ей дала. И теперь они с Джоном хотели отплатить ей той же монетой. Они уже обсудили это между собой.

— По-моему, у него создалось впечатление, что мы просто нафаршировали тебя разными безумными идеями по поводу колледжа, — продолжала Лиз. — Наверное, так оно "и есть, — добавила она с улыбкой, — в противном случае я буду очень разочарована. На самом деле, — она сделала короткую паузу, потому что в комнату вошел Джон, — мы хотели бы поговорить с тобой кое о чем.

Когда у нас родилась Энни, мы открыли на ее имя счет и стали копить деньги на ее образование. Теперь мы должны сделать то же самое для Кейт, но на это у нас еще есть время.

Счет на имя Томми мы открыли вообще очень давно, и теперь мы хотим дать тебе денег из капитала Энни, чтобы ты могла гарантированно поступить в колледж. Ты можешь учиться здесь или выбрать любое другое место.

Мэрибет была потрясена до глубины души, и, воспользовавшись ее молчанием, в разговор вступил Джон:

— Мы обсудили это с твоим отцом и решили, что сейчас ты вернешься домой, весной окончишь школу, а после этого отправишься туда, куда тебе вздумается. Если захочешь, можешь вернуться сюда и жить у нас.

Джон посмотрел на свою жену, и та согласно кивнула. Они уже договорились, что Мэрибет не будет говорить Кейт, что она ее мать.

Может быть, когда-нибудь, когда девочка вырастет и они сочтут, что ей нужно об этом знать, они ей скажут. Но в ближайшее время совсем не обязательно было сообщать ей правду, и Мэрибет совершенно не хотелось причинять боль ни им, ни ребенку.

— Итак, ты поступишь в колледж, Мэрибет. Остальное — дело твоего выбора. Я не думаю, что дома тебе будет легко, потому что твой отец — тяжелый человек, но мне кажется, что за это время он немного изменился. Он по-прежнему считает, что ты совершила ошибку. Я не уверена, что он способен забыть об этом, однако, по-моему, он будет рад, если ты вернешься домой. Может быть, тебе удастся прожить с родителями в мире в течение нескольких месяцев до твоего поступления в колледж.

— Мне сама мысль о доме ненавистна, — призналась им Мэрибет.

В комнату вошел Томми, сел рядом с ней и взял ее за руку. Ему тоже не хотелось, чтобы она покидала их, и он уже пообещал ей, что будет часто приезжать, несмотря на то, что расстояние между их городками было значительным.

Впрочем, оба они знали, что шесть месяцев — это не навсегда. Им просто казалось, что пройдет целая вечность — ведь в шестнадцать лет время кажется бесконечным.

— Мы не настаиваем на твоём возвращении к родителям, Мэрибет, — сказала ей Лиз, — но мне кажется, что сейчас тебе стоит пожить дома — ради твоей матери и для того, чтобы привести в порядок свои мысли.

А потом она сказала то, что обещала Джону не говорить:

— Но я не думаю, что тебе нужно там жить всегда; Они похоронят тебя заживо, если ты позволишь им это сделать.

Мэрибет слабо улыбнулась в ответ на ее замечание. Жить с ее родителями было все равно что тонуть в океане, не надеясь на чью-то помощь.

— Я знаю, что они попробуют это сделать.

Но теперь они уже не смогут мной распоряжаться по своему усмотрению. За что мне нужно благодарить вас.

Она обняла Лиз, все еще не в состоянии поверить в великодушные Уиттейкеров. Однако не стоило забывать, что и она для них много сделала.

Они сидели и тихо разговаривали, а потом Кейт проснулась и начала плакать. Мэрибет смотрела, как Лиз взяла девочку на руки, а потом дала Томми. Они передавали ее из рук в руки, как маленькую куклу, и в том, как они смотрели на нее, чувствовалась настоящая любовь.

Это было именно то, чего Мэрибет хотела для своего ребенка, именно то, что ей было нужно. Глядя на них, Мэрибет поняла, что у Кейт будет замечательная жизнь. Да, она приняла правильное решение.

Томми подержал малышку на руках, а затем протянул Мэрибет. Она поколебалась, но потом приняла ее.

Девочка, повинувшись инстинкту, потянулась к материнской груди, все еще полной молока, которого малышка ни разу не попробовала. От Кейт пахло душистым тальком и чем-то сладким.

Мэрибет, подавив в себе боль, снова протянула свою дочь Томми, проводив ее печальным взглядом. Ей по-прежнему было тяжело находиться рядом с ней.

Она знала, что когда-нибудь, когда ее жизнь пойдет своим чередом, ей будет легче. Кейт вырастет и будет восприниматься ею как дочь Уиттейкеров, во всяком случае, Мэрибет очень хотелось в это верить.

— Я позвоню им вечером, — наконец сказала она, имея в виду своих родителей.

Мэрибет понимала, что настала пора возвращаться домой, по крайней мере на некоторое время. Ей нужно было привести в порядок

свои отношения с родителями, а затем она будет свободна как ветер и начнет жить самостоятельной жизнью.

Но когда Мэрибет позвонила им, ей показалось, что ничего не изменилось. Отец был все так же груб и суров, поинтересовавшись, «избавилась ли она от него» и «провернула ли дельце».

— У меня родился ребенок, папа, — холодно произнесла она. — Девочка.

— Мне это неинтересно. Ты отдала его? — резко спросил он.

Мэрибет почувствовала, как догорают последние угольки ее любви к нему.

— Ее удочерили мои друзья, — сказала она дрожащим голосом, чувствуя себя невероятно несчастной и с силой сжимая руку Томми.

Теперь у нее не было от него никаких тайн, и его поддержка была нужна ей больше, чем когда-либо.

— Я приеду через несколько дней.

При этих словах она снова сжала руку Томми, не в состоянии поверить, что скоро ей придется оставить их гостеприимную семью.

Это было слишком больно. И ей вдруг показалось, что она не должна возвращаться к родителям.

Ей пришлось напомнить себе, что это ненадолго.

Но потом ее отец сказал нечто, удивившее ее.

— Мы с мамой сами приедем за тобой, — сердито проворчал он, и Мэрибет остолбенела.

Что это он вдруг проявляет такую заботу о ней? Она не знала, что это постарались Уиттейкеры, убедив ее родителей в том, что Мэрибет не стоит ехать одной в автобусе после того, как она еще не совсем оправилась от родов.

И в первый раз мама заступилась за нее и упросила отца поехать за Мэрибет самому.

— Это будет в следующие выходные, если тебя это устраивает.

— А Ноэль тоже приедет? — с надеждой спросила Мэрибет.

— Посмотрим, — уклончиво ответил отец.

— Могу я поговорить с мамой?

Он больше ничего не сказал и молча передал трубку жене.

Услышав голос дочери, Маргарет расплакалась. Ей хотелось узнать, все ли у нее в порядке, как прошли роды, как выглядит девочка и похожа ли она на Мэрибет.

— Она очень красивая, мама, — ответила Мэрибет, и слезы покатались по ее щекам.

Томми осторожно вытирал их. — Она такая хорошенькая!

Женщины поплакали, а потом трубкухватила Ноэль, и по ее голосу Мэрибет поняла, как соскучилась по ней младшая сестра. Их разговор показался бы стороннему слушателю бессвязным обменом возгласами, восклицаниями и обрывками отдельных фраз.

Ноэль перешла в средние классы и не могла дождаться возвращения Мэрибет. Она поразилась тому, что старшая сестра будет учиться в выпускном классе, когда вернется домой.

— Ладно, веди себя хорошо. Я скоро приеду, — сказала Мэрибет сквозь слезы, радуясь, что ей удалось поговорить с сестрой;

Может быть, Лиз и права — ей стоит вернуться домой хотя бы для того, чтобы увидеть их всех, как бы трудно ей ни было жить с родителями после всего, что произошло.

В конце концов Мэрибет повесила трубку и сказала Томми, что родители приедут за ней в ближайшие выходные.

Следующие дни пролетели быстро — Мэрибет окончательно отошла после родов и сделала все необходимые приготовления к отъезду. Лиз взяла на работе отпуск по уходу за ребенком и проводила с дочкой все время, наслаждаясь материнскими заботами. У Мэрибет не хватало духу даже просто наблюдать за этим, и в конце концов она поняла, какое счастье приносит женщине материнство, но какое это трудное счастье.

— Я бы не справилась со всем этим, Лиз, — честно призналась она, ошеломленная тем количеством работы, которое проворачивали руки этой женщины.

— Если бы понадобилось, смогла, — с улыбкой сказала Лиз. — В один прекрасный день так и будет. У тебя же будут когда-нибудь свои дети. В нужное время... и от любимого мужа. Тогда ты будешь к этому готова.

— Да, сейчас я еще не была готова, — подтвердила Мэрибет.

Может быть, если бы это был ребенок Томми, все было бы иначе. Но ей казалось странным привязаться к ребенку Пола и начать жизнь с такой чудовищной ошибки. Мэрибет задавалась вопросом, смогла бы она с этим справиться, но тут же одергивала себя.

Она решилась оставить ребенка и уехать, и это было безумно тяжело сделать, хотя Мэрибет знала, что вверила судьбу дочери в надежные руки. Одна мысль о расставании с Томми разрывала ей сердце; оставить Лиз и Джона было тоже очень трудно, не говоря уже о Кейт.

Мэрибет часто плакала по малейшему поводу, и каждый день после школы Томми старался как-нибудь ее развлечь. Они подолгу гуляли, ездили на озеро и со смехом вспоминали, как он толкнул ее в воду и обнаружил, что она беременна. Съездили они и на кладбище, чтобы убрать рождественскую елку Энни.

Они обошли все места, где бывали раньше, стараясь запомнить каждую минуту, каждое место, каждый проведенный вместе день.

— Я уверена, что вернусь сюда, — сказала она, и Томми посмотрел на нее долгим взглядом, страстно желая повернуть колесо времени вперед или назад — только бы пропустить этот тяжелый момент расставания.

— Если ты не приедешь, я сам к тебе нагряну. Все остается в силе, Мэрибет. Мои чувства к тебе никогда не изменятся.

Они оба верили в это в глубине души. Их любовь должна была стать мостом между прошлым и будущим. Теперь им нужно было только выждать какое-то время и повзрослеть.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — повторил он, глядя в ее глаза.

— Я тоже не хочу покидать тебя, — прошептала она. — Я поступлю в колледж здесь.

Или в другом месте. Мэрибет не была уверена, стоит ли ей жить в такой близости со своим ребенком. Но и Томми ей терять не хотелось. Неизвестно, что им готовит будущее, хотя сейчас им казалось, что столь драгоценное для них чувство не уйдет никогда.

— Я приеду к тебе, — поклялся он.

— Я тоже, — ответила она, уже в который раз борясь с подступающими слезами.

Но вот неотвратимый день отъезда наступил. Родители Мэрибет приехали на новой машине, только что прошедшей ремонт в мастерской отца. Ноэль они тоже привезли; девочка так умоляла их взять с собой, что они не смогли ей отказать.

Она сильно выросла, и Мэрибет кинулась к ней в объятия, как только увидела ее. Сестры долго стояли обнявшись, и Мэрибет

показалось, что все осталось по-прежнему и ничего не изменилось.

Уиттейкеры пригласили Мэрибет и ее родных на ленч, но родители сказали, что им нужно возвращаться.

Маргарет смотрела на свою дочь полными сочувствия и сожаления глазами, словно прося у нее прощения за все, что не смогла ей дать.

У нее не хватило на это смелости, и теперь ей было стыдно, что кто-то позаботился о Мэрибет вместо нее.

— Как ты себя чувствуешь? — осторожно спросила она, как будто боялась прикоснуться к своей дочери.

— У меня все хорошо, мама.

Мэрибет выглядела прекрасно и показалась матери повзрослевшей — ей можно было дать все восемнадцать. Теперь она была уже не девочкой, а взрослой женщиной.

— Как ты? — спросила Мэрибет, и мама в ответ разрыдалась от переполнявших ее чувств.

Потом Маргарет захотела посмотреть на новорожденную и, увидев малышку, снова расплакалась. Она сказала, что девочка как две капли воды похожа на маленькую Мэрибет.

Отец погрузил вещи Мэрибет в машину, и все стали прощаться, а она стояла на ступенях дома, чувствуя, как на сердце ее ложится камень.

Никому ничего не сказав, Мэрибет поспешно вернулась в дом, взяла из кровати Кейт и крепко прижала ее к себе, не стыдясь своих слез.

Девочка безмятежно спала, совершенно не подозревая о том, что происходит вокруг, о том, что что-то важное уходит из ее жизни навсегда. Мэрибет знала, что никогда не вернется к Кейт в качестве матери. Она понимала, что в жизни не может быть никаких гарантий — только обещания и произнесенные шепотом клятвы.

— Ну вот, я уезжаю, — прошептала Мэрибет на ушко спящему ангелочку. — Всегда помни, как я тебя люблю, — добавила она, и девочка проснулась и посмотрела на нее, словно пытаясь понять, что ей говорят. — Когда я вернусь в следующий раз, я уже не буду твоей мамой... я уже даже сейчас тебе не мама... Рости умницей и заботься о Томми — ради меня.

Мэрибет поцеловала дочь и прижала к себе еще крепче. Что бы она ни говорила о том, что не в состоянии ничего дать дочери и обеспечить ту жизнь, которую она заслуживает, Мэрибет поняла, что в глубине души, в сердце своем, она всегда будет помнить о том, что это ее ребенок. И она всегда будет любить Кейт.

— Я всегда буду любить тебя, — прошептала она, уткнувшись в мягкие волосики девочки, а затем осторожно положила ее в кровать, взглянув на нее в последний раз. Она больше никогда не будет так близка к ней. Это был последний раз, когда они были одним целым — матерью и дочерью.

— Я тебя люблю, — повторила она, обернулась и встретилась взглядом с Томми. Он был здесь все это время, молча наблюдая за ней и страдая от жалости.

— Ты не должна была ее отдавать, Мэрибет, — сказал он. — Я хотел на тебе жениться.

Я и до сих пор хочу этого.

— И я тоже. Я тебя очень люблю. Но я поступила правильно, и ты это знаешь. Для твоих родителей это надежда на будущее... а у нас впереди целая жизнь, — сказала она, прижимаясь к нему, словно ища в нем поддержки. — Господи, как же я тебя люблю. Ее я тоже люблю, но ведь и твои родители заслужили счастье. А что я могу сделать для Кейт?

— Ты лучше всех на свете, Мэрибет, — прошептал Томми, крепко обнимая ее и желая защитить от всех бед и невзгод. Ему хотелось никогда не выпускать ее из своих объятий.

— И ты тоже, — эхом откликнулась Мэрибет.

Они медленно вышли из комнаты, в которой осталась ее дочка — осталась навсегда.

Когда Мэрибет спустилась с крыльца рука об руку с Томми, силы чуть было не оставили ее.

Лиз и Джон не удержались от слез, целуя ее на прощание; Мэрибет пообещала им часто звонить и приезжать в гости. Ей очень хотелось этого, хотя она боялась создать у них впечатление, что она стремится чаще видиться с Кейт. Но она не представляла себе жизни без супругов Уиттейкеров, ей нужно было видиться и с ними, и с Томми. Она привязалась к ним гораздо сильнее, чем они думали.

Кроме того, Мэрибет рассчитывала на то, что их с Томми ждет счастливое будущее.

— Я люблю тебя! — сказал Томми, и его слова прозвучали как торжественный обет.

Он понимал, чего она боится и почему не хочет вмешиваться в жизнь его семьи, но ему все равно не хотелось отпускать ее. А ей было приятно осознавать это. Мэрибет знала, что Томми всегда будет рядом с ней, если ей будет нужно, — так, как сейчас.

Однако они оба хорошо поняли, что будущее — штука ненадежная. Что бы люди ни планировали, все получалось не так, как они ожидали. Кто мог знать, что Энни оставит их так быстро, или что в жизни Лиз и Джона на склоне лет появится Кейт, или что Мэрибет войдет в их дом, подобно ангелу-страннику?

— Я вас всех очень люблю, — сказала Мэрибет, в очередной раз обнимая всех по очереди, будучи не в силах оставить их.

Вдруг ее руки коснулась чья-то ладонь — ладонь ее отца.

— Ну, Мэрибет, поехали домой, — сказал он, как-то странно глядя на нее. — Мы скучали по тебе.

И с этими словами он помог ей забраться в машину. Может быть, на самом деле Берт Робертсон и не был таким деспотом, каким казался, а просто обыкновенным человеком со своими слабостями и искаженными представлениями о жизни. В какой-то степени они все, наверное, извлекли свои уроки из той истории, что им пришлось пережить.

Томми и его родители смотрели вслед отъезжающей машине, надеясь на ее скорое возвращение.

Если все сложится удачно, Мэрибет обязательно приедет учиться в их городок, а может быть, даже останется насовсем. Уиттейкеры были благодарны судьбе за то, что узнали ее, что обменялись с ней такими необыкновенными подарками — дарами любви, душевной щедростью и жизненным опытом. Мэрибет вернула их обратно в кипучий водоворот бытия, а они дали ей будущее.

— Я люблю вас, — прошептала Мэрибет, неотрывно глядя в заднее стекло машины.

Она не переставала махать им, пока дом Уиттейкеров не скрылся из виду, а Джон, Лиз и Томми стояли у крыльца, и каждый из них был занят мыслями об этой необыкновенной рыжеволосой девушке, пока

тот дар, который она им оставила, не напомнил о себе громким и требовательным криком.

Содержание

[Даниэла Стил Дар](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)